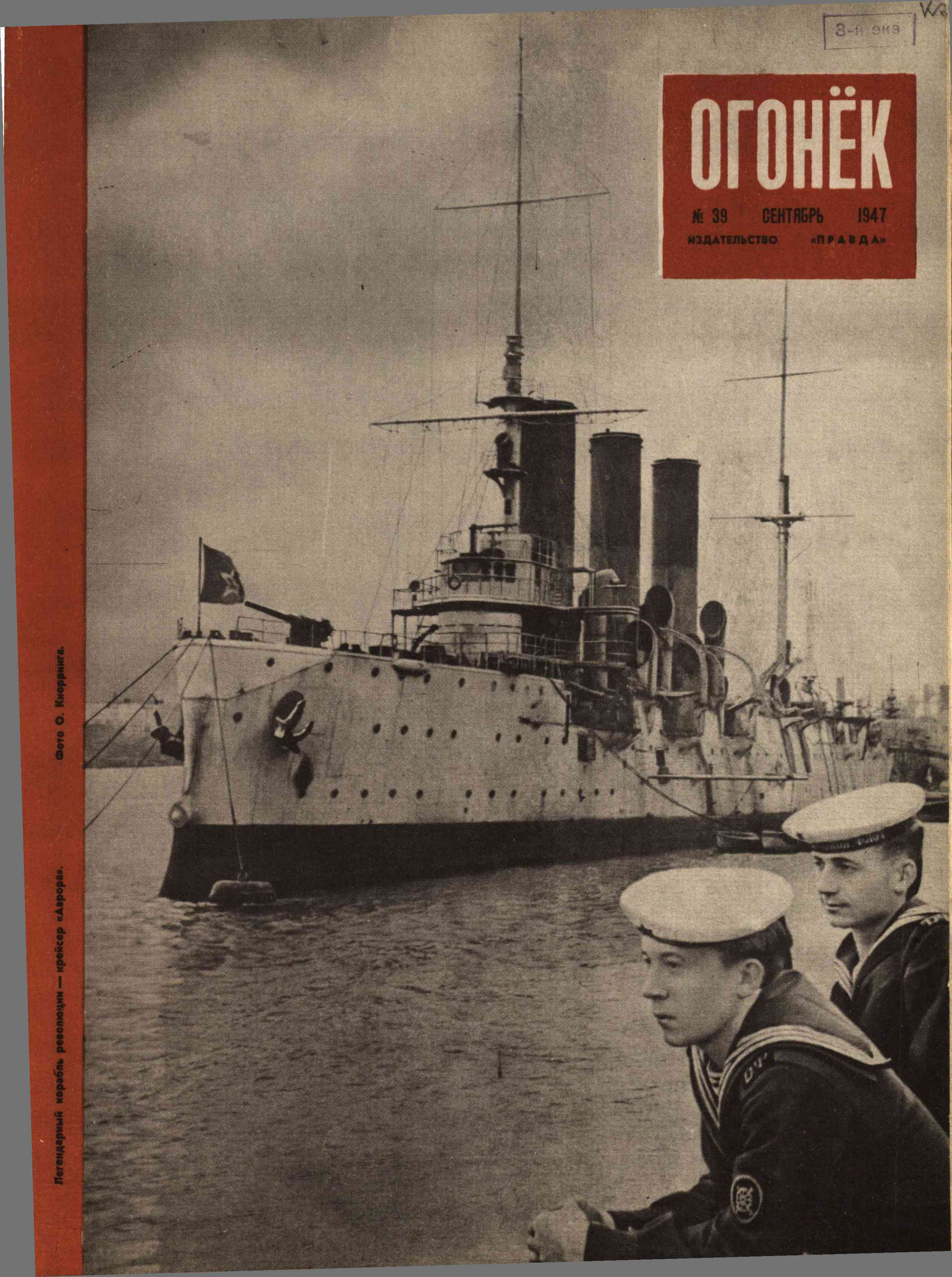

Легендарный корабль революции — крейсер «Аврора». Фото О. Кнорринга.

ТАДЖИКСКАЯ ССР. Сталинабадский мясокомбинат. Готовая продукция.
Фото А. Узляна.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 39 (1060) 28 СЕНТЯБРЯ 1947

25-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Колхоз имени Ленина первым в Карабудахкентском районе (Дагестанская АССР) закончил сдачу зерна государству и засыпал семенной фонд. На снимке: председатель колхоза депутат Верховного Совета СССР Ибрагим Карабудагов докладывает об итогах уборки урожая на заседании правления колхоза совместно с активом.

Фото И. Фетисова и Я. Ярина [ТАСС]

ЭНЕРГЕТИКА ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

И. П. КАРАСЕВ

первый заместитель министра электростанций СССР

В великих успехах социалистического строительства ленинско-сталинская электрификация СССР занимает одно из ведущих мест. Каждому это станет ясно, если сравнить то, что имела в этой области царская Россия, с тем, что имеет теперь Страна Советов. Современная мощная энергетика нашей Родины была почти полностью создана за годы советской власти.

Первый заместитель министра электростанций СССР тов. И. П. Карасев, рассказывая о победном пути развития советской энергетики, подводит нас к карте, установленной в одном из залов министерства. Карта демонстрирует этапы развития электрификации СССР.

...1913 год. Во всей стране было десять маломощных электростанций «общего пользования». Две в Москве, три в Петербурге, две в Баку, одна на Урале и две на Юге. Мощность всех этих станций не превышала мощности нескольких современных агрегатов Сталиногорской и Зуевской электростанций. Вот и вся электроэнергетика царской России.

— Электростанции России, — продолжает тов. Карасев, — в 1913 году выработали около 2 миллиардов киловаттчасов электроэнергии; в 1940 году электростанции Советского Союза выработали энергии в 25 раз больше. Такого гигантского развития не знала энергетика ни одной страны мира.

Привозившееся издалека дорогостоящее топливо сжигали электростанции Москвы и Петербурга.

Первый заместитель министра электростанций СССР И. П. Карасев.

— А на каком топливе работают советские электростанции? — спрашивает тов. Карасева корреспондент «Огонька».

— Наши крупные районные электростанции работают, как правило, на местном топливе или используют гидроресурсы наших рек. Гениальные вожди, создатели нашего государства, творцы электрификации СССР, Ленин и Сталин прозорливо предопределили развитие нашей энергетики на базе местных топливных ресурсов и использовании водной энергии. В результате в 1946 году количество привозного топлива, потребляемого электростанциями, сократилось во много раз в сравнении с дореволюционным периодом. Как на один из примеров, укажу на Каширскую ГРЭС, которая за 25 лет своего существования превратила в энергию 30 миллионов тонн подмосковного угля, ранее не использовавшегося. Для страны сэкономлено 700 тысяч вагонов высококалорийного топлива. Кроме Каширской ГРЭС, работают на местном угле Сталиногорская, Челябинская, Красногорская, Зуевская и другие тепловые электростанции. Миллионы тонн высококалорийного топлива сэкономили Шатурская, Горьковская, Ивановская, Свердловская, Ленинградская «Красный Октябрь», Дубровская и другие торфяные электростанции. Советская энергетика за годы советской власти обогатилась десятками крупных районных гидроэлектростанций, которые, понятно, вовсе не расходуют топлива.

— А сколько районных гидростанций было в царской России?

— Ни одной! Первая советская гидроэлектростанция, — рассказывает тов. Карасев,—Волховская ГЭС имени Ленина — была пущена в 1926 году. Яркосиними огоньками обозначены на карте гидроэлектростанции. Посмотрите, сколько их. Теперь около одной шестой всей электроэнергии дают стране гидростанции. Они построены на Днепре и Волге, Чирчике и Рионе, Свири и Волхове и на многих других реках.

— Каковы основные итоги электрификации нашей страны?

— Советский народ достиг высокого уровня электрификации благодаря успешному выполнению плана ГОЭЛРО и сталинских пятилеток. Большая часть плана ГОЭЛРО, как и все дальнейшее, еще более мощное развитие советской энергетики были осуществлены по указаниям товарища Сталина.

Электрификация — важнейшая материально-техническая база построения социализма в нашей стране. Благодаря огромному размаху электрификации мог возникнуть и развиваться в нашей стране ряд энергоемких отраслей промышленности: электрометаллургия, производство высококачественных сталей, меди, алюминия и других цветных металлов. Благодаря электрификации быстрым темпом в нашей стране развиваются машиностроение, электрохимия, производство минеральных удобрений, химикатов, промышленность строительных материалов, электрифицируются железные дороги и городской транспорт.

Блага электричества ощущает советский народ не только на производстве, но и в быту.

Товарищ Сталин — инициатор развития в нашей стране теплофикации. Родина теплофикации — Москва и Ленинград. Протяженность труб, по которым от станций пар и горячая вода подаются предприятиям для технических нужд и жилым домам для отопления, исчисляется теперь несколько сот километров. По уровню теплофикации СССР занимает первое место в мире.

— Что можно сказать об уровне организации нашего энергохозяйства?

— Советское энергетическое хозяйство отражает в себе все преимущества самого передового, социалистического строя и планового начала. Любое советское энергообъединение неизмеримо организованнее зарубежных электрических компаний. Наши электростанции работают по единому закону эксплоатации энергохозяйства. Этого нет ни в одной капиталистической стране. Я имею в виду действующие у нас «Правила технической эксплоатации электростанций и электросетей». Уровень технического оснащения наших электростанций выше, чем за границей. Например многие немецкие тепловые электростанции работают на паре низкого давления. Для нас это уже почти пройденный этап. На наших электростанциях систематически ведутся профилактический ремонт и испытания работы оборудования. Ежегодно проводится капитальный ремонт. Этого, как правило, нет за рубежом.

Оборудование наших электростанций используется гораздо лучше. Советские электростанции имеют рекордное число часов работы. Так, например, в 1946 году более 7500 часов работали Игумновская ТЭЦ и АртемГРЭС. До 8250 часов работала Кадырьинская ГЭС имени Карла Маркса. Оборудование наших электростанций используется в среднем почти в два раза лучше, чем за рубежом.

За годы советской власти наши энергетики достигли совершенства эксплоатации и высоких техно-экономических показателей. В дореволюционный период электростанции царской России расходовали на один выработанный киловаттчас электроэнергии 1060 граммов условного топлива, а в настоящее время — 575 граммов. Московские энергетики достигли еще больших успехов: они снизили расход топлива с 1500 граммов в 1920 году до 550 граммов в 1947 году, а теплоэлектроцентрали — до 250—350 граммов.

Мы просим тов. Карасева рассказать об электрификации деревни. Вот несколько интересных цифр, которые он приводит:

— Еще до войны 700 тысяч колхозных дворов пользовались электрическим светом, до 3 тысяч машинно-тракторных станций страны были полностью электрифицированы, около 10 тысяч колхозов перерабатывали свою продукцию с помощью электричества. В стране действовало 13 тысяч колхозных электростанций. Потребление энергии нашей деревней еще до войны достигло более полумиллиарда киловаттчасов в год. Но все это в ближайшее время будет превзойдено.

За несколько месяцев до окончания войны товарищ Сталин подписал историческое постановление о развитии сельской электрифи-

кации. С этого времени в стране началось могучее народное движение колхозников за электрификацию села. Результаты превзошли все ожидания. Свердловская область стала краем почти сплошной электрификации колхозов. В Московской области электрическим светом пользуются 50 тысяч домов колхозников, 850 клубов, изб-читален, школ и других культурно-просветительных учреждений. Полностью электрифицировано 2500 животноводческих ферм. Богатый урожай 1947 года в электрифицированных колхозах Московской области обмолачивали сотни электромолотилок. Огромных успехов в сельской электрификации достигли в Ярославской, Горьковской, Ленинградской областях Российской федерации, а также во многих других советских республиках. К 1950 году в стране будут действовать 35 тысяч колхозных электростанций.

— Расскажите, каков был урон, понесенный советской энергетикой во время войны, и как ликвидируются последствия немецко-фашистского нашествия?

Тов. Карасев показывает нам края и области, районы и города, где фашистские захватчики уничтожили, разрушили и вывезли оборудование советских электростанций:

— 60 крупнейших районных электростанций и несколько тысяч сельских разрушили и уничтожили немецкие варвары. Гитлеровские разбойники взорвали Днепрогэс — великое творение советского народа, они уничтожили Сталиногорскую, Дубровскую тепловые станции, электростанции Донбасса, Киева, Одессы, Минска, Харькова, Брянска, Ростова, Смоленска и других городов и промышленных районов. Во время войны установленная мощность электростанций страны сократилась почти вдвое, а выработка электроэнергии уменьшилась на 30 процентов.

Наш народ вышел с честью и из этого тяжелого испытания. По призыву великого Сталина советские люди в короткий срок построили в дни войны мощные электростанции на Урале и в Узбекистане, в Армении и Сибири, в Казахстане и других местах. По мере изгнания захватчиков мы вели восстановительные работы. Вслед за передовыми частями Советской Армии в освобожденные районы прибывали энергетики-восстановители. Сначала они доставляли передвижные электростанции, чтобы дать городам электроэнергию для водопроводов, пекарен и свет для населения, а затем приступали к восстановлению стационарных станций.

Уже к концу войны была восстановлена большая часть электростанций. К началу текущего года установленная мощность электростанций СССР и выработка электроэнергии превысили довоенную.

В настоящее время советские энергетики работают над осуществлением плана новой сталинской пятилетки. В 1950 году выработка электроэнергии должна составить 82 миллиарда киловаттчасов, или на 70 процентов больше довоенной. Сооружаются мощные гидроэлектростанции — Мингечаурская и Фархадская, Свирская и Гюмушская, Сухумская, Храмская и другие. Полным ходом идет восстановление Днепрогэса. Первая машина мощностью 100 тысяч лошадиных сил работает с марта 1947 года. Вторая машина проходит пусковые испытания. Ведется монтаж третьей машины. Продолжается развитие Сталиногорской ГРЭС, которая превратится в крупнейшую тепловую станцию Европы. Новые электростанции сооружаются в Сибири, на Урале, в Узбекистане, в Армении.

— Каковы особенности восстановления и развития наших электростанций?

— Мы восстанавливаем и развиваем советскую энергетику по указаниям товарища Сталина на базе новейшей техники. На наших станциях уже действуют турбогенераторы мощностью по 100 тысяч киловатт каждый, работают котлы с давлением пара свыше 100 атмосфер и температурой 500 градусов. Усиленно внедряется автоматика. В Армении и близ Москвы работают несколько полностью автоматизированных электростанций. Двери их всегда «на замке». В цехах этих станций нет ни одного человека. Сложные машины и аппараты, производящие и распределяющие электроэнергию, работают без обслуживающего персонала. Сами автоматы контролируют и регулируют работу агрегатов, а в случае их неисправности включают резервные. Ведется дальнейшая автоматизация тепловых электростанций. Прежде профессия кочегара котла считалась самой тяжелой. Кочегар на современной электростанции — это высококвалифицированный рабочий, который управляет сложным тепловым агрегатом, каким является мощный котлоаппарат. У нас есть уже такие тепловые электростанции, где кочегар котла, находясь в особой комнате — на тепловом щите, — управляет по приборам одновременно работой нескольких котлов. Автоматика обеспечивает подачу в котел топлива, питание котла водой, регулирует давление, температуру пара, полноту сгорания и так далее.

Мы сооружаем сейчас линии электропередачи напряжением в 220 тысяч вольт. Советские ученые разрабатывают проблему применения постоянного тока высокого напряжения для передачи энергии больших мощностей на дальние и сверхдальние расстояния.

Пройдет немного времени — и наша энергетика поднимется на еще более высокую ступень.

Советские энергетики упорно работают над осуществлением указаний товарища Сталина о создании резервов энергетических мощностей в важнейших промышленных районах страны. Мы форсируем строительство гидростанций для того, чтобы рост энергетики опережал развитие всех остальных отраслей промышленности.

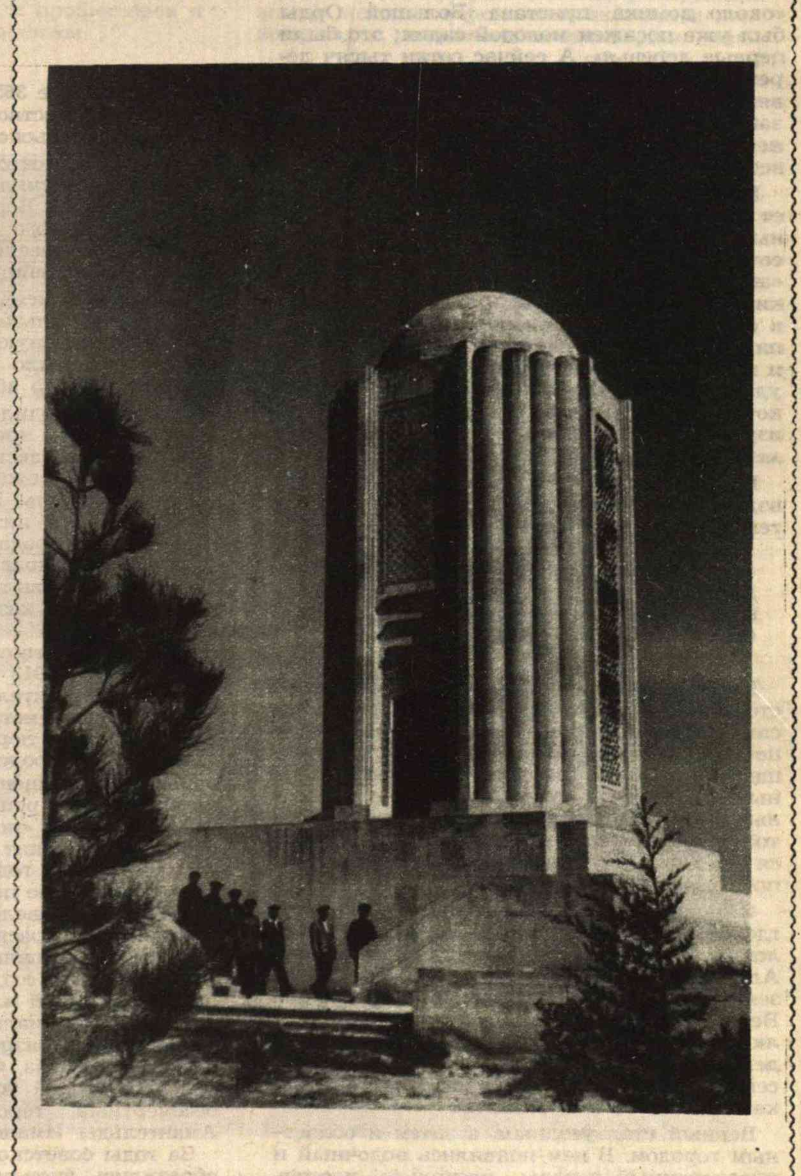
30-летие советской власти работники энергетического хозяйства страны встречают новой волной социалистического соревнования за обеспечение бесперебойного электроснабжения всех отраслей народного хозяйства Советского Союза.

На родине Низами

Вся наша страна торжественно отмечает 800-летие со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами Ганджеви. На снимках: 1. Экспонированная в музее Низами (Баку) диорама старой Ганджи (XII в.), где родился поэт. 2. Мавзолей Низами в окрестностях г. Кировабада (архитектор Алиев, 1941 г.).

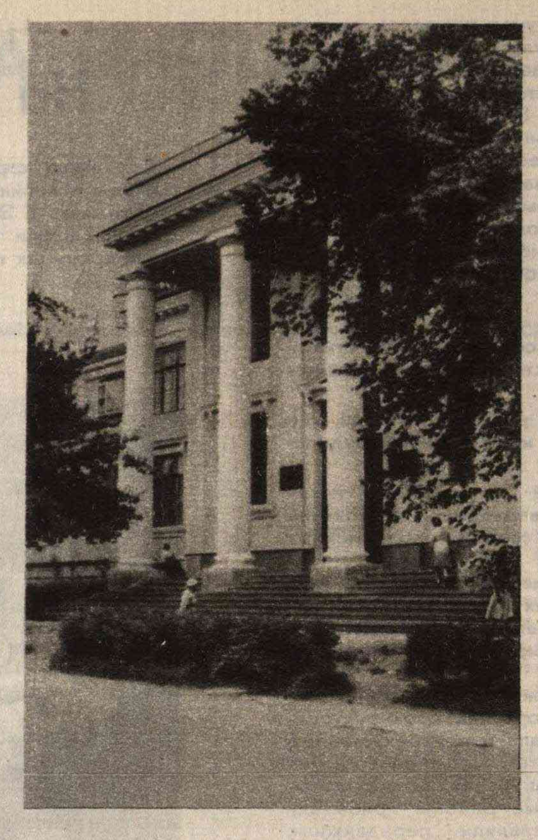
Фото А. Шишкина.

АЛМА-АТА

Александр КРОНГАУЗ

Казахский государственный университет имени С. М. Кирова.

В Алмаатинском парке культуры и отдыха имени Горького.

Вдоль широких и прямых улиц выстроились в несколько рядов могучие деревья. Порой они образуют над головами пешеходов непроницаемый для солнца свод. В самые знойные дни прохладная тень падает на алмаатинские тротуары, на выложенные камнем арыки, наполненные журчащей холодной водой.

Когда глядишь на эти зеленые насаждения, кажется невероятной достоверная запись в дневнике знаменитого географа Петра Петровича Семенова-Тяншанского о том, что в этих местах менее столетия назад «около домика пристава Большой Орды был уже посажен молодой садик; это были первые деревья». А сейчас сотни тысяч деревьев шумят над Алма-Атой своими ветвями. Зеленые аллеи, сады, парки, пронизанные ярким солнечным светом, создают неповторимое очарование города, который всегда имеет праздничный вид.

На казахском языке Алма-Ата означает «отец яблок», город славится превосходными на вкус, очень румяными, сладкими, сочными, лучшими в мире яблоками «апорт». Яблоневые сады тянутся на многие километры вокруг города. Девственные леса в предгорьях Заилийского Ала-Тау, альпийские луга по склонам горных изломов и над ними снежные вершины гор создают удивительный фон для столичного города, который сам по себе является подлинным изумрудом Советского Союза — так он зелен, свеж, молод.

Над раскаленным воздухом столицы вздымает ослепительно белые вершины легендарный хребет Ала-Тау:

«В парчевом халате, в чалме облаков,
Держа на плечах остроклювых орлов,
Над всем Казахстаном ты встал, Ала-Тау,
Седой, величавый свидетель веков...»

Неповторимую красоту казахстанской столице придает и весь архитектурный ансамбль города, новые здания, выросшие после Октября в далеком захолустье бывшей Российской империи. Асфальтированные проспекты, художественно исполненные фасады многих светлых зданий, яркая толпа на сверкающих площадях сливаются воедино с редкими красотами здешней природы.

С давних времен в этих предгорьях, там, где в 1854 году русскими военными поселенцами был заложен город Верный, ныне Алма-Ата, пасли свои стада и обрабатывали землю трудолюбивые казахские крестьяне. Верный был основан не на пустынном, безлюдном месте, как пытаются представить дело некоторые историки, а там, где среди сенокосов и пастбищ находился большой казахский поселок Алматы.

Верный стал уездным, а затем и областным городом. В нем появились водочный и пивоваренный заводы, несколько мастерских по переработке кожи, шерсти и табака. Всего в городской промышленности работало не больше 365 человек. Основным источником существования жителей Верного оставалось сельское хозяйство.

В двух городских гимназиях — мужской и женской — учились дети купцов, чиновников, баев. В Верном не было ни одного театра, ни одного кино, зато «духовно обслуживали» население девять церквей и множество питейных заведений.

Из сорока тысяч жителей города только 856 человек пользовались правом выбирать в Государственную думу. Казахское население составляло здесь ничтожное меньшинство и было абсолютно бесправным.

Верный находился вдали от железных дорог, в полном пренебрежении у центральных властей. Здесь был простор для колониального грабежа и разбоя. Ценнейшее сырье — шерсть, кожа, скот — скупалось за бесценок, а низкосортные промышленные товары продавались коренному населению по баснословным ценам. Вместе с русскими чиновниками и купцами орудовали в Верном казахские феодалы и богачи-скупщики.

Благоустройством города никто не интересовался. В 1913 году было отпущено на городское строительство 8 тысяч рублей— все они были истрачены на ремонт дома губернатора и тюремного здания. Когда в 1915 году в Городской думе был поставлен вопрос об освещении улиц, хотя бы керосиновом, Дума решила отказаться от этого ввиду того, что «порядочным горожанам по вечерам надлежит сидеть дома».

В конце 1919 года трудящиеся Казахстана, руководимые партией Ленина—Сталина, поддержанные великим русским народом и героической Красной Армией, разгромили контрреволюционные силы Колчака и Алаш-Орды и создали условия для упрочения советской власти на казахской земле. Победа социалистической революции в Казахстане неразрывно связана с именами Фрунзе, Чапаева, Фурманова. Во главе передовых людей казахского народа стоял бессмертный герой гражданской войны Амангельды Иманов.

За годы советской власти полностью преобразились экономика и культура Казахстана. В далеких степях, где редко ступала нога человека, зажглись огни строек, рудников, заводов, пролегли тысячи километров стальных путей и шоссейных дорог. Турксиб связал новую республиканскую столицу с крупнейшими центрами Советского Союза. На колхозных полях, где основным орудием был когда-то древний омач, стали работать тысячи тракторов и комбайнов. Казахстан, где 98 процентов коренного населения были неграмотными, стал превращаться в страну сплошной грамотности. Талантливый казахский народ в короткий срок преодолел вековую отсталость и с помощью братских советских народов превратил свою страну в одну из передовых индустриально-аграрных республик.

Отовсюду ехали в Алма-Ату каменщики, бетонщики, электромонтеры, водопроводчики. Инженеры, техники, проектировщики и конструкторы трудились не покладая рук над созданием новой столицы Казахстана. На месте зимовок, избушек, свалок, пустырей поднялись двухэтажные и трехэтажные здания, Дом культуры, школы, клубы, гостиницы, кинотеатры, больницы. Сады и парки возникали одновременно с новыми домами.

За 20 лет — с 1919 по 1939 год — жилая площадь города увеличилась со 183 тысяч до 627,5 тысячи квадратных метров. Вместо рытвин и ухабов на улицах появились асфальтовые мостовые и тротуары, вместо мутной воды арыков — кристально чистая водопроводная вода, взамен неуклюжих колымаг и шарабанов — трамвайный, автобусный, троллейбусный и автомобильный парки, взамен кромешной тьмы и коптилок — электрический свет.

На фабриках и заводах Алма-Аты трудятся десятки тысяч человек. Еще до войны здесь действовали заводы — шарикоподшипниковый, механический, шорно-сыромятный, авторемонтный, консервный; обувная, швейная, табачная и многие другие фабрики. В годы войны в городе открылись крупные машиностроительные и пищевые предприятия, пущены новые гидроэлектростанции. К тридцатилетию Октябрьской социалистической революции передовые предприятия Алма-Аты — заводы—«20 лет Октября», имени С. М. Кирова, тяжелого машиностроения, вагоноремонтный завод, первенец послевоенной пятилетки,—

показывают республике высокий пример социалистического соревнования.

В предвоенные годы в Алма-Ате построены Государственный академический оперный театр, Дом стахановца, институты журналистики и иностранных языков, 40 прекрасных школ, городская больница, крупнейшие жилые комбинаты и промышленные предприятия. Война помешала городскому строительству, но сейчас работа зодчих вновь приобретает прежний размах.

В центре города воздвигаются монументальные здания республиканских министерств. Величественные архитектурные ансамбли Академии наук, Инфизкульта, кинотеатра «Казахстан» и четырехэтажные жилые дома украсят улицы и площади центрального района столицы. Новые здания большой публичной библиотеки, филиала Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, высших учебных заведений будут построены на проспекте имени Сталина.

Район Алма-Аты подвержен землетрясениям. Дома тут строятся с расчетом сопротивления подземным толчкам силой до девяти баллов. Весь город разбит на сейсмические зоны. В северной и восточной зонах, где грунт насыщен водой, строятся только небольшие дома, в то время как в южной части и на запад вдоль реки Весеннки воздвигаются здания в три—четыре этажа.

Алма-Ата — центр науки и культуры Казахстана, город вузов, город литературы и искусства, город республиканской печати.

В Академию наук Казахской ССР входят многие научно-исследовательские институты. Ученые Казахстана провели громадную работу по геологическому изучению территории республики. Они обнаружили неисчерпаемые запасы ископаемых богатств — меди, серебра, свинца, цинка, хрома, ванадия.

Казахский филиал Академии сельскохозяйственных наук располагает большой сетью научно-исследовательских институтов с базами, опытными станциями и лабораториями.

Институт истории партии при ЦК КП(б) Казахстана работает над переводами произведений классиков марксизма-ленинизма на казахский язык, собирает и изучает материалы по истории коммунистической партии Казахстана, Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на территории республики.

Алма-Ата подает всему Казахстану пример в изучении биографий великих вождей советского народа — Ленина и Сталина. Более двухсот лекторов и докладчиков рассказывают трудящимся столицы о жизни и деятельности величайших людей нашей современности.

Ученые столицы успешно поработали над академическим словарем казахского языка, русско-казахским словарем, терминологическим словарем, над полным собранием сочинений классика казахской литературы Абая и над многими другими важнейшими изданиями. Собраны и систематизированы тысячи листов драгоценных образцов устного народного творчества казахского народа, его эпоса и музыкального фольклора. Создается четырехтомная история казахской литературы. В дни Великой Отечественной войны вышла в свет «История казахского народа с древнейших времен до наших дней».

В научных учреждениях Казахстана работает 1150 научных сотрудников, и среди них — 100 докторов наук и профессоров и 300 кандидатов наук и доцентов.

В столице Казахстана выходят республиканские газеты и журналы, многотиражки и бюллетени на русском и казахском языках. Алмаатинские типографии выпускают миллионы экземпляров учебников, научной, массово-политической и художественной литературы. Здесь издаются для всей страны произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина на казахском языке, переводы произведений великих русских и иностранных писателей. Нет такого глухого уголка в Казахстане, куда бы не проникало печатное слово.

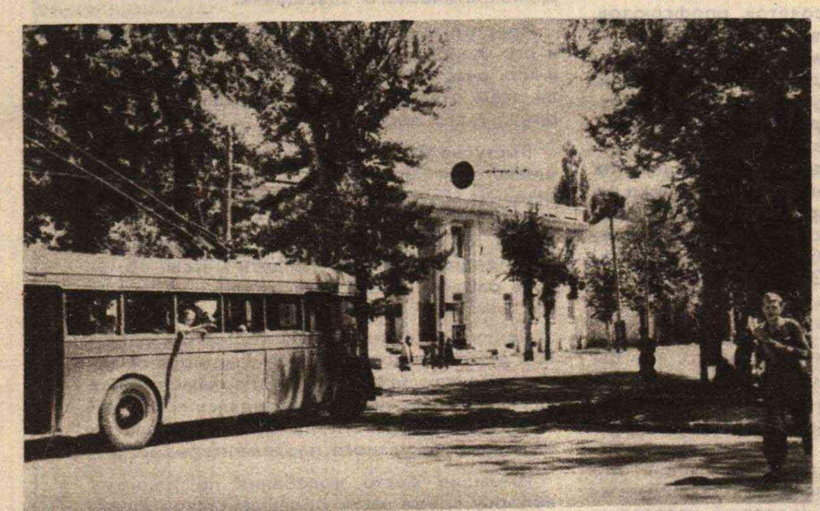
Книжный фонд Алмаатинской государственной публичной библиотеки имени Пушкина — миллион томов. Книги на многих языках хранятся на ее полках. Только Казахстану посвящено здесь 70 тысяч томов. Помимо этой фундаментальной библиотеки в городе есть еще десятки ценных библиотек.

Девять высших учебных заведений и техникумов столицы готовят для республики кадры высококвалифицированных специалистов.

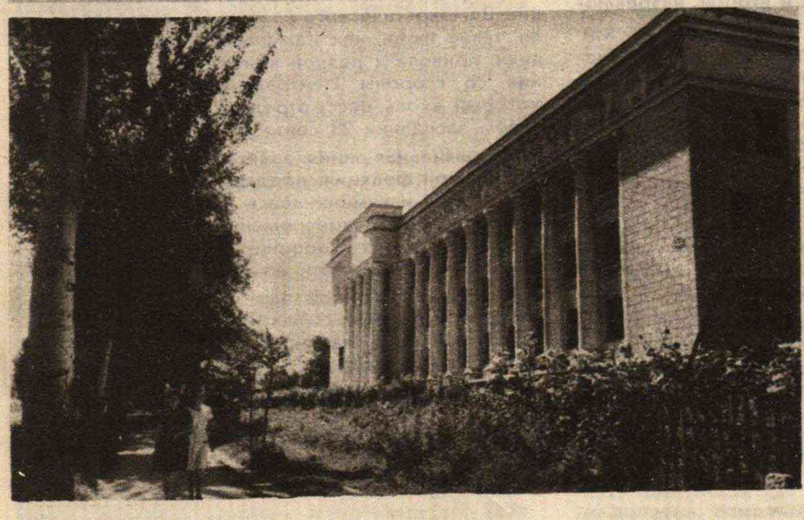
Консерватория, музыкальное, художественно-театральное и хореографическое училища и кинотехникум пополняют артистические кадры республики.

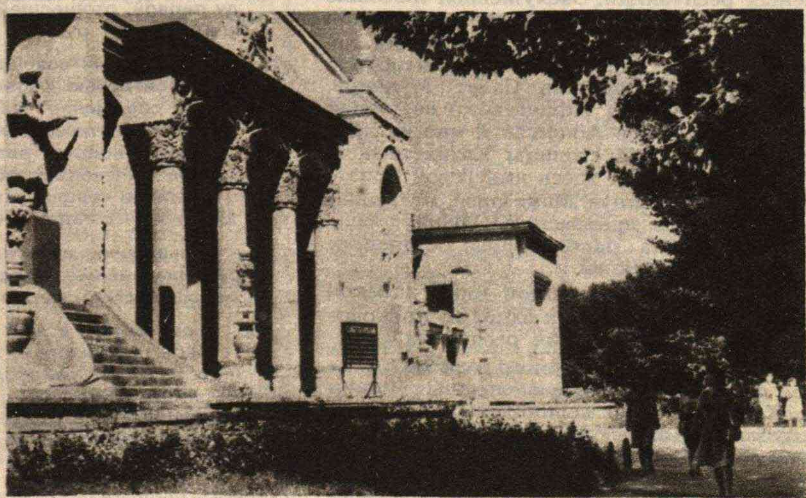
В Алма-Ате более 100 средних, неполных средних и начальных школ. Различные курсы и кружки города насчитывают 15 тысяч слушателей.

В Алма-Ате первоклассная городская больница, много амбулаторий. Круглые сутки врачи «Скорой помощи» дежурят на своем посту. В боевой готовности находятся санитарные самолеты, вылетающие по срочным вызовам на дальние расстояния. Когда в одном из отдаленных районов республики волки жестоко изранили колхозников-животноводов, алмаатинская санитарная авиа-

Вверху — Алмаатинский сельскохозяйственный институт. Внизу — здание Верховного Совета Казахской ССР.

Вверху — Казахский академический театр оперы и балета. Внизу — Театр юного зрителя в Алма-Ате.

ция немедленно доставила их в столичную больницу. Жизнь колхозников была спасена. В этом году санитарные самолеты вылетали на помощь больным отдаленных районов более тысячи раз.

Алма-Ата является центром театральной жизни республики. Государственные академические театры оперы и балета, театры драмы, юного зрителя и кукольный пользуются популярностью. В Академическом театре драмы ставят Островского, Гоголя и Чехова на казахском языке. Академический театр оперы и балета поставил на своей сцене оперу «Евгений Онегин», тоже на казахском языке. Успехом у зрителей пользуются постановки Русского оперного и Русского драматического театров Алма-Аты.

В состав Казахской государственной филармонии входят крупнейшие музыкальные коллективы национального и симфонического оркестров, казахская капелла, ансамбль песни и танца.

Концертные бригады артистов алмаатинских театров и филармонии выезжают в отдаленные районы, в колхозы и совхозы республики.

Пятнадцать лет работает в Алма-Ате киностудия документальных фильмов и пять лет — Казахская киностудия художественных фильмов. В этой студии созданы известные всей стране фильмы «Амангельды», «Иван Грозный», «Нашествие», «Черевички».

Недавно в Алма-Ате собрались из многих городов и колхозных селений Казахстана лучшие физкультурники для того, чтобы участвовать в спортивном празднике.

В Алмаатинском парке культуры и отдыха, на стадионе «Спартак» они выстроились в стройные колонны, украшенные шелковыми знаменами и огромными букетами цветов. Загорелые, мускулистые юноши, стройные, сильные и изящные девушки солнечной страны — 5 тысяч лучших спортсменов и спортсменок республики. Они показали блестящие результаты во время массовых соревнований в беге на короткие и длинные дистанции, в прыжках, в поднятии тяжестей. Конно-спортивные игры «Бой султанчиков», «На границе» и конный пушбол вызвали восхищение присутствовавших на стадионе.

Алма-Ата гордится многими знатными людьми, чьи имена окружены всенародным почетом. Это славный сталинский сокол дважды Герой Советского Союза Сергей Луганский, ныне студент Государственного университета; это старый член партии, ближайший соратник Амангельды Иманова — ныне член Президиума Верховного Совета Казахской ССР — Джангильдин Алибай; это президент Казахской академии наук Канып Имантаевич Сатпаев, чье имя известно далеко за пределами Казахстана; это доктор биологических наук депутат Верховного Совета СССР Базанова Наиля; это десятки других виднейших ученых республики. Заслуженной любовью народа пользуются солистка алмаатинской академической оперы — «казахстанский соловей»—Куляш Байсеитова, композитор Мукан Тулебаев, писатель Сабит Муканов, слесарь-стахановец Афанасьев, народный художник Кастеев Абылхан и многие другие знатные люди столицы Казахстана. С благоговением чтят здесь имя Героя Советского Союза Маншук Маметовой, отдавшей жизнь за свою прекрасную Родину, бессмертные имена панфиловцев, стоявших насмерть под Москвой.

...Захолустный в прошлом город далекой российской окраины стал одной из прекраснейших столиц советских республик.

Образы могучего горного хребта Ала-Тау, развернувшего свои снежные плечи над Казахстаном, и великолепной столицы республики Алма-Аты великий народный певец Джамбул поставил рядом, как символы величия, счастья и славы социалистического Отечества:

«...Алма-Ата и родной Ала-Тау
Хранят нашей Родины счастье и славу».

1917 — ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД — 1947

Очередное предательство меньшевиков и эсеров

После разгрома корниловщины по всей стране начался новый революционный подъем, происходил процесс обновления и оживления Советов, их большевизация. Большевиками был снова поставлен в порядок дня лозунг «Вся власть Советам!»

Эсеры и меньшевики, у которых почва уходила из-под ног, постепенно теряли большинство в Советах. В их рядах начался разброд, откололись группы «левых» эсеров и меньшевиков — «интернационалистов».

Чтобы задержать развитие событий, ослабить рост революционного подъема, укрепить коалицию с буржуазными партиями, 1 сентября 1917 года объединенное заседание ВЦИК Советов и исполкома Советов крестьянских депутатов, руководимое эсерами и меньшевиками, вынесло решение о созыве съезда «всей организованной демократии и демократических органов местного самоуправления».

На 12 сентября в Петрограде было созвано так называемое Всероссийское демократическое совещание. Здесь были представители соглашательских советов, профсоюзов, городских самоуправлений, земств, кооперативов, торгово-промышленных кругов, воинских частей и других организаций. Состав совещания был подтасован так, чтобы представители подлинно революционных организаций оказались в меньшинстве. Ленин назвал за это эсеров и меньшевиков «героями подлога». Ленин указывал, что во Всероссийском демократическом совещании «...не представлено **большинство** революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это совещание **меньшинства народа...»**

Еще за несколько дней до совещания Сталин писал в «Рабочем пути», что, чем бы ни кончилось совещание, «Коренные вопросы революции, особенно же вопрос о власти, решаются не на совещаниях. Но одно несомненно, — это то, что совещание подведет итог событиям последних дней, оно даст подсчёт сил, оно вскроет разницу между первой, отошедшей, и второй, назревающей, волной русской революции».

На открытии совещания выступил с истерической речью Керенский. Он пытался запугать совещание «наступлением анархии», тяжелым положением на фронте и т. п. Основной вопрос, разбиравшийся на совещании, был вопрос об организации власти, о коалиции «социалистов» — эсеров и меньшевиков — с кадетами.

Большевики выступили на совещании с разоблачением предательской политики меньшевистско-эсеровского блока.

В результате всяческих махинаций и подтасовок прожженных эсеро-меньшевистских политиканов, руководивших совещанием, несмотря на то, что даже большинство Демократического совещания высказалось против коалиции с кадетами, было создано третье коалиционное правительство с участием кадетов, во главе с Керенским и Коноваловым. Это правительство товарищ Сталин назвал в передовой «Рабочего пути» от 27 сентября правительством войны и буржуазной диктатуры. Было решено также создать «Временный совет республики», так называемый предпарламент.

«...перебежчики из рядов демократии, меньшевики и эсеры, укрылись в предпарламенте не для «спасения революции», а для того, чтобы помочь буржуазии в борьбе с Советами», — писал Сталин в «Рабочем пути», в статье «Кому нужен предпарламент?»

Товарищ Сталин метко назвал предпарламент «выкидышем корниловщины», а среди рабочих предпарламент получил в насмешку прозвище «предбанник».

ЦК партии большевиков вынес решение, не покидая Демократического совещания, отозвать членов партии из президиума и в предпарламент не входить. Окончательное решение этого вопроса было перенесено на заседание большевистской фракции Демократического совещания.

Предатели и изменники в лице Каменева и его сторонников отстаивали необходимость участия в предпарламенте. Они хотели этим отвлечь партию от подготовки вооруженного восстания.

Выступив 21 сентября на заседании большевистской фракции Демократического совещания, Сталин решительно отстаивал директиву Ленина о бойкоте предпарламента. Ленин писал, что «...единственное назначение предпарламента — надуть массы, обмануть рабочих и крестьян, отвлечь их от новой растущей революции...»

Ленин и Сталин считали серьезной ошибкой даже кратковременное участие в предпарламенте, так как предпарламент, как указывал товарищ Сталин, являлся попыткой буржуазии перевести страну с пути Советов на путь буржуазного парламентаризма.

Имевшие место колебания по данному вопросу среди части большевистской фракции Демократического совещания, где сидели такие люди, как Каменев и его сторонники, привели к резкой критике ее поведения со стороны Центрального Комитета, который вновь рассмотрел этот вопрос на своем заседании 23 сентября.

Неправильная линия, занятая частью большевистской фракции, поддавшейся влиянию предателей и изменников в лице Каменева и других, была своевременно выправлена. ЦК заставил этих сторонников буржуазного парламентаризма уйти из предпарламента.

ЦК большевистской партии в это время настойчиво готовил созыв II съезда Советов, в котором большевики могли теперь получить большинство.

Под давлением широких масс ВЦИК, где сидели тогда меньшевики и эсеры, вынужден был назначить съезд Советов на вторую половину октября 1917 года.

ПО СТАЛИНСКОМУ МЕРИДИАНУ

Копейцы — участники гражданской и Великой Отечественной войны — со старым боевым знаменем 1918 года. Слева направо: Сибилев П., Бойко И., Бойко Ф., Волков А., Крылов К. (секретарь Копейского горкома ВКП(б), Бойко А., Бойко П., Бойко А., Пузанов П., Гольц П.

Горняки шахты № 4—6 «Копейскуголь» со знаменем победителей во Всесоюзном соревновании молодежных бригад. Слева направо: Юрьев В., Вовненко В., Ершов Н., Светличенко Н., Синько И., Подорванова Е.; Петренко П. (секретарь Копейского горкома ВЛКСМ), Козлова А., Герои Советского Союза Кузнецов Г. и Васильев И.

ШАХТЕРСКАЯ СЛАВА

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото Дм. Бальтерманца

Специальные корреспонденты «Огонька»

Несколько лет назад вы не могли бы найти Копейск ни на одной географической карте СССР. Теперь название этого города вошло во все энциклопедии и справочники. В получасе автомобильной езды от Челябинска вырос новый промышленный центр. Здесь средоточие не только крупнейших на Урале угольных шахт, но и больших заводов союзного и республиканского значения.

Выдающийся советский ученый покойный академик Владимир Леонтьевич Комаров в годы Великой Отечественной войны назвал Урал «линией Сталина». Комаров писал: «Этот меридиональный хребет, тянущийся параллельно фронту и удаленный от него на одну — две тысячи километров, образует как бы мощную линию экономических укреплений, линию богатейших месторождений, мощных рудников, заводов и электростанций, созданную в течение трех пятилеток.

Я назвал бы Урал «линией Сталина», так как именно товарищу Сталину принадлежит инициатива и руководство в создании этой могучей индустриальной линии от арктических областей до южнобашкирских степей».

Копейск был одним из важнейших бастионов «линии Сталина».

Когда немцы захватили Донбасс, именно отсюда потянулись первые эшелоны со сверхплановым углем для топок военных заводов.

Двадцать новых шахт были здесь построены и сданы в эксплоатацию в невиданно короткие сроки. Перебазированный в Копейск из Горловки машиностроительный завод начал выпускать врубовки. Добыча «хлеба промышленности», как когда-то назвал уголь Ленин, на Урале и в Сибири возросла еще больше.

Военный и трудовой героизм советского народа, проявленный в годы Великой Отечественной войны, имеет корни в благородных традициях эпохи гражданской войны и периода восстановления народного хозяйства 1921—1925 годов. На примере Копейска это видишь особенно наглядно.

У граждан Копейска есть своя святыня: старое боевое знамя копейских красногвардейцев с прикрепленным к нему орденом.

Мы видели это знамя в горкоме партии.

Алое шелковое полотнище, в шести местах пробитое пулями, потускнело от времени, но надписи на нем не стерлись. Белые и черные буквы доносят до нас боевые лозунги тех бурных героических лет:

«Да здравствует социальная революция!»

«Смерть контрреволюционерам!»

«Да здравствует советская власть и Красная Армия!»

И внизу, помельче:

«Сводный боевой отряд».

Смотришь на знамя — и чудится: ветер Октября шевелит складки полотнища. Бессмертием нашего великого дела горят слова, начертанные первыми красногвардейцами Урала.

...В тот день, когда увидали мы знамя, довелось нам свести знакомство с высоким голубоглазым человеком с побелевшей головой — Яковом Федоровичем Смирновым.

Смирнову за шестьдесят, но на пенсию уходить он не собирается. Старый горняк заведует теперь складом взрывных материалов треста «Копейскуголь». Кстати сказать, свойства аммонала и тола знакомы Якову Федоровичу еще с того времени, когда он взрывал эшелоны Колчака.

Тридцать лет назад он вернулся из окопов первой мировой войны в родные копи под Челябинском.

Тревожно было тогда, на рубеже 1917 и 1918 годов, в маленьком горняцком поселке.

По степям Зауралья шныряли банды белоказачьего атамана Дутова. Оренбург, Орск и Верхнеуральск уже были в руках этого ставленника англо-французских империалистов. Дутов угрожал Челябинску и Самаре. В его планы входило отрезать от пролетарских центров России богатые хлебом и мясом районы Зауралья и Сибири.

Горняки челябинских копей, возглавленные большевиками, первые преградили дорогу Дутову.

Что защищали шахтеры?

В Копейске тогда не было, как теперь, прекрасных механизированных шахт, многоэтажных зданий, широких улиц, парков, школ и клубов. Но даже жалкие хибарки, саманные бараки с земляным полом, где нары считались роскошью, полукустарные шахтенки, где уголь добывался кайлом и лопатой, отнятые революцией у частных хозяев, были дороги горнякам, как дорого им было все молодое, еще не окрепшее советское государство.

...Яков Смирнов пришел с фронта не с пустыми руками: у него была винтовка системы «Гра».

Забойщик Михаил Мехотов носил бердан, Григорий Сутягин — трехлинейку; вооружены были братья Бойко и многие другие шахтеры.

С оружием не расставались даже в копях. Пока рубили уголь, винтовки стояли в углу забоя. Но чуть раздавался условный сигнал, шахтеры хватали винтовки, подымались на поверхность.

Мы слушаем рассказ о том, как в страшный буран в дырявых теплушках ехал копейский отряд на Оренбург, чтобы освободить город от дутовцев. В ожесточенных схватках на полустанках и разъездах уже пали десятки бойцов. У многих были обморожены лица, руки, ноги. Питались одним промерзшим хлебом, который раскалывали тесаками. Но красногвардейцы упорно пробивались вперед, расчищая занесенные снегом пути, снова и снова бросаясь в атаки. Возле станции Сырт дутовцы оказали особенно яростное сопротивление. Тогда ночью красногвардейцы предприняли смелый маневр. На руках по рыхлому снегу, в пургу, в жесточайший мороз перенесли они на правый фланг, в тыл дутовцам, три пушки. А утром ударили. Не ожидавшие с этой стороны удара, дутовцы покатились. И через несколько дней Оренбург был освобожден.

Небольшой шахтерский партизанский отряд вырос в грозную боевую единицу.

— Когда объявился Колчак, влился наш отряд в регулярную часть. Брали мы Бугульму, Белебей, Стерлитамак. Нашим фронтом командовал Фрунзе Михаил Васильевич. Однажды приехал он к нам в полк, зашел в роту, а там часовой возле знамени стоит. «Чье знамя?» «Копейских шахтеров-красногвардейцев, товарищ Фрунзе, не хотят с ним расставаться». «И правильно делают. Пусть еще крепче берегут свое пролетарское знамя: в нем честь их и слава».

И вот очистили Урал от колчаковцев. Стали мы возвращаться на копи. Знамя с собой привезли. Потемнело оно в боях и походах, продырявили его пули да осколки, а еще дороже стало оно шахтерскому сердцу...

...В тысяча девятьсот двадцатом году, в феврале, приезжал к нам Калинин. Вот здесь, на путях, стоял его поезд. Митинг был. Говорил Михаил Иванович про трудности. Война с капиталом еще не закончена. Чтобы победить, нужен уголь. А Донбасс разорен. На вас, говорит, на героев-уральцев, надеется советское правительство.

Уголь... А как его добыть? Шахты затоп-

лены. Хлеба нет. На жен и ребятишек смотреть страшно: распухли от голодухи. И все-таки дали мы уголь. Мало того, что задание выполнили,— сверх программы тысячи пудов отправили... Нам сам Владимир Ильич Ленин за это благодарность объявил.

...Мы простились с Яковом Федоровичем, а вечером в тихой комнате партийного актива разыскали ленинскую телеграмму. Вот текст этого документа, датированного маем 1920 года:

«Заслушав сообщение о проявленной рабочими и служащими челябинских копей энергии, что выразилось в добыче угля сверх производственной программы Главугля за первую четверть 1920 года на 25%, а также не только в полном выполнении производственной программы в 2200 тыс. пудов в апреле, но и выработке сверх нормы 900 тысяч пудов, Совет Труда и Обороны постановляет: Выразить благодарность рабочим и служащим челябинских копей и поручить народному комиссариату продовольствия совместно с народным комиссариатом труда и президиуму ВСНХ выдать им премии.

Председатель Совета Труда и Обороны
В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)».

Так раскрылась перед нами еще одна страница летописи шахтерской славы.

Одной из ярких дат на этой странице было 2 января 1925 года: в этот день советское правительство за заслуги в гражданской войне и в восстановлении народного хозяйства наградило шахтеров Копейска орденом Красного знамени.

* * *

Есть у советских людей замечательная традиция. Рожденная в чистом животворном источнике советского патриотизма, она облагораживает и возвышает души молодого поколения. Мы говорим о гордости за свой родной город.

Дети красногвардейцев, разгромивших банды Дутова и Колчака, сыновья и дочери шахтеров, заслуживших благодарность Ленина, с достоинством произносят слова:

— Мы из Копейска.

Они имеют на это право не только потому, что родились в городе шахтерской славы.

На собрании молодых стахановцев Копейска встретились мы с Георгием Кузнецовым и Иваном Васильевым. Им вместе меньше лет, чем красногвардейцу Якову Федоровичу Смирнову.

Шесть лет назад с тысячами других копейских парней Кузнецов и Васильев ушли на фронт.

Кузнецов стал командиром взвода разведчиков. С горсточкой бойцов он ходил по глубоким тылам немцев, выполняя ответственные боевые задания командования.

Васильев командовал стрелковым взводом. Его подразделение первым форсировало Днепр в районе Пятихатки.

Юноши вернулись в Копейск Героями Советского Союза.

С Золотой звездой на груди пришел из армии комсомолец шахты № 4—6 Павел Огнев. Одиннадцатый участок этой шахты занимает сегодня одно из первых мест во всесоюзном соревновании угольщиков.

Встретились мы на собрании и со знаменитой горнячкой Екатериной Подорвановой. Зимою 1943—1944 года снимок этой смуглой черноглазой девушки в шахтерском шлеме, с отбойным молотком в руках был напечатан в десятках дивизионных и армейских газет. Фронтовики писали в Копейск: «С именем девушки Кати Подорвановой мы идем в бой».

Что сделала Катя? Она первой из девушек Урала спустилась в шахту и заменила ушедшего на фронт шахтера. За ней последовали десятки и сотни других девушек и женщин. Бригада Подорвановой завоевала почетное знамя победителей во всесоюзном социалистическом соревновании молодежных бригад. Это знамя и сегодня держит шахта № 4—6, которую Катя не захотела покинуть и после Победы.

Мы приехали на шахту № 4—6 в несчастливый день: ночью произошла заминка в подаче угля на-гора, суточный план был сорван.

Напряженно работали горняки, ликвидируя последствия прорыва. А одновременно парторг ЦК Георгий Новиков, молодой коммунист Иван Митрушенко и другие вожаки шахтеров принимали все меры к организации бесперебойной работы.

Митрушенко родился в 1918 году, в тот год, когда копейские шахтеры записывались в Красную гвардию.

Он, конечно, не мог участвовать ни в разгроме Колчака, ни в восстановлении затопленных белогвардейцами шахт. Лишь в 1937 году он первый раз в жизни спустился под землю. Работать в шахте начал посадчиком. Потом был лесоспущиком, навальщиком, забойщиком. Вечерами учился на курсах техников-практиков. В 1945 году Митрушенко был уже помощником начальника участка. А еще через год назначили его начальником участка.

Трудовой путь Митрушенко — живое подтверждение одного из прозорливых сталинских предвидений о судьбах рабочего класса СССР.

Еще в 1931 году товарищ Сталин сказал на совещании хозяйственников, что производственно-техническая интеллигенция рабочего класса «...будет формироваться не только из людей, прошедших высшую школу,— она будет рекрутироваться также из практических работников наших предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте».

«Университеты», практически пройденные Митрушенко на всех участках горных работ, сделали его замечательным знатоком дела. Шахтеры понимают его с полуслова.

Когда на следующий день мы спустились с Митрушенко в шахту, работа шла уже полным ходом. Шахтеры навертывали упущенное.

Над рельсами, проложенными по тоннелю, светились электрические лампочки. Иногда впереди вспыхивала сигнальная табличка: «Осторожно. Электровоз!» Мы прижимались к стенке тоннеля: мимо проносились вагоны с углем.

Вот и штрек участка Митрушенко.

Конвейер равномерно покачивается взад и вперед, взад и вперед. Беспрерывной шумящей струей низвергается с него «черное золото».

Каждые шесть минут груженый вагон отходит от конвейера, уступая место порожнему.

Поворот налево: здесь начинается лава.

По рештакам с треском и шорохом сыплется уголь. Лава уходит круто вверх. Мы ползем от забоя к забою. Шахтеры едва отвечают на приветствие: идут последние минуты смены; каждый стремится сделать побольше своим отбойным молотком.

После смены Митрушенко собирает бригаду. Конвейер выключен, в лаве сразу становится тихо. Забойщики, навальщики, подсобные рабочие рассаживаются под электрической лампочкой на груде угля. Вытирают вспотевшие лица. Шутят...

— Получена телеграмма, — произносит Митрушенко, вынимая из кармана бумажку.— Сейчас оглашу.

Он придвигается поближе к лампочке, читает:

— «Москвы... Правительственная... Копейск. Челябинской. Участок одиннадцать шахты номер 4—6... Коллегия поздравляет коллектив рабочих, инженеров, техников, служащих участка с выполнением всех условий всесоюзного социалистического соревнования... Выражает уверенность, что рабочие, инженеры, техники, служащие участка, улучшив свои показатели, добьются первенства во всесоюзном социалистическом соревновании. Министр Оника...» Все.

* * *

...Мы бы хотели присутствовать при еще одном торжестве угольщиков Копейска.

В канун тридцатой годовщины Октября соберутся лучшие люди шахтерского города в празднично убранном просторном зале Дворца культуры.

Загремит оркестр.

Откроются высокие двери.

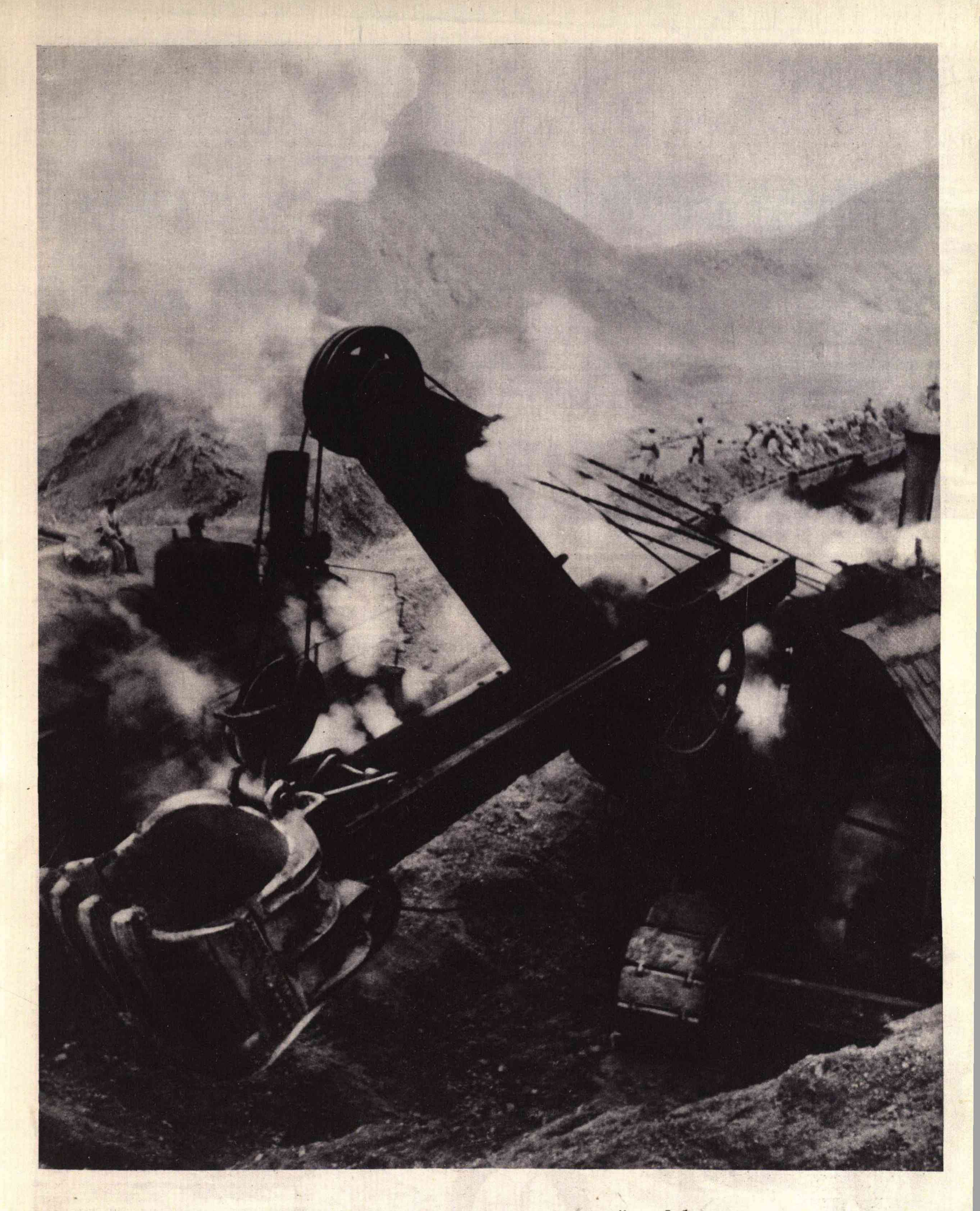
И, согласно традиции, сопровождаемые почетным караулом, встречаемые рукоплесканиями, гордо пройдут через весь зал на сцену ветераны гражданской войны, неся свое старое боевое знамя. А вслед за ними, под бурю оваций, поднимутся на сцену победители соревнования — гвардейцы угольного фронта.

И рядом со знаменем 1918 года под ослепительными лучами прожекторов засверкает золотом и пурпуром знамя достойных наследников солдат Октября.

Копейск.

Забойщик участка № 11 шахты № 4—6 Андрей Пашнин. Начальником этого передового в Челябинском угольном бассейне участка работает молодой коммунист И. Е. Митрушенко.

КИРГИЗСКАЯ ССР. На строительстве железной дороги Кант — Рыбачье.

Фото М. Савина.

Пржевальская пароходная пристань на озере Иссык-Куль

Фото М. Савина.

Рыбаки тянут сети (Рыболовецкий колхоз «Красный авангард»).

МЕДАЛЬ «В ПАМЯТЬ 800-ЛЕТИЯ МОСКВЫ»

Президиум Верховного Совета СССР постановил в ознаменование 800-летия города Москвы учредить медаль «В память 800-летия Москвы».

Медалью «В память 800-летия Москвы» награждаются: рабочие, инженерно-технический персонал и служащие промышленных предприятий, транспорта и городского хозяйства Москвы; работники науки, техники, искусства, литературы, просвещения и здравоохранения; работники государственных учреждений, партийных, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, — отличившиеся в проведении работ по реконструкции столицы и обеспечившие своим трудом развитие ее промышленности, транспорта, городского хозяйства, научных и культурно-просветительных учреждений; военнослужащие, инвалиды войны и труда, домашние хозяйки, принимающие активное участие в благоустройстве города, работе школ и детских учреждений.

Трудящиеся награждаются медалью при условии проживания в Москве или ее пригородах не менее 5 лет. На снимке: лицевая и оборотная стороны медали.

Выставка «Реконструкция Москвы»

В юбилейные дни 800-летия столицы в московских клубах, дворцах культуры, музеях открылись выставки по истории великого города, его архитектуре, искусству, промышленности. Но самая значительная из выставок — «Реконструкция Москвы» — открылась в одном из прекрасных зданий на Ленинградском шоссе. Здесь побывали делегаты союзных республик, прибывшие на празднование, тысячи жителей Москвы, иностранные гости столицы.

«Все, что ни строится в Москве,— дворцы культуры, театры, школы, библиотеки,— все это для народа, все служит на благо трудящимся», — заявил после посещения выставки председатель исполкома Белграда Нинко Петрович.

«...Везде, в центре и на рабочих окраинах, резко бросается в глаза превращение древней Москвы в новую, социалистическую Москву»,— такую запись оставил член городского совета Осло — Квалею Юль.

«...Мы должны учиться у Москвы»,— сказал, покидая столицу, бургомистр Будапешта г-н Бочнар Иожеф.

На одном из стендов выставки рядом с фотографией старой Пресни с ее трущобами, покосившимися домиками, где ютились рабочие семьи, показаны новые дома, в которых сейчас живут рабочие Красной Пресни. Эти дома построены в годы советской власти. В квартиры переселены были из подвалов и трущоб рабочие семьи после Октябрьской революции. Это только один штрих новой Москвы.

* * *

На выставке мы встретили одного из старейших московских строителей — каменщика В. Р. Быкова. Варфоломей Родионович Быков строил в Москве огромное количество зданий — Дом правительства у Большого Каменного моста, жилые дома на Фрунзенской набережной, на 2-й Извозной улице, четыре школы, два детских сада и многое другое.

Подходим к карте — генеральному плану реконструкции Москвы. Карта занимает стену самого большого из выставочных залов. Светящиеся линии показывают новые кварталы, реконструированные улицы и площади, районы будущего строительства. На карте мы видим обновленную Москву-реку, канал, линии метро, новые парки, бульвары.

— А вот здесь,— показывает Быков на Ленинские горы, — будем строить 32-этажный дом. Надиях вместе с автором проекта академиком архитектуры Б. М. Иофаном заложили первый камень. Надеюсь, что скоро вместе с ним будем праздновать новоселье у будущих жителей самого высокого в Москве дома,— с гордостью сказал Быков.

* * *

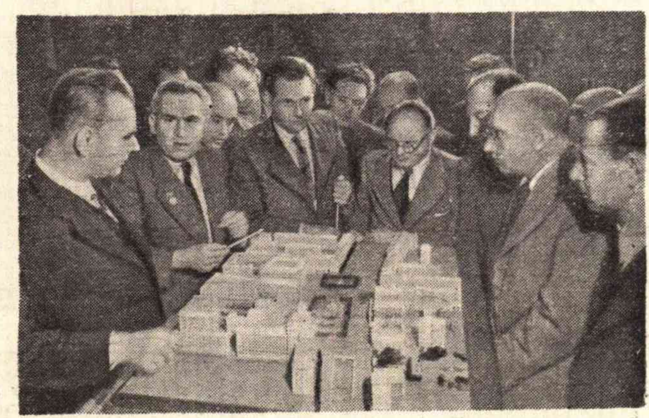
14 отделов выставки «Реконструкция Москвы», конечно, не могут полностью отразить того, что сделано в Москве за годы ее реконструкции. Но и то, что здесь показано, может поразить не только гостей, осматривающих Москву впервые, но и коренных ее жителей. Я видел, с каким интересом осматривали выставку архитекторы и инженеры, строители и садоводы — москвичи, которые сами строили мосты, возводили здания театров, школ, больниц, асфальтировали московские улицы, передвигали дома.

Выставка показывает не только сегодняшнюю Москву, но и раскрывает ее перспективы. На стендах мы видим будущий проспект Дворца Советов, полностью реконструированную улицу Горького, Можайское шоссе и грандиозный городок науки на Калужской улице.

Площадь Маяковского с великолепным зданием гостиницы, с памятником поэту в большом сквере. Под площадью тоннели для транспорта, двигающегося по Садовому кольцу.

Пушкинская площадь. И ее не узнать. Большие здания на углу улицы Горького, новые дома со стороны улицы Чехова. В центре площади большой сквер с перенесенным сюда памятником Пушкину.

А. ДАВЫДОВ

Главный архитектор Москвы Д. Н. Чечулин (второй слева) рассказывает посетителям выставки о реконструкции центральных площадей столицы.

Фото Э. Гутгарца

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНОВ РАБОТНИКАМ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА МОСКВЫ. 20 сентября в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник вручил ордена большой группе работников городского хозяйства Москвы. На снимке: группа награжденных после вручения орденов выходит из Кремля. Слева направо: Н. Г. Ликовенков, Н. Н. Данилов, Т. А. Селиванов, Г. М. Попов, Н. П. Фирюбин, С. А. Жолнин, И. А. Нарфенов, награжденные орденом Ленина, и О. В. Козлова, награжденная орденом Отечественной войны I степени.

Фото Дм. Бальтерманца

ВЫБОРЫ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Президиум Верховного Совета РСФСР назначил на воскресенье 21 декабря 1947 года выборы в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся Российской Федерации.

Президиум Верховного Совета УССР назначил выборы в местные Советы депутатов трудящихся Украинской ССР на 21 декабря 1947 года.

Последние выборы в местные Советы проводились в декабре 1939 года. Война помешала провести следующие выборы в сроки, установленные Конституцией. В первый же послевоенный год, когда советский народ вернулся к мирному труду, были проведены выборы в Верховный Совет СССР, а еще через год — в Верховные Советы союзных и автономных республик.

Подготовка к выборам в местные Советы депутатов трудящихся начинается в обстановке огромного патриотического подъема, охватившего весь советский народ в связи с 30-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

НА МОГИЛЕ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

Фото В. Храмцова

Саркофаг Юрия Долгорукого. Надпись на плите саркофага.

Храм-заповедник Киево-Печерской лавры «Спас на Берестове». Здесь покоится прах Юрия Долгорукого.

В дни празднования 800-летия Москвы в столице Украины — Киеве — открыт для всеобщего обозрения саркофаг на могиле выдающегося государственного и военного деятеля древней Руси Юрия Долгорукого, основавшего в 1147 году город Москву.

Юрий Долгорукий похоронен в Киево-Печерской лавре. В ознаменование 800-летия столицы СССР на могиле Юрия Долгорукого сооружен монументальный саркофаг. На плите его высечена на украинском языке надпись: «Тут поховано Юрія Долгорукого засновника Москвы. 1090—1157» («Здесь похоронен Юрий Долгорукий, основатель Москвы. 1090—1157»). Сбоку на цоколе саркофага надпись: «Сооружен в ознаменование 800-летия Москвы трудящимися Киева 7/IX 1947 г.»

Испытание временем

18 сентября через Москву проследовала колонна автомашин. Транспаранты, украшавшие их кузова, возвещали: «Автопробег Ялта—Москва—Горький—Ялта». Но это был не спортивный автопробег и не увлекательная туристская поездка, а демонстрация выносливости советских автомашин.

В начале прошлого года шоферам ялтинских санаториев тт. Курнавину, Солдатову, Башарину и Назаренко были вручены новые, прибывшие с Горьковского автозавода автобусы. Принимая эти машины, шоферы взяли на себя обязательства, одним из основных пунктов которых было совершить на машинах безремонтный пробег по сто тысяч километров. Прошло немногим больше года. Машины проделали по трудным дорогам Крыма по сто пять тысяч километров и ни разу за это время не ремонтировались.

Весть о выдающемся достижении крымских шоферов-стахановцев дошла до Горьковского автозавода. Шоферы получили от автозаводцев приглашение приехать на своих машинах в Горький.

По дороге, в Москве, водители автотранспорта столицы устроили крымским шоферам теплую товарищескую встречу. На этой встрече тт. Солдатов, Курнавин, Башарин и Назаренко поделились своим замечательным опытом работы. После встречи участники пробега отправились в Горький.

Дирекция Горьковского автозавода имени Молотова решила выдать стахановцам-шоферам новые автобусы, а машины, на которых они проделали по сто пять тысяч километров, оставить на заводе для изучения.

На родину из Франции

По телефону из Гродно

Более 500 семейств белорусов вернулись на постоянное жительство в Белоруссию из Франции. На родину возвращаются люди, покинувшие родные места 20—25 лет назад — в годы панского владычества над землями Западной Белоруссии. Они уехали в далекую Францию в поисках призрачного счастья, но не нашли его там.

Недавно на станцию Гродно прибыл пятый эшелон с переселенцами, которым трудящиеся города устроили горячую, братскую встречу. Когда поезд подходил к новому вокзалу Гродно и переселенцы увидали первый советский город, многие заплакали: то были слезы радости.

Александр Соловей, более 25 лет проживший в Париже, в прошлом житель небольшой белорусской деревни, выступая на митинге, сказал:

— Прими, Родина, мой низкий поклон и благодарность за радушную встречу. Четверть века назад я, преследуемый панами, покинул эти места в поисках хлеба. Сегодня я возвращаюсь под родной кров, с паспортом гражданина Советского Союза, полный желания принять активное участие в строительстве новой жизни.

В этой группе переселенцев прибыли шахтеры, шоферы, сельскохозяйственные рабочие. Все они получают работу по специальности, жилье и денежную ссуду для устройства.

Е. САДОВСКИЙ

Юбилейные выставки Эрмитажа

Реставрация Октябрьской лестницы

В Ленинграде 12 сентября начались работы, связанные с реставрацией исторического Октябрьского подъезда к лестнице Зимнего дворца, через который во время штурма в Октябрьские дни 1917 года ворвались во дворец первые отряды красногвардейцев, революционных моряков и солдат. К 30-летию советской власти здесь будут полностью восстановлены художественная лепка, живопись и мрамор.

Большие работы ведутся по переустройству внутренних помещений Зимнего дворца, где еще в этом году будет подготовлено для размещения экспозиций Государственного Эрмитажа несколько десятков зал. Часть из них отводится под юбилейные выставки, открытие которых приурочено к Октябрьским праздникам. Это «Галлерея Петра Великого», «Эрмитаж за 30 лет» и др.

Подходит к концу наружная реставрация Зимнего дворца. Снимаются последние леса со стороны фасада, выходящего на набережную Невы. Прекрасное архитектурное оформление зодчего Растрелли предстает во всем своем великолепии и величии. О масштабах этой работы можно судить по тому, что реставрировано около 50 тысяч квадратных метров дворцового фасада.

ДАР ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

12 сентября находящаяся в Москве делегация чехословацких писателей передала Союзу советских писателей СССР обнаруженные недавно в Чехословакии материалы, связанные с жизнью А. С. Пушкина и его семьи. Расскажем здесь вкратце о том, как они оказались в Чехословакии и что они представляют собою.

В числе этих материалов имеется портрет Александры Николаевны Гончаровой. Она была старшей сестрой жены поэта — Натальи Николаевны, жила в семье Пушкина и находилась близ него, когда он умирал.

Через 15 лет после смерти поэта Александра Николаевна вышла замуж за барона Густава Фризенгоф, чиновника австрийской службы, и уехала с ним за границу. Там, в поместье Бродяны (находящемся на территории современной Чехословакии), она жила до последних лет своей жизни. Русские путешественники, бывавшие в замке Бродяны уже после смерти Александры Николаевны, рассказывали, что там хранились реликвии и материалы, связанные с жизнью и творчеством Пушкина, вывезенные ею из Петербурга.

Ссылаясь на эти сведения, известный исследователь Пушкина, М. А. Цявловский, указывал, что материалы эти, возможно, сохранились в Бродянах до нашего времени, и советовал принять меры для выяснения их судьбы.

В последний период Великой Отечественной войны, когда советские войска, освобождавшие территорию Чехословакии, вели бои в районе реки Нитра, где находится замок Бродяны, Союз советских писателей и его Пушкинская комиссия обратились к нашему военному командованию с просьбой оказать содействие в выяснении судьбы пушкинских материалов, вывезенных туда Александрой Николаевной Гончаровой-Фризенгоф.

Литературовед Н. Н. Вильям-Вильмонт, находившийся в рядах Советской Армии, побывал с этой целью в Бродянах. Предположения М. А. Цявловского подтвердились: оказалось, что материалы, судьба которых нас интересовала, хранились там до последних лет. Обнаружить их на месте тогда не удалось. Однако Н. Н. Вильям-Вильмонт выяснил, что в числе этих материалов были портреты, письма и альбом с рисунками Пушкина. Позднее в чехословацкой печати появились сведения о некоторых из этих материалов, а 12 сентября член чехословацкой писательской делегации Зора Есенска передала Союзу советских писателей портрет Александры Николаевны Гончаровой, писанный маслом, письма ее мужа Густава Фризенгоф, одно из которых говорит о последней дуэли Пушкина и его трагической смерти, и некоторые другие изобразительные материалы.

Принадлежавший Александре Николаевне альбом с рисунками поэта пока не обнаружен. Однако есть все основания к тому, чтобы продолжать розыски. Возможно, что в результате их будут обнаружены не только рисунки, но и автографы великого поэта. Это тем более вероятно, что Александра Николаевна до конца не только берегла память о Пушкине и реликвии, связанные с его жизнью: она, как мы знаем, помнила наизусть его стихи и в состоянии была, повидимому, оценить значение для русской литературы и потомства подлинных рукописей поэта.

Дар чехословацких писателей передан на хранение в Государственный музей А. С. Пушкина при Институте мировой литературы Академии наук СССР.

Принимая материалы, заместитель генерального секретаря Союза советских писателей К. Симонов горячо поблагодарил чехословацких писателей за сердечный дар, свидетельствующий о дружбе двух братских литератур.

Ил. ФЕЙНБЕРГ

Матч «ЦДКА» — «Крылья Советов»

Героем воскресного матча между командой «ЦДКА» и «Крылья Советов» (Москва) был, конечно, левый край нападения армейских футболистов Владимир Демин.

Фотографу удалось запечатлеть момент, когда Демин, ловко обманув преследовавшего его защитника В. Карелина (в центре), неожиданным ударом забивает третий гол в ворота противника. Команда «ЦДКА» выиграла матч со счетом 5 : 0. Три первых гола приходятся на долю Демина.

Фото А. Бочинина

115-ЛЕТИЕ ТЕАТРА ИМЕНИ ПУШКИНА

Исполнилось 115 лет со дня основания одного из старейших русских театров—Ленинградского Государственного Академического театра драмы имени А. С. Пушкина (бывшего Александринского).

В 1832 году театр открылся трагедией Крючковского «Дмитрий Пожарский» и в скором времени сделался крупнейшим центром отечественной театральной культуры. Он первый показал нашему зрителю «Бориса Годунова», «Горе от ума», «Ревизора». Здесь выступали талантливейшие актеры нашей родины: Каратыгин, Мартынов, Давыдов, Савина, Варламов, Комиссаржевская.

Великая Октябрьская революция освободила Александринский театр от буржуазно-дворянских влияний, широко распахнула его двери „для народа.

Здесь выросли великие мастера сцены В. Мичурина-Самойлова, Ю. Юрьев, Е. Корчагина-Александровская и новое поколение артистов, имена которых известны всей стране — Н. Черкасов, Н. Симонов и другие.

Сейчас театральный коллектив напряженно работает над юбилейной постановкой к 30-й годовщине Октября — «Жизнь в цвету» А. Довженко. Эта пьеса посвящена великому русскому ученому-селекционеру Ивану Владимировичу Мичурину. Она показывает, какие широкие возможности предоставляет советское государство деятелям науки. Роль Мичурина исполнит народный артист СССР Н. Черкасов.

ЗДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

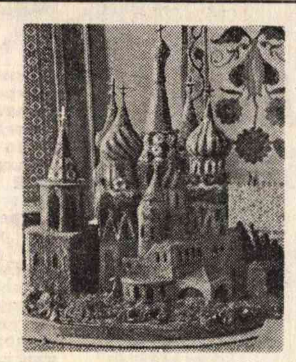
Наднях Управление по делам архитектуры Моссовета утвердило проект здания Верховного Суда СССР, которое в ближайшее время начнут строить в Москве на Фрунзенской набережной.

Авторы проекта — действительный член Академии архитектуры СССР Н. Я. Колли и архитектор В. В. Калинин. Здание состоит из центрального главного корпуса и двух боковых. Фасад его обращен к Москве-реке. Перед входом в центральный корпус проектируется глубокая лоджия — галлерея на колоннах, к которой от берега Москвы-реки поднимаются гранитные ступени широкой парадной лестницы. Над лоджией скульптурная группа, рабочий и крестьянин с эмблемой советской юстиции — щитом и гербом СССР и двумя скрещенными мечами.

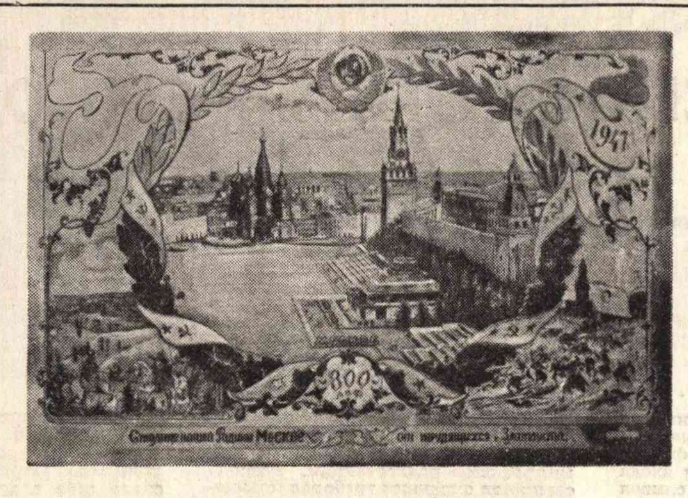
Из лоджии через массивные двери посетитель попадет в двухсветный парадный вестибюль. Отсюда внутренняя лестница ведет в обширный зал заседаний Верховного Суда. В третьем этаже центрального корпуса над вестибюлем расположен круглый зал заседаний Коллегии Верховного Суда, перекрытый куполом. Купол, опоясанный колоннадой, является центром всей архитектурной композиции.

Боковые корпуса соединяются с центральными переходами. Они оформлены воротами из литой бронзы.

Все здание предполагается облицевать естественным камнем золотистого оттенка, а для колонн применить белый камень подмосковных месторождений.

Макет храма Василия Блаженного, сделанный из семян и лепестков цветковых растений. Подарок учащихся профтехшколы № 2 Мосгорсобеса.

Шахматный столик (мозаика из цветной пластмассы) — дар трудящихся Орехово-Зуева, Московской области.

На выставке «Реконструкция Москвы» экспонированы юбилейные подарки Москве в честь ее 800-летия. В дар столице трудящиеся союзных республик, областей, городов прислали многочисленные поздравительные адреса, великолепные ковры, картины, панно, скульптуры, изделия из цветных металлов и редких пород дерева. На снимке в центре: панно «Красная площадь» (тиснение и чернение по металлу) — дар трудящихся Златоуста.

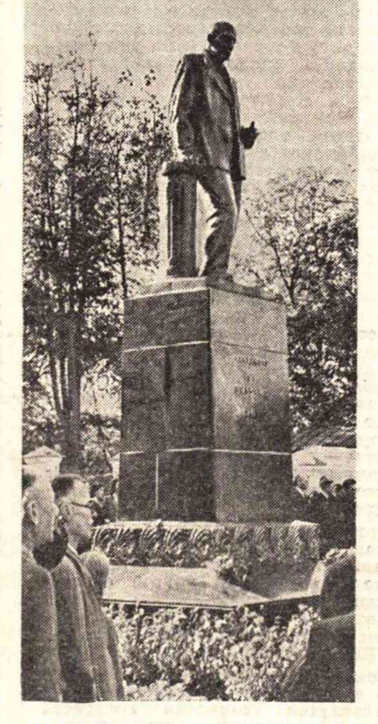

В агрокабинете Московского совета открылась осенняя выставка плодов и овощей. На выставке показана продукция коллективных и индивидуальных огородов москвичей и подсобных хозяйств предприятий.

14 сентября в Петродворце (Ленинград) состоялся торжественный пуск восстановленных фонтанов. Вновь забили фонтаны «Большого Каскада» и «Самсона». На снимке: вид на фонтаны «Большого Каскада» с Дворцовой галлереи.

21 сентября закончились шестые Всеармейские стрелково-стендовые соревнования, происходившие под Москвой. Лучшие результаты показала команда Московского военного округа, получившая переходящий приз — серебряный кубок. Приз и диплом первой степени вручен победителю соревнований — абсолютному чемпиону Вооруженных Сил СССР на 1947 год лейтенанту С. С. Сухареву (Черноморский флот). В стрельбе с места он поразил 299 мишеней из 300 возможных. Его результат — выше мирового рекорда. На снимке: момент стрельб команды МВО; в рамке — лейтенант С. С. Сухарев.

На территории Московской ордена Ленина Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева открыт памятник академику В. Р. Вильямсу. Авторы памятника — скульптор С. О. Махтин и архитектор И. А. Француз.

На строительстве дома № 27/29 по улице Горького в Москве работает знатный стахановец-штукатур Ф. И. Борисов. Он перевыполняет ежедневно норму на 400—500%. В день 800-летнего юбилея Москвы тов. Борисов награжден орденом Ленина.

Фото В. Евграфова, П. Колосова, М. Савина, Г. Цветкова и корреспондентов Фотохроники ТАСС: А. Пересветова и В. Федосеева.

ПОД СЕНЬЮ СТАТУИ СВОБОДЫ

Наступление американской реакции против передовых сил страны

Ал. АБРАМОВ

Для приезжающих в Америку из Европы первое, что открывается взгляду,— это гигантская фигура статуи Свободы. Она стоит у входа в Ньюйоркскую гавань, как символ «заокеанской демократии».

Но если ваше знакомство с Америкой начнется за комплектом американских газет, вышедших в последние месяцы, то первое, что вам бросится в глаза,— это огромные, крикливые заголовки, находящиеся в явном противоречии с самим понятием слов «свобода» и «демократия».

«Эдгар Гувер призывает все силы Америки к борьбе с «красной опасностью»; «Республиканец Маккормик требует роспуска организации «Прогрессивные граждане Америки»; «В «черном списке» комиссии Томаса миллион «красных», которым грозит суд и тюрьма»; «Республиканский губернатор приказывает ректору Мичиганского университета исключить 200 студентов». Если же прочитать статьи и заметки, помещенные под этими заголовками, станет совершенно очевидно, что американский монополистический капитал развернул широкое наступление на позиции демократии.

Это наступление внутри страны находится в самой тесной связи с нынешним курсом внешней политики Соединенных Штатов Америки. Программа внешней политики и международного сотрудничества, проводившаяся Рузвельтом, объявлена враждебной жизненным интересам Америки. Достижения рузвельтовского социального законодательства внутри страны зачеркиваются каждым новым актом конгресса.

Наступление реакции началось еще до победы республиканцев на выборах в конгресс, когда в атмосфере послевоенного биржевого «бума», в ажиотаже реконверсии американские финансовые и промышленные воротилы уже нащупывали будущий курс внешней и внутренней политики США.

На поле предстоящей битвы был выпущен некий мистер Эдгар Гувер, глава Федерального бюро расследования при министерстве юстиции США.

Не следует смешивать Эдгара Гувера с Гербертом Гувером. Герберт Гувер — бывший президент США, ныне один из инспираторов реакционного курса американской политики. Эдгар Гувер прославился в свое время как организатор уголовной полиции специально для борьбы с бандитизмом. Но у обоих Гуверов много общего. Один в настоящее время — вдохновитель «крестового похода против коммунизма», другой — его деятельнейший участник. Учреждение, возглавляемое Эдгаром Гувером, из бывшего департамента уголовной полиции превратилось в департамент полиции политической.

В октябре 1946 года Эдгар Гувер выступил на съезде Американского легиона (реакционная организация ветеранов первой мировой войны) с речью, в которой фигурировали жупелы куклуксклановцев времен 1919 года: «рука Москвы», «мировой заговор коммунистов», угроза «красной опасности» и т. д. После этого выступления Гуверу тотчас была предоставлена трибуна на страницах американской печати и у микрофонов радиостанций. Распоясавшийся охранник требовал привлечения к уголовной ответственности не только членов американской компартии, но и вообще всех повинных в «коммунизме», то есть в стремлении к послевоенному сотрудничеству с СССР.

Кампания началась. Газеты Херста и Маккормика ежедневно сбрасывали на голову американского читателя «антикоммунистические бомбы».

«Гувер выступил не только против коммунистической партии,— писала газета «Дейли уоркер».— Следуя нацистским образцам, он хочет нацепить намордник на всех, кто поддерживает прогрессивные идеи, на всех поборников мира и демократии».

На этот характер гуверовского похода указывали и такие, отнюдь не коммунистические газеты, как «Нью-Йорк пост». «Крайне правое крыло,— писал в этой газете известный политический обозреватель Грефтон,— стремится нанести американскому либерализму не только поражение, но стремится поставить его вне закона. Оно добивается монополии на патриотизм. Оно желает безраздельно править страной и рассматривает как враждебные все проявления либерального мышления».

Одновременно с пропагандистской началась и полицейская «кампания». Агенты ФБР (Федеральное бюро расследования) предприняли массовую проверку «коммунистов», начали составлять списки всех активистов прогрессивного движения в США. В Вашингтоне по указанию президента США создана особая комиссия по «проверке лояльности» государственных служащих. Все заподозренные в «нелойяльности» увольняются из государственного аппарата. «В Вашингтоне воцарилось гестапо»,— заявил известный радиокомментатор Стил. Вскоре и его постигла судьба «нелойяльного». Одновременно были «отстранены от микрофона» прогрессивные радиокомментаторы — Кингдон и Вандеркук.

Говоря о «проверке», которой подлежат 2 миллиона 300 тысяч государственных служащих, ньюйоркская газета «П. М.» писала: «Попытка подменить комиссию по найму чиновников Федеральным бюро расследования представляет большую опасность для демократии в Америке. Такая замена явится еще одним — и весьма губительным — шагом по превращению американского государства в полицейское государство».

Этот шаг американская реакция сделала уже после победы республиканцев на выборах, и тогда на поле битвы вышел другой оруженосец Уолл-стрита — некий мистер Джордж Томас, республиканец, член палаты представителей от штата Нью-Джерси.

Томас получил известность после его выдвижения в качестве главы пресловутой «комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности». Эта комиссия, руководимая в свое время профашистски настроенным депутатом конгресса Мартином Дайсом, снискала себе в довоенные годы смехотворно-позорную славу. Она пыталась привлечь к ответственности за «антиамериканскую деятельность» многих прогрессивно мыслящих людей Америки, в частности таких, как писатель Эптон Синклер, публицист Корлис Ламонт, профессор Альберт Эйнштейн, и многих других. В годы войны была разоблачена связь Дайса с широко разветвленной сетью гитлеровских шпионских организаций в США, и деятельность комиссии несколько заглохла. Томасу предстояло активизировать ее, что он и сделал.

«Наша задача — полностью искоренить в США коммунизм и все, что с ним связано»,— заявил он на одной из своих пресс-конференций. Когда же у Томаса спросили, каким образом он собирается это сделать, новоявленный «крестоносец» развернул перед слушателями детально разработанный план наступления: во-первых, разоблачение и изгнание коммунистов и их сторонников из государственного аппарата и армии; во-вторых, очищение кинопромышленности и радиовещания от «нелойяльных»; в-третьих, «чистка» всей системы народного образования США; в-четвертых, «оздоровление» профсоюзов, зараженных «коммунистическими идеями». Этикетка «коммунистический» и в этом случае никого не обманывала: план Томаса преследовал те же цели, что и план Эдгара Гувера. «Под прикрытием антикоммунистической истерии,— писала в связи с этим «Дейли уоркер»,— республиканцы рассчитывают полностью преодолеть всяческое сопротивление их реакционной, антинародной политике. Направляя огонь против прогрессивных сил, комиссия Томаса надеется уничтожить эти силы до выборов 1948 года».

Томас и Гувер легко поделили «сферы влияния»: один разоблачал, другой преследовал. «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» подготовляла материалы, Федеральное бюро расследования привлекало к ответственности. «Черные каталоги» Гувера соревновались с «черными списками» Томаса. Вызванный в качестве свидетеля на один из судебных процессов, инспирированный комиссией, Томас вынужден был признать, что его список американцев, «подозреваемых в «коммунизме», составлен в виде картотеки, занимающей 7 комнат, содержащей свыше 1 миллиона имен и около тысячи названий прогрессивных организаций. Не менее любопытное признание сделал Гувер. На вопрос, кого он подразумевает под «сторонниками коммунистов», он, не смущаясь, ответил: «Всех, не согласных с политикой правительства Трумэна».

В марте этого года объединенные силы «антикоммунистического похода» сделали новый демарш: министр труда Швелленбах выступил с предложением объявить коммунистическую партию США вне закона. Он предлагал запретить компартию в законодательном порядке, причем сформулировал это так, что любая прогрессивная организация могла оказаться «коммунистической».

Предложение Швелленбаха вызвало многочисленные протесты в самых различных слоях американской прогрессивной общественности.

Швелленбаху и его вдохновителям не удалось добиться реализации своего «предложения», но наступление реакции продолжало развиваться. К маю этого года в палату представителей и сенат поступило уже свыше 200 законопроектов, ограничивающих права рабочего класса и передовой интеллигенции. Один из них (законопроект Хартли — Тафта) принят палатой представителей в июне 1947 года.

В июне — июле американские газеты таинственно сообщили о раскрытии комиссией Томаса грандиозного «коммунистического заговора», в котором якобы участвуют многие сторонники рузвельтовского «нового курса». Как и следовало ожидать, вся эта газетная стряпня оказалась очередным блефом. Оскорбленный тем, что генеральный секретарь компартии США Юджин Деннис и ряд других лидеров прогрессивно-демократического движения в Америке отказались дать показания «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», Томас потребовал привлечения их к судебной ответственности «за пренебрежение к конгрессу». Случай этот, беспрецедентный в юридической практике, вызвал протесты и возражения со стороны многих видных американских юристов. Тем не менее реакции удалось состряпать судебные процессы. Помимо Денниса, к суду были привлечены директор Общества советско-американской дружбы Морфорд, секретарь Объединенного комитета помощи беженцам-антифашистам Брайен и многие другие.

В мае был вынесен приговор по делу 16 руководителей Объединенного комитета помощи беженцам-антифашистам, в июне был осужден главный экономист ведомства стратегической информации Карл Марзани, а в начале июля состоялся суд над Деннисом. Деннис был приговорен к тюремному заключению сроком на один год и к уплате тысячи долларов штрафа.

Вашингтонские суды вызвали бурю негодования в стране. Вся прогрессивная американская печать, многочисленные общественные и политические деятели, ученые, писатели, артисты выражали свое возмущение в публичных выступлениях, в статьях, в письмах и телеграммах на имя конгресса и президента. Поход реакции против прогрессивно-демократического движения натолкнулся на решительное сопротивление народных масс. В фонды компартии и других прогрессивных организаций США начали поступать многочисленные пожертвования со всех концов страны. Значительно выросла численность таких организаций, как «Прогрессивные граждане Америки», «Американцы — сторонники демократических действий», «Выиграем мир» и другие. В ряды коммунистической партии только в одном Нью-Йорке за последние месяцы вступило 7 тысяч человек.

По всей стране прокатилась волна забастовок, массовых митингов и демонстраций.

В Нью-Йорке, на митинге в Мэдисон-сквер Гарден, выступали передовые люди Америки. Они смело назвали имена тех, кто несет ответственность за нынешний политический курс Америки.

«Если демократическая партия,— заявил на этом митинге Генри Уоллес,— будет продолжать действовать как военная партия и партия, знаменующая собой высокие цены и депрессию, то народ должен создать новую партию свободы и мира».

Возрожденная Молдавия

Емилиан БУКОВ

Фото Л. Раскина

— Наше звено соберет в этом году 750 пудов винограда с гектара! — твердо и уверенно прозвучали слова товарища Чобана, звеньевого колхоза «Фруктовый Донбасс», Дубоссарского района.

И словно тысячеголосое эхо повторило его обещание. На полях Молдавии зазвучали голоса колхозов, совхозов, крестьянских сел. Перекликались в разных концах Молдавии виноградари, садоводы, хлеборобы, табаководы. Молдавский народ брал на себя обязательство самоотверженно бороться за подъем сельского хозяйства, за высокий урожай. И слова клятвы подымались над полями, звучали в садах и виноградниках Слободзеи и Тирасполя, Дубоссар и Каменки. Эти могучие слова свободного молдавского народа слушал Днестр, свидетель ушедших времен. Тихо, как бы задумчиво, плещутся волны Днестра. Изо дня в день, из года в год, из века в век катит свои воды великая река Молдавии.

Здесь, в Сорокской и в Бендерской крепостях, берегли независимость своей маленькой страны аркаши, воины воевод Молдовы. Здесь во имя общей цели — борьбы против захватчиков — турок — возник боевой союз молдаван с русскими и украинскими братьями по оружию.

Храбрый воевода Штефан Великий не только оружием связал свою судьбу с Иваном III, но и кровью родства: он выдал замуж свою дочь Елену за сына русского царя. В Прутском походе Петра I молдавский господарь Дмитрий Кантемир стал на сторону России в войне против Турции.

Много славных дел русского оружия видели воды Днестра, протекающие у подножья Бендерской крепости. Бендерскую крепость брали у турок полководцы Панин, Суворов, Румянцев. Долго стоял в селе Варница домик Карла XII. Здесь кончилась военная карьера горе-завоевателя, постыдно бежавшего сюда после Полтавского разгрома.

В 1812 году Россия спасла молдавский народ от турецкого ига.

Протекали годы вдоль холмистых берегов Днестра. Настало снова черное время для молдавской реки. Она стала границей, разделяющей братьев одной крови.

В 1918 году Бессарабия была захвачена румынской боярщиной. Налилась слезой бессарабская дойна:

«Столько слезы наши лились,
Днестр мой, Днестр!
До неба воды твои поднялись,
Днестр мой, Днестр!..»

Под охраной жандармов румынские капиталисты увозили за Прут и Дунай плоды труда бессарабцев. Несчастная, богатая земля, на которой жил нищий народ!

Бессарабские крестьяне беднели со дня на день. В это время на левобережье Днестра молдаване процветали в дружном, коллективном труде. Там советская власть поднимает хозяйство и культуру крестьянских масс до небывалого уровня. С востока несутся светлые напевы дойны. Напрасно румынские пограничники стараются преградить пути правде. Она доходит до сердца бессарабца, который жадно ищет в холодном тумане дальний рассвет заднестровской зари.

Самые смелые сыны Бессарабии уходят в подполье. За 22 года происходит 200 восстаний, среди которых самые крупные — Татарбунарское и Хотинское восстания. Днестровская волна несет гневную песнь повстанцев.

28 июня 1940 года. Советские части переправляются через Днестр в Бессарабию.

«Зарю Молдавии на крыльях
эскадрильи
Несли уральцы, киевляне,
москвичи,
То из Кремля простертые
лучи
Средневековый сумрак
озарили».

Год советской власти в Бессарабии был годом подъема хозяйства и культуры. Крестьянин получил землю, получил правдивое слово, разбившее впрах лживую пропаганду румынской боярщины.

Когда созревали хлеба, наливались гроздья винограда, заревела над холмами Молдавии фашистская свастика. В июньское утро на Садовой улице застыли в лужах крови не успевшие проснуться дети кишиневцев.

— Преступления не прощаются, преступники уничтожаются!

И молдаване встали в ряды братских советских народов на борьбу с захватчиками. Разгневалась, поднялась кипучими волнами молдавская река:

«Эй, Днестр ночной! Укрой
ты нас,
В глубоких плавнях мглой
окутывай,
Чтоб мы накрыли в добрый
час
Врага — фашиста лютого!
...А Днестр горит в огне зари,
И гул и гром с востока
слышатся,
То красные богатыри
К нам на подмогу
движутся!»

И снова армия советских людей: русских и украинцев, грузин и узбеков — перешла через Днестр и совместно с воинами-молдаванами, с бессарабскими партизанами освободила Молдавию. День 24 августа стал всенародным праздником Молдавии.

Тяжелые следы оставил набег западных гуннов. От красавца-города Кишинева осталась одна треть. Половина города Бельцы — это тротуары между руин. Снесен до основания город Оргеев. Искалечены сотни сел. Запущены огромные сады Слободзеи, виноградники Дубоссар, Романешт, Чумая, табачные поля Каменки. Все это надо восстановить.

На разоренное хозяйство пала трехлетняя засуха. Она сушила плодородные долины, земля давала трещины, в которые проваливались копыта волов, застревали колеса каруцы. Со дна высохших прудов поднималась серая пыль. Пересыхали колодцы. Обмелел Днестр! И, как в народных сказках, ненапойное чудовище Сетила высасывает влагу из земли молдавской:

«На краю долины
Жадный лег Сетила,
Днестр загородил он,
Как гора,
Пьет всю воду нашего
Днестра,
Капли не оставив ни
единой!..»

В любых других условиях молдавский народ был бы обречен на голодную смерть. Но в советских условиях молдаване получили помощь. К Днестру с востока двинулись эшелоны, груженые продуктами и семенами.

Люди собираются с мешками у сельского амбара. Здесь получают они семенную ссуду.

— Вот семена,— говорит старик, рассматривая на ладони крупные зерна пшеницы. — Это — золото, а не семена!

Таких семян раньше не знала наша Бессарабия!

Братские народы трудились на полях. Работали советские специалисты, чтобы добыть такие высококачественные семена. Труд за труд! И люди берут обязательство, пишут на белых стенах своих хат: «Будем крепко работать на высокий урожай!»

Завоевать у земли обильный урожай! Земля не знает жалости. Засуха неумолима. Сила, обилие и счастье в человеческих руках, в человеческом разуме. На дождь надейся, а сам не плошай. Борьба за влагу — это борьба за урожай.

Секретарей райкомов, коммунистов нет дома: они на полях с народом. Они не возлагают надежды на милостыню природы. Как никогда, народ прислушивается к их советам, к советам советских агрономов. Спасение в советской агротехнике, в коллективном колхозном труде.

В селе Чок-Майдан, Романовского района, крестьяне единоличного хозяйства все больше спрашивают своих агроуполномоченных о колхозном строе. И вот создается инициативная группа крестьян, она обращается к секретарю райкома товарищу Тупице с просьбой организовать в селе два колхоза. На

Молдавский ковер.

общесельском собрании старик Кучук, подавая свое заявление о вступлении в колхоз, говорит:

— Далее так жить нельзя. Надо объединить наши силы, тогда будет большая сила, большое богатство в селе, в наших хатах.

Богатство надо завоевать коллективным трудом, при помощи советской власти. Вот что поняли крестьяне Чок-Майдана, организовавшиеся в колхозы имени Ленина и имени Молотова.

В селе протекала на протяжении многих десятков лет тоненькая струйка. Она не высыхала в любую засуху. Никто не обращал внимания на незначительный ручеек. А когда вновь организовавшиеся колхозы решили сделать пруды, преградив путь струйке, многие смотрели недоверчиво на эту затею. Но молодые колхозники верили в свое дело, они боролись за каждую каплю воды. Спустя несколько месяцев скопилось столько воды, что она прорвала плотину. Люди начали укрощать выросшую словно чудом тоненькую струйку. Образовался большой пруд.

Сразу оживилось все колхозное село. Большой массив земли получил необходимую влагу, десятки гектаров были поставлены вне угрозы засухи.

Хорош дождь, но сильна и человеческая рука, которая в состоянии найти воду и использовать ее для поливки садов, виноградников, огородов!

Крестьяне сел Бричены и Шестачи, Кобылна и Чадырлунга могли бы многое рассказать о своей борьбе за влагу, за урожай. Об этом много думали люди вечером, на завалинках, в хатах, днем на полях взвешивали возможности, собирали силы, чтобы точно, по-деловому записать свои обязанности в письме, которое готовился послать великому вождю молдавский народ.

— Наша бригада даст 120 пудов табака с гектара.

Эти слова подхватил шелест днестровских камышей и донес их до Каменского района, как эхо отозвались из Каменки слова Марии Кордонской:

— Мы дадим 150 пудов табака с гектара!

Услышав об этом, Евдокия Михайлова из колхоза «Освобожденная Бессарабия» крепко задумалась. Она решила работать, смотреть не на небо, а в землю, поливать и удобрять посевы. На собрании девушка вспыхнула и, сверкнув своими черными глазами, уверенно сказала:

— Гази обязуется дать 120 пудов табака с гектара, Кордонская — 150 пудов, это очень хорошо... Ну, а я обязуюсь дать 200 пудов с гектара!

Гремят сильные слова вдоль побережья, шумят в садах и лесах Приднестровья, звенят в глубоких долинах Молдавии.

Валя-Адынка — значит Глубокая долина. Так называется место в Каменском районе, откуда звено Марии Кордонской возит воду на свой табачный участок. Внизу, на самом дне долины, сверкает речка. На ее берегу еле видны люди и подводы. Выше, по крутой каменистой дороге, карабкаются каруцы с бочками воды.

Пройдено три километра, и мы вместе с подводами очутились на поле, где работает звено табаководов. Девушки хитро улыбаются, когда вы говорите им о том, что Гази решила в этом году обогнать их.

— Что ж, это — неплохое решение, — говорит, сдерживая улыбку, Кордонская.— Но мы с ней соревновались и в прошлом году и опередили ее. И насчет этого года посмотрим...

Высоки берега днестровские; для того чтобы орошать поля, воду надо поднимать на десятки метров. Это хорошо знают колхозники, рабочие, инженеры из Карагаша. Месяцы работали карагашцы, подымая из руин насосную станцию, устанавливая оборудование, копая каналы. Месяцами простые люди, не думая о том, что они совершают подвиг, были охвачены единым чувством — дать земле влагу, взять от земли урожай.

В день открытия станции прибыли в Карагаш представители тридцати колхозов района. Колхозники пожимали руки, обнимали борцов за воду — прораба Сулимова, кузнеца Шумейко, инженера Журавель.

На станции еще царит тишина. В полях, вдоль канала, тысячи людей. Ожидают пуска воды. На дне магистрального бетонированного канала прыгают воробьи, бегает детвора. Но вот в стенах станции раздался голос инженера Тимофеева:

— Внимание! Опускаю реостат!

Заревели восемь мощных моторов. Насосы мигом подняли днестровскую воду—и пенистые волны хлынули в канал, разлились по сотням разветвлений оросительной системы.

И оживает, словно в сказке, долина Валя-Сака (Сухая долина):

«И подул пастух во флуер
(дудку)
И пошел, пошел налево,
И заслушались напева
Флуера речные волны,
И, сверкая гребешками,
Волны малые, большие
Потекли за ним...
И хлынул
Днестр в долину Валя-Сака».

В саду, между сливами, стоит парень на дне небольшой ветки канала.

— Берегись, идет вода!—кричат ему.

Вот уже босые ноги парня в воде, но он стоит, улыбается... Ведь столько месяцев ждал он эту воду!..

Перемешанная с потом человеческого труда, вода наливает гроздья и колосья. Зеленеют луга, на них пасутся стада овец и коров.

Старый пастух Митря развертывает газету. Он недавно научился читать. Сотни тысяч молдавских крестьян научились за последние два—три года читать. Это чудесное преображение принесла им советская власть.

«Спасибо советской власти и родному Сталину за обучение меня грамоте»,—так собственноручно пишут Мария Дулгерь, крестьянка села Слободка, Оргеевского уезда, Булгарь Кирекия из Вулканешт, Парасковья Винару, рабочая из Кишинева, и тысячи других.

Растет рабочий класс Молдавии. Тысячи юношей и девушек обучаются в ремесленных училищах и школах ФЗО. Раньше эти юноши у себя в деревне знали железо лишь в виде клямки на дверях хаты да подковы на лошадином копыте. Теперь они прокатывают рельсы, стоят у сложных станков, водят машины, тракторы, кладут стены новых заводов. Один из таких заводов — Атакский маслозавод на Днестре. Он будет уже в этом году перерабатывать в сутки 50 тонн подсолнуха, что растет в Сорокском уезде. А неподалеку расположены поля сахарной свеклы — сырье для большого сахарного завода в Бельцах.

На окраинах столицы республики—Кишинева — вырастают леса труб новых заводов. На этих местах были руины. Их запечатлели на больших полотнах молдавские художники Гамбурт, Васильев, Постолаки. Теперь на полотнах художников первенцы послевоенной пятилетки. На стройках выступают со своими стихами молдавские поэты Лупан Деляну, Истру. Молдавские композиторы Няга, Кока посвящают свои произведения народному труду. Молдавские архитекторы Курц, Медник планируют новые дома, новые улицы. В борьбе за подъем сельского хозяйства на полях, в виноградных совхозах, на стройках пятилетки мы видим ученых Молдавии. Здесь же, работая, учатся студенты. Сбылась давняя мечта бессарабцев. В этом году в Кишиневе открылся Государственный университет. Сюда идет поток молодежи из сел: крестьяне посылают своих сынов в школы, двери которых распахнула перед ними советская власть. И Днестр — свидетель прошедших бурь, невзгод и бедствий молдавского народа — плывет спокойно и торжественно к морю:

«К морю синему спешит он,
Как в объятья дружбы
вечной,
Слиться с вольным Доном
русским,
С украинским плыть
Днепром».

На снимках (сверху вниз): река Днестр у города Рыбницы; старинная крепость в Бендерах; колесо для орошения огородов в молдавском селе.

Рисунки И. Гринштейна

АРХАР

Рассказ

Н. ЛЯШКО

...Мы жили в конце аула, за садами, и я любил спать на крыше дома: там, казалось, ночью меня не схватит зверь, оттуда все слышно и далеко видно.

Слева к нашему дувалу узким клином из-за камней подступала голая пустыня, справа и сзади были сады, прямо залегал глубокий овраг, а за оврагом в небо ступенями уходила гора. В стороне от нас на дно оврага с горы сбегал ручей, против нашего дома он ударялся о камень, в пене выскакивал с двух сторон на волю и бежал в пустыню так, будто там его ждало что-то увиденное им с горы, и он гремел ему о том, что торопится...

Под шум ручья я засыпал, от его шума и утреннего света просыпался, а однажды, когда мать отлучилась в соседний аул, шум воды разбудил меня до рассвета. Возможно, меня разбудила не вода, но я был явно разбужен, вскочил с кошмы и стал тревожно оглядываться.

В доме, во дворе и в садах было мирно. Рассвет чуть трогал далекий край пустыни и, как вода, стлался по пескам к нашему дувалу.

Над горою взблескивали звезды и одна за другой, как капли воды на песке, тонули в небе,— с каждой минутой становилось светлее. Я не мог понять, что разбудило меня. А за оврагом, на уступе горы, вдруг что-то мелькнуло. Я стал на цыпочки и увидел будто отряхивающего с себя хлопья снега леопарда.

Я решил, что он ходил в распадок между нашей и соседней горами — там всегда ночевала отара,— но ему не повезло, и он торопился на дно оврага, где в конце каждой ночи пили воду архары— горные козлы, джейраны. Водопой вкось был виден с крыши.

Леопард будто плыл по воздуху,— белые пятна на его боку мелькали сквозь кустарник. Изредка он вскидывал голову и втягивал в себя воздух. Запахи полыни и диких яблонь вряд ли радовали его. Он все ниже спускался к ручью и внезапно, будто прикрытый невидимой рукой, припал к земле.

Я вытянул шею, и сердце мое громко застучало: поодаль от леопарда, у скалы, стоял архар и поверх кустов глядел нето на меня, нето на занимавшийся за пустыней рассвет.

Леопард, должно быть, видел только его большие, круглые, в завитках рога и не шевелился. Я понимал его: архар силен, ноги у него быстрые, рога крепче камня,— надо ждать: архар спустится к водопою, отяжелеет от воды, тогда его легче будет настигнуть и справиться с ним.

Я ненавидел леопарда за коварство и удивлялся тому, что архар не слышит опасности. Предрассветный ветер, должно быть, шел не с той стороны, где был леопард, а с пустыни, и архар, стронувшись с места, мирно и медлительно начал спускаться к ручью. Мне даже казалось, что он на ходу любуется доцветающими за ручьем маками. Леопард, пригнувшись, двигался за ним, и его хвост, как змея, вкрадчиво заметал следы.

Архар пошел за скалу, а через минуту на его месте вырос леопард и, вытянувшись, припал к камню. Еще через полминуты я увидел архара у водопоя. Пить сразу он не стал, вскинул голову и, глядя на ручей, слушал. Ушами он не чуял близости врага, а запахи,— вода в нашем ручье на рассвете так чудесна, что пахнет только ею! И архар склонился к ней. Это возмутило меня, и я крикнул:

— Не пей! Леопард!

Но что такое мой крик в шуме ручья, которому надо спешить к тому, что он увидел с горы? Архар не услышал меня.

— Ты глухой, ты слепой,—раз за разом в раздражении шептал я.

Напившись, архар выпрямился, и его, вероятно, охватило знакомое мне чувство довольства и радости: по его горячему телу расходилась сладкая прохлада сбежавшей с горы воды. Воды было много, вода с рокотом бежала мимо. Архар мог пить еще и еще,— вот каким счастливым и богатым был он! С ворсинок его губ падали обогретые им капли, ручей подхватывал их и мчал в пустыню.

Я и леопард глядели на архара. Меня обжигали гнев, досада, и я нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Леопард, выгнув спину, глядел из-за камня, но его алчный взгляд не обжигал архара, а рассвет уже переходил в зарю.

Я глазами толкал архара в воду: мне хотелось, чтоб он перебрался через ручей и бежал в пустыню — ноги и рога могли спасти его. А леопард хотел, чтоб он шел назад, на предгорье. И глупый архар сделал так, как хотел леопард,— он отвернулся от ручья и наискось от места, где его ждала беда, стал подниматься кверху.

Леопард медлил, но ветер, должно быть, переменил путь или хвост леопарда слишком высоко взлетел и ударил по ветке,— архар метнулся в сторону, стал выше, тоньше и мгновенно сделал то, чему его в детстве научила мать: он припал к углу скалы, и его светлобурая спина, светлый подшейник и темные рога слились с камнем.

Это обрадовало меня, я подпрыгнул и торжествующе высунул в сторону леопарда язык: «Ага, поймал!» Архара будто не было, но я был с ним. Я трубами его ушей ловил звуки, а ворсинками волос в его носу перебирал запахи, а когда мне стало ясно, что леопард все-таки видит его, изо всей мочи крикнул:

— Беги! Леопард!

На этот раз они оба услышали меня. Леопард взметнулся в прыжке, архар перелетел через камень и, рассекая грудью и рогами кусты, устремился на гору. Леопард ширнул вперед и перерезал ему дорогу.

Архар наскаку голосом дал кому-то знать об опасности и ринулся назад, к водопою. Пыль дымками взвивалась из-под него. Он почти перепрыгнул ручей и устремился к пустыне, но леопард тоже был за ручьем, выметнулся вперед и стал теснить архара к скале у водопоя. Архар заметался и побежал в сторону аула.

Я глазами и руками помогал ему. Я боялся, что испугаю его и заглатывал торопившиеся из горла крики. Я радовался его силе: перед ним все расступалось. Но леопард делал прыжки все больше... и настигал, настигал. Я привстал на цыпочки и закусил губу. Вот, казалось, лапы леопарда уже падают на спину архара. Я сомкнул веки, и вдруг мне стало легко, весело, будто сам я вырвался из когтей леопарда...

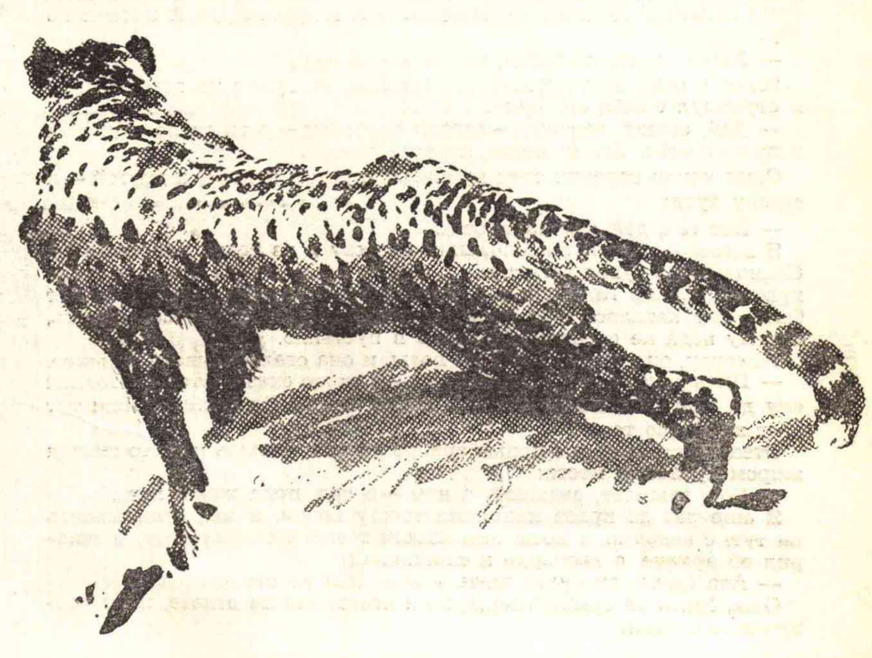
Архар с разбега прыгнул через дувал и упал у нас во дворе. Я вскрикнул и угрожающе взмахнул руками. Леопард шарахнулся от дувала и нырнул в овраг.

Я спустился с крыши, разбудил отца:

— У нас архар! Архар от леопарда ушел! — и мы выбежали во двор.

Вершина тутового дерева была уже обрызгана светом зари и, как бы подтверждая мои торопливые слова, шевелила листвою. Архар лежал у ствола тута и не шевелился. Из-под его передних копыт сочилась кровь и собиралась в капли, сверкала в нарастающем потоке зари.

Мы с отцом подошли к архару. Я, задыхаясь, шопотом досказывал, что видел с крыши. Отец молча вынес из сеней ковш воды и

Из словацких поэтов

Мелодия 1943 года

Написано во время исполнения русских песен

Ян СМРЕК

Едва затрепетал
ветер, как листва,
а нам уже слышатся фанфары
еще неведомого торжества.
То песня, в которой поется издавна
о Тихом Доне и о Байкале.
О как чудесен ее напев:
и слушали б вечно и ликовали!

Это не эстетика, это кровь,
и наша судьба, и наша вера,
это нашей свободы весть:
рухнут тюрьмы, сгинут галеры!

О, какой народ, в чьем сердце живет
эта мелодия,— только слушай!
Такой не пресытятся никогда
и наши души и наши уши.
О, какая нация, какой народ —
в руки отдашь сердце за это!
Он отзывается песней тебе,
и чувствуешь ты, как победы приход,—
Прикосновение света.

Лишь на Западе власть
остается у смерти!
Мы — защитники жизни, и нас
зовет в путь на восток, словно Трех королей,
голос сердца сейчас.

Только мелодия Волги
слуха коснется птичьим крылом,
мы уже знаем, что не погибнем,
небо все выше над головою,
тучу проходит луч напролом.

Эй-я-я, ай, да-да, — слышим сквозь стены:
Это и гимн и рапсодия вместе!
Пред судьбой человек преклоняет колена,
а судьба — это русская песня!

Перевел Анатолий КУДРЕЙКО

Земля Испании

Лацо НОВОМЕСКИЙ

Мне об этой земле прозвенели цикады
В перетянутых струнах разбитых гитар,
О кастильской земле прозвенели цикады,
О земле андалузской,
О смуглой земле,
О печальной земле под оливковой сенью.
О жестоких и рыжих холмах.

Под копытами грузных коней
Сизым дымом клубящийся сумрак;
Всадники Апокалипсиса, не туда ль проскакали они?
Или отблески этих зарниц полыхают на темном челе
Принца Гамлета?

Не говори мне, Гамлет,
О твердой и смутной земле под горькой оливковой сенью,
О кастильских степях,
О холмах андалузских,
О кровавых холмах на кровавой земле.

Как хорошо мы ее понимаем!
Кто рассказал нам о ней,

Кто рассказал нам об этом походе тугих облаков,
Проплывающих вслед за гимном Риэги
Мимо наших распахнутых глаз?

Или это цикады запутались в струнах гитар,
Мерцающих медью, звенящих тоской и тревогой?
Или это фугаска смертной слезой упала в окопы?

Кто из них рассказал нам о том,
Что эта земля смугла,
Что в оливковых рощах мгла,
Что червонной коростой покрыты холмы,
Что Кастилия и Андалузия порыжели от крови,
А кровь у них красная.

— Быть или не быть? — ты спросил у меня.
— Быть! — отвечает Испания.
Принц Гамлет, расстели свой сумеречный плащ —
Видишь, уже наступает вечер.

Эти светлые точки над притихшими рощами —
Это звезды,
Это влажного неба разодран покров
Узловатыми пальцами сгорбленных пиний.

Перевел Александр ГОЛЕМБА

ЯН СМРЕК — редактор газеты «Элан» (орган Союза писателей Словакии), председатель культурного отдела при поверенном по делам информации в Словакии. Автор 8 книг: «Осужденный на вечную жизнь», «Колодезь» и др.
ЛАЦО НОВОМЕСКИЙ — видный словацкий поэт. До войны работал в редакции органа чехословацкой компартии «Руде право» и коммунистической газете «Словацкие известия». Во время немецкой оккупации был одним из руководящих деятелей сопротивления. Сейчас — поверенный по делам школ и просвещения в Словакии. Стихотворение «Земля Испании» напечатано в книге Л. Новомеского «Святой за деревней».

вылил ее архару на рога и холку. Архар встрепенулся, поднял голову и глянул на нас,— его глаза были похожи на подернутые дымом две луны. Он будто спрашивал нас глазами, что с ним. Отец положил руку на его мокрый рог, а другой рукой провел по лбу:

— Лежи, лежи, не бойся, мы не леопарды...

Голос у отца был дружеским, теплым, но архар не поверил ему и стряхнул с себя его руки.

— Дай, сынок, веревку,— сказал мне отец,— а то он по глупости повредит себя. Лежи, лежи, не тревожься...

Один конец веревки отец привязал к рогам архара, а другой — к стволу тута:

— Вот так, дай ему напиться...

Я вынес большую выдолбленную тыкву и из ведра наполнил ее. Солнце через дувал заглянуло к нам во двор, и вода в тыкве стала красной. Архар глядел в нее, как бы узнавал себя в ней, а может быть, ему казалось, что перед ним водопой, и он не мог понять, почему вода не спешит мимо него в пустыню.

Наконец, он коснулся губами воды, и она стала убывать в тыкве.

— Пить хочешь — жить будешь, — ласково сказал отец. — Подлей ему да вынеси немного жиру и корму брось. Он отойдет, наш тут дает хорошую тень...

Отец ладонью стер с копыт архара влажную пыль и густо смазал жиром кровавые места:

— Вот, заживет, отдыхай, а нам — в сад, пока жары нет...

Я еще раз до краев наполнил тыкву водой, и мы, оглядываясь на тут, с ведрами и мотыгами пошли в сад. Помогая отцу, я говорил об архаре, о леопарде и спрашивал:

— Ата (отец), он будет жить у нас? Мы не отпустим его?

Отец будто не слышал меня, но я настаивал на ответе, и он раздумчиво сказал:

— Нет, жить у нас ему не захочется. Тосковать будет. Молодой, шкура хорошая, жалко, а придется отпустить. Смелый, от смерти ушел, такого нельзя не отпустить...

— Он будет приходить к нам? Да?

— А ты на его месте пришел бы? — почти строго спросил отец.

— Пришел бы,— ответил я.

— Нет, сынок, не пришел бы. Он вольный, ему сильным надо быть, чтоб леопард не взял...

Слова отца были непонятны мне. Я был уверен, что зорями, напившись из ручья, архар будет заходить к нам. Ведь мы друзья! Мне представлялось, как он подойдет к дувалу и голосом даст знать, что пришел, как я гляну на него с крыши и побегу открывать ему.

Когда солнце поднялось к зениту, мы до вечера прервали работу, спустились в овраг, в ручье смыли с себя пот, садовую пыль и горстями пили воду...

Отец наполнил оба ведра, и мы двинулись из оврага. Мне хотелось поскорее узнать, легче ли архару, и налить ему полную тыкву свежей воды. Я нетерпеливо вошел во двор и замер.

Архар будто приготовился к прыжку через дувал и так, вздыбившись, натянув веревку, застыл. Я ждал его прыжка,— я сразу не понял, что пока мы работали в саду, он мучительно старался оборвать, перетереть веревку и в ярости задохнулся.

Отец тронул меня за плечо и с печалью выдохнул мне на голову:

— Видишь, не поверил он нам...

Мы медленно подошли к архару. Отец рукой провел по его спине и, как живому, сказал:

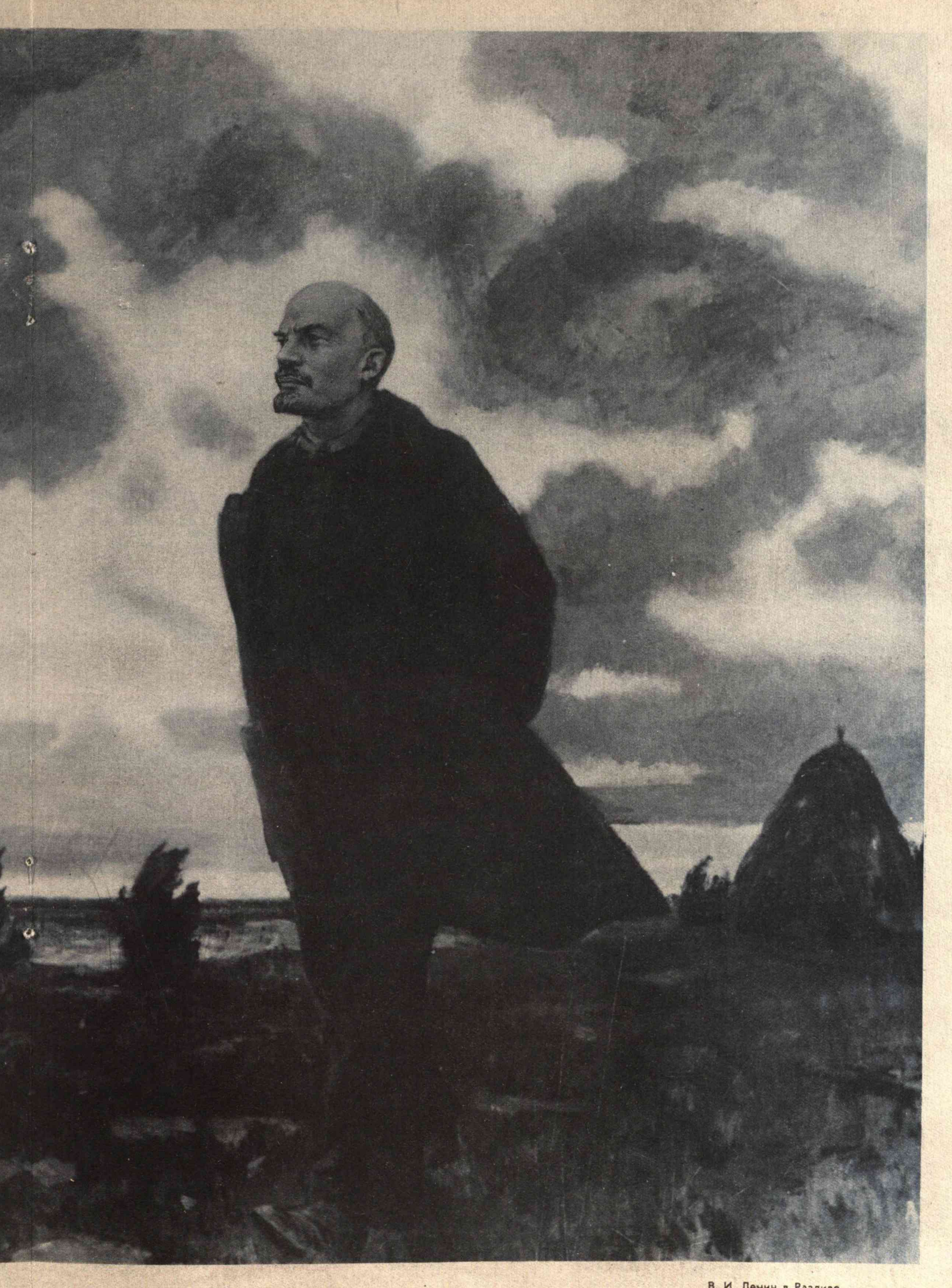
— Ты по-своему решил: лучше, мол, умру, чем на привязи быть. Понимаешь, сынок?

Я не мог ответить отцу и сквозь слезы глядел на замершего в порыве на волю архара...

А. А. Рылов. В голубом просторе. 1918 год.

А. А. Рылов.

В. И. Ленин в Разливе.
Центральный музей В. И. Ленина

А. А. Рылов. На природе. 1933 год.

АНАТОЛИЙСКИЕ РАССКАЗЫ

Сабахаттин **АЛИ**

Рисунки Бор. Ефимова

Сабахаттин Али родился в 1907 году в одном из небольших городков Западной Анатолии. Его отцу, офицеру турецкой армии, приходилось много ездить по стране. Вместе с ним кочевал по стране и маленький Сабахаттин. По окончании средней школы он поступает в педагогический институт, который заканчивает в 1925 году. Кемалистское правительство посылает его для продолжения образования в Европу, где он обучается за счет Министерства просвещения. По возвращении на родину он работает сельским учителем, а в начале 30-х годов поступает на службу в редакционно-издательский отдел Министерства просвещения.

В 1932 году выходит его первая книга стихов — «Горы и ветер», затем два сборника рассказов и роман. Правдиво изображая жизнь современной Турции, Сабахаттин Али вызвал озлобление всех реакционных сил страны и неоднократно подвергался преследованию. В настоящее время писатель вновь брошен в тюрьму.

1. Задушевный приятель

Идем, сударь мой, раздавим несколько стопочек! Ведь не побьют же тебя дома, голубчик, если посидишь здесь полчаса?! Мы люди не женатые, но такие дела понимаем.

Здесь подают превосходную закуску, да и дешево к тому же... Такая встреча! Выпей хоть рюмочку нашей водочки.

Эй, любезный! Гарсон, принеси-ка нам по одной.

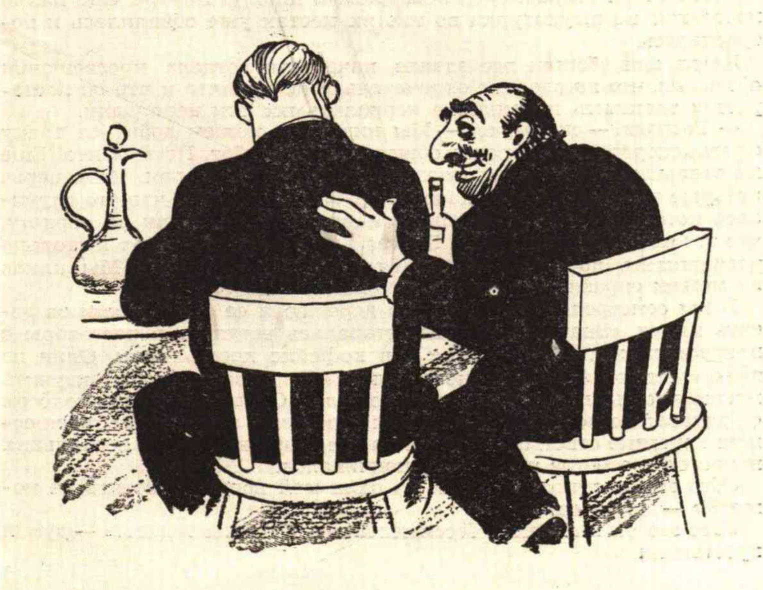
Садись, милый мой. Мы с тобой не такие уж давние приятели, но почему-то ты мне очень нравишься. Я товарищей всей душой люблю, ну, а за тех, кто мне мил, все отдать могу.

Правда ведь, дорогой, нас, интеллигенции, в местечке всего пять—десять человек, ведь если мы знать друг друга не будем, да не будем друг за друга держаться, что же тогда с нами станется?

Хоть и говорят, что в нашем мире наживы нет теперь бескорыстной дружбы, я на этот счет другое мнение имею. Разве мы можем рассуждать, как простой народ? Нам этого ни образование, ни характер, ни душа не позволяют. Я тебя не знаю, но верю, что духовные связи выше материальных, верю, что чувства сближают людей. Подумать только, что в мире нет чувств, которые сближают людей, заставляют их любить друг друга!.. Разве есть тогда смысл в жизни? Только это и возвышает нас над толпой! Но и среди нас, интеллигентов, не всегда есть эти духовные связи. У каждого свои страсти, каждый преследует свои выгоды. Вот почему когда найдешь настоящего, искреннего друга, то и привязан к нему всей душой.

Местечко наше маленькое — задохнуться можно. А у каждого интеллигента о жизни, о людях много своих мыслей. Да что я говорю: у каждого целая своя философия! И каждому нужен друг, который бы все понимал, чтобы можно было делиться с ним своими мыслями. Нужен, да нет, нет!

В нашем учреждении нас человек десять. Все интеллигентные, образованные, умные люди, а вот подружиться ни с кем не могу, хотя для душевного друга ничего не пожалею. Правда, был у нас один такой малый, да вот приключилось с ним несчастье. Так вот он... Да ты, наверно, и ведешь его дело?.. Был он совсем как ребенок, кристальное у него было сердце. Сердечный товарищ. Познакомился я с ним. Да что поделаешь, таковы люди: оклеветали его — да и в тюрьму. Хотя нельзя сказать, чтобы за ним никакой вины не было: много болтал, не держал язык за зубами. Сколько раз говорил ему: «Дорогой мой, не то теперь время, разве можешь ты мир исправить? Получай себе три с половиной пиастра жалованья и сиди себе в углу, не рыпайся». Верно ведь, сударь мой? Мы ведь тоже свои идеи имеем. По существу, я намного дальше пошел. Да. Этот мир сам не умрет, но ведь я молчу. Всему свое время. Послушай, ведь не зря говорят: «Идешь по снегу — следов не оставляй».

Но ведь зелено—молодо, не слушал меня, все лез напролом. Как будто можно в одиночку весь мир перевернуть.

Сынок! Гарсон! Ну-ка, принеси нам еще по одной!

Все читал, читал. Думал, в книгах всю правду пишут, и забил себе голову. Жизнь надо наблюдать, жизнь. В книгах ничего нет.

Кто знает, может, и мы дома книжки читаем, да жизнь — это, брат, совсем другое. Надо время выждать, учитывать обстоятельства. Придет время, когда и я, не задумываясь, собой пожертвую. Да будь я подлец, если за свою идею не отдам всю свою кровь до последней капли. Но ведь всему свое время.

Ох, горе! Погубил себя парень, погубил!

Местечко наше маленькое. Из мухи слона быстро сделают. Забившись в свой угол, беззвучно, безгласно жить надо. А он, как нарочно, задирался, ну и восстановил против себя всех влиятельных людей. Да потом связался еще с неблагонадежными личностями. Тогда позвал я его и говорю: «Это тебе, друг мой, никак не подходит. Неправым путем они идут, не с того конца они берутся. Они делают сначала то, что нужно делать в последнюю очередь».

Но не смог я его убедить. Ну, а враги его нашли двух лжесвидетелей и оклеветали его. Ну, наш парень и попал.

Поверишь ли, я в тот день как с ума сошел. Как вспомню, слезы навертываются! Да, плакал. Хочешь верь, хочешь нет, дорогой, но я уж говорил: товарищей ото всей души люблю, а для тех, кого люблю, жизни не жаль. Врать не буду, у меня в тот день внутри словно что-то оборвалось. У него ни денег, ни знакомых. Мать да братья жили на его жалованье. Беда, прямо беда. Чтоб помочь ему, деньги нужны, а у меня откуда они? Ничего, я ведь говорил: жизнь отдам за друга. Но, конечно, мы ведь на жалованье живем, да и потом ни к кому ведь не пойдешь, не расскажешь: дело скверное, сейчас же тебя и опорочат. Знаешь ведь, какой народ-то теперь пошел!.. Клевещется-то легко, да нелегко ответится.

Навещать его в тюрьму я не пошел. Знаешь ли, неприятно выглядит это злосчастное место. Но я хотел сделать для мальчика все, что было в моих силах. Я ведь говорил: для товарища жизни не жаль!

Как только я узнал, что ты взялся защищать его, очень я обрадовался. Потому что дело это тонкое, не всякий адвокат может вести его. Надо молодым, горячим быть, понимать надо это дело. Поистине я не ошибся! Мне рассказывали о том, как ты вел защиту на первом заседании (я, понимаешь ли, в тот день был довольно занят и сам придти в суд не мог, так мне товарищи во всех подробностях рассказали). Боевую ты речь произнес! Так, пожалуй, еще несколько заседаний — и спасешь парня.

Гарсон, пойди сюда! Смени-ка эту закуску!

Пей, дорогой мой, пей! Я-то ее с горя пью, ей богу. Знал бы ты, как мне тяжело. Десять лет искать надо, да и то не найдешь такого задушевного друга. И его у меня судьба отняла.

И пока мы здесь рассуждаем, кто знает, что он там делает, в каменных стенах. Эх, пропади все пропадом!

А знаешь что? Это может послужить ему хорошим уроком. Посидит немного, ничего ему не сделается. Ему такая пощечина нужна. Правда? А? Что скажешь? Он постепенно сбивался с пути истинного и, чего доброго, упаси господи, дошел бы так до веревки. А так он легко отделается. Посидит себе год—два—это как раз то, что ему нужно. Нужно для его будущего, для его будущей жизни, надо, чтобы все улеглось. Это нужно во имя наших идей. Понял?! Во имя наших идей. Любезный мой, если любишь его, дорогой, не защищай его. Если добра ему хочешь, сбей с него немножко спеси.

Муссолини что сказал? Чтобы стать человеком, говорит, нужно как раз вот такое количество лет в тюрьме просидеть. Так ведь?! Бравый парень, этот Муссолини, да и только! При таком, говорит, бедственном состоянии общества интеллигенции весьма необходимо сидеть в тюрьмах. Чтобы стать серьезным человеком и понять жизнь, другого способа нет. По-моему же, благодаря этому случаю он выбросит из головы свои книжки, начнет смотреть по сторонам и перестанет необдуманно дерзить.

Не особенно старайся защищать его, если любишь его. Не копайся ты в этом деле. Я, как узнал, что ты очень горячо выступал на суде, обрадовался, да в то же время и расстроился за него. Я тебя и сюда позвал, чтобы поговорить об этом. Сам он человек нервный, и если начнет говорить, то рассердит судей своей болтовней, провалит дело и получит, что ему причитается. Как раз год—два и просидит. Что ты головой качаешь? Думаешь, не будет ли бесчестным взять деньги? Э, да это для него неплохо. Наоборот, только полезно! Ну не хочешь — не бери денег. Сделай это ради дружбы и не бери денег. Сколько он, собственно говоря, тебе дает? Двадцать пять лир?! Ну, а я плачу тридцать, засуди ты его только. Видишь, для его блага я всем готов пожертвовать. Да разве только этим? Для того чтобы не потерять такого закадычного приятеля, друга сердечного, я на все готов. Что? Откуда я возьму тридцать лир? Тут, видишь ли, когда нашего парня в тюрьму посадили, место его освободилось. Ну я его и замещаю. Так что с этого месяца я получаю сорок лир прибавки к жалованью.

Гарсон, давай неси водки! Еще по одной!

2. Метрика

Под вечер в тюрьму привели группу арестантов. Их было человек пятьдесят. Когда мы увидели, что охранявшие их два жандарма даже не примкнули штыков, то поняли, что люди эти попали сюда за неуплату подорожного налога.

Их провели через ворота и выстроили во дворе. Конвойный по бумажке сделал перекличку. Затем, в ожидании, они уселись на корточки, прислонившись к стене.

Вид у них был очень жалкий. Шаровары висели лохмотьями, и у большинства не было даже ничего похожего на обувь. На них были короткие кафтаны верблюжьей шерсти, тоже висевшие лохмотьями. Из-под них виднелись выцветшие, все в заплатах, рваные и до последней степени засаленные рубахи. Засаленные фуражки были надеты козырьками на сторону, и из разорванных козырьков торчали куски темного картона.

Рядом с собой они положили котомки, из которых выглядывали черные хлебцы, несколько черных лепешек и даже перья зеленого лука.

Им пришлось долго ждать, так как никто не говорил, в какую камеру идти и что нужно делать. Изредка они переговаривались вполголоса. Когда к ним обращался кто-либо из арестованных из их деревни, то они отвечали сдержанно и неохотно, время от времени отворачивались в сторону и смотрели вдаль, давая понять, что этот разговор не доставляет им никакого удовольствия. Они, верно, больше стеснялись своих земляков, чем незнакомых арестантов. Очень уж стыдно было им сидеть в тюрьмах за неуплату подорожного налога вместе с земляками, попавшими сюда за убийства и другие тяжелые преступления.

Среди них был один старик, которому по виду давно перевалило за шестьдесят. Очевидно было, что он попал сюда не за неуплату подорожного налога.

Руки у него были мозолистые, в синих вздувшихся жилах. Для того чтобы подняться, он опирался на кривую толстую палку и тотчас же прислонялся к стене. Весь он был сгорбленный, с длинным высохшим лицом. С подбородка свисало несколько волосков, редкие седые волосы рассыпались по голове, и под ними видна была блестящая в струпьях кожа. Одет он был еще хуже остальных. На поясе он носил патронташ, который служил ему, наверно, лет шестьдесят, и за эти нелегкие годы кожа обтрепалась и потрескалась, стала мягкой, как тряпка.

Я подошел поближе. Он посмотрел на меня старческими подслеповатыми глазами и, думая, что я пройду мимо, отвернулся. Я присел рядом с ним:

— Здравствуй, дедушка!

Он обернулся, и в глазах его мелькнуло легкое удивление. Блеснуло и погасло:

— Здравствуй!

— Желаю тебе поскорей отсюда выбраться! — сказал я одну из тех казенных фраз, которую говорят каждому вновь прибывающему сюда.

— Спасибо, — ответил он и снова взглянул на меня.

Я вынул папиросу и протянул ему. Он взял ее дрожащей рукой, затем вынул из патронташа (который, по всей вероятности, остался у него от службы в армии) жестяную коробочку и раскрыл ее. Там лежали горстка табачной пыли и огниво с фитилем. Он несколько раз ударил внутренней стороной ладони по огниву, пытаясь высечь огонь, затем поправил фитиль и снова попробовал зажечь его. Но он никак не загорался. Я зажег спичку и дал ему прикурить. Он закурил и тяжело и глубоко-глубоко затянулся.

— За что тебя взяли, дедушка? — снова обратился я к нему.

— За что же еще, сынок! Подорожных денег не смогли заплатить.

— А сколько тебе лет?

— Да кто его знает? Лет восемьдесят, должно быть.

— Как же это может быть? Ведь с тех, кому больше шестидесяти, подорожного налога не берут!

— А с меня берут!

— Так это ошибка, должно быть.

— Нет, не ошибка, сынок,— и он рассказал мне свою историю: — Было у меня четыре сына. Один в тюрьму за убийство попал и умер там через восемь лет, два на войне пропали, остался один сын — хромой. Он жандармом был, его бандиты искалечили. Сейчас он в деревне живет, по хозяйству помогает. От тех сыновей детей не было, у хромого же был один сын, да и тот помер на восьмом году от лихорадки. С тех пор уже больше двадцати лет прошло. И с тех пор мы с хромым сыном стали жить вместе. Моя старуха с его женой поле пашут и сеют, а убирать я им помогаю, хромой же сидит в шалаше, огород сторожит. Так еле-еле концы с концами и сводим.

Три года тому назад наш деревенский богатей объявил себя хозяином нашего маленького участка в низине, у ручья. Мы кричали, шумели, — ничего не помогло: сын—калека, у меня тоже сил нету, так мы сами на него управы и не нашли. Пришлось обратиться к властям.

Суд тянулся два года. Хотя у нас ни купчей, ни других бумаг не было, но вся деревня знала, что это поле досталось нам от дедов. Но никому до этого дела не было. Богатей подкупил двух свидетелей и выиграл дело.

Когда же шел суд, у меня спросили метрику. Где я ее возьму? Я, как с войны пришел, никаких дел с властями не имел. Искал, искал — нету. Потом в коране нашел метрику помершего сына хромого. Его тоже Махмедом звали. Чем это не метрика? Все равно, думаю, взял и показал бумажонку в вилайете. Из суда никакого толку не вышло. Пока мы в вилайет ходили, пришлось совсем забросить оставшееся у нас поле. Через полгода пришли в деревню сборщики налоги собирать. Среди тех, кто должен платить подорожный налог, староста назвал и меня. Ошибка, подумал я, но не придал этому значения. Еще несколько раз приходили сборщики, — я не обращал на них внимания. Я уже двадцать лет как от этого налога освобожден!

А в этот раз пришли они с жандармами. За недоимки всех, кто не платил подорожного налога, забрали, и меня с ними. Я хоть говорил, что мне восемьдесят лет, но никто и не слушал. Пришли к чиновнику, он в книжки посмотрел:

— Тебе, — говорит, — еще только двадцать девять лет.

— Помилуйте, — говорю, — на меня посмотрите, посмотрите на мою бороду.

— Нельзя, — говорят. — Вот тут записано, когда ты родился. И адрес твой известен.

Я вынул из кармана метрику, а в ней тоже двадцать девять лет стоит. Тогда только дошло до меня, в чем дело. Но что поделаешь? Пригрозили мне: «Если будешь еще приставать, под суд отдадим!» Ну я и замолчал. Если бы дал я ему шесть лир, сейчас же все и уладилось бы. Ну, да где же взять в такое время шесть лир?! Видно, уж так на роду написано. Вот и привели сюда.

Я улыбнулся.

— Разве можно, дедуся, показывать метрику внука?

Он безнадежно махнул рукой:

— Ну, а что ж, все равно ведь казенная бумага?

3. Лекция

В деревне, расположенной недалеко от большого города, открывалась школа-интернат.

На торжественное открытие приехала на автомобилях целая толпа: тут были начальник отдела просвещения, инспекторы, знатные люди города и «знатоки» деревни.

Эту толпу, в брюках «гольф», с фуражками на головах, с черными очками на носу и фотоаппаратами на шее, жители деревни встретили в глубоком молчании, выстроившись по обеим сторонам дороги. Прибывшие немедленно собрались на площади перед новой школой и выстроились кольцом вокруг еще не прикрытых ям с известью, валяющихся досок и куч песка и щебня. За их спиной собрались маленькие обитатели деревни, очевидно, потому проявлявшие такой интерес, что им давно уже пора было ходить в школу. Взрослых крестьян, если не считать нескольких женщин, смотревших на толпу с соседних крыш, не было видно. Приезжие один за другим произносили речи, говорили о том, какими гигантскими шагами идет просвещение деревни. Им много аплодировали.

Затем гости отправились осматривать школу. Внутри еще пахло известкой, но штукатурка во многих местах уже обвалилась и потрескалась.

Когда они обошли все здание, начальник отдела просвещения объяснил, что школа еще окончательно не принята и что он постарается заставить подрядчика исправить все эти неполадки.

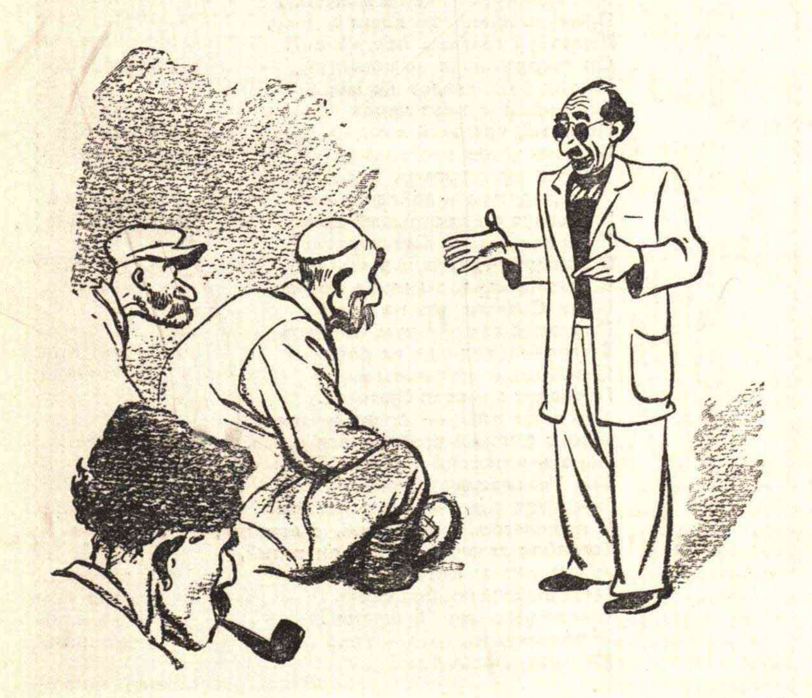
— Господа! — сказал он. — Мы никак не можем добиться толку от инженеров министерства общественных работ. Посмотрите! Еще до открытия школы расшатался паркет в коридорах. Инженеры, которые контролировали качество работ, доложили, что это случилось потому, что рабочие слишком много разгуливали по паркету, что это не вина подрядчика. Завтра же школьники будут не только расхаживать по паркету, они будут бегать по нему. Мы никак не можем справиться с этими подрядчиками, господа.

Гости осмотрели и обошли всю деревню и ее окрестности за десять минут. «Знатоки» деревни старались вступать в разговоры с попадавшимися им на улице и в кофейне крестьянами. Один из этих «знатоков» специально ездил в Парагвай, чтобы изучить жизнь крестьян, и пробыл там много лет. Слащаво-мягким голосом он задавал всевозможные вопросы и получал ничего не объясняющие короткие ответы. Несмотря на все старания, после нескольких вопросов и ответов разговор заканчивался.

«Что это за тупость! Он ни на один мой вопрос ответить не может?!» — думал он.

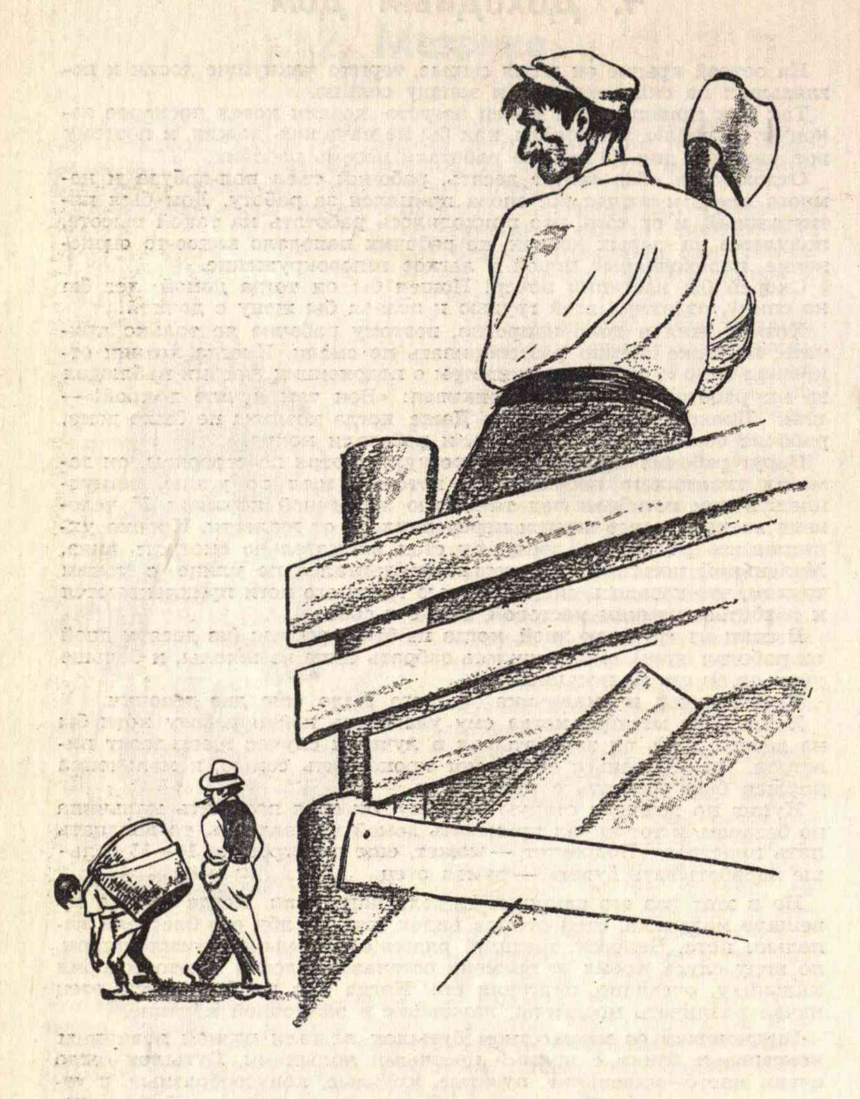
«Что это он мне такие бессмысленные вопросы задает?» — думал крестьянин.

И они расходились.
В это время один «экономист», находившийся в числе приезжих, желая быть полезным крестьянам, решил использовать для этой цели свои знания в области кооперации.
— Вот как раз удобный случай! Я прочту им сейчас лекцию о кооперации,— сказал он, обращаясь к начальнику отдела просвещения и к приехавшему вместе с ним начальнику волости.
Он наивно верил, что только эти общества могут повысить благосостояние страны. Невозможно было не принять такое предложение.
— Прекрасно. Нам тоже это будет полезно,— заявили остальные; но никто не подумал спросить, хотят ли слушать эту лекцию крестьяне.
Послав человека по деревне, собрали народ в одном из пустых классов новой школы. Докладчик занял место у стены и, выгнув шею и вздернув голову, вынул платок и вытер под очками подслеповатые глаза. Крестьяне расселись на еще не совсем застывшем цементном полу, горожане остались стоять, прислонившись к стене.
Прежде чем начать говорить, «экономист» несколько раз предупредил слушателей, чтобы они, ради бога, задавали вопросы, если что-либо будет непонятно. После этого он сделал краткий исторический обзор возникновения и развития кооперации и проговорил без остановки ровно 45 минут. Время от времени он с сомнением заглядывал в лица слушателей и спрашивал: «Ну, как? Понимаете?» Но видя, что крестьяне утвердительно кивают головами и говорят: «Понимаем, понимаем»,— он, успокоившись, продолжал доклад. Докладчик самым исчерпывающим образом рассматривал проблему со всех сторон:
— Что касается производственной кооперации... Относительно же потребительской кооперации. Что же касается целебного влияния кооперации на структуру экономики страны...
Наконец с пересохшим ртом и влажными от восторга глазами он закончил свою лекцию.
— Ну как, ясно? Все понятно?
Все слушавшие его крестьяне зашевелились, как будто очнулись после долгого сна.
— Правильно говорил! Все понятно,— похвалили они докладчика, и затем все сразу встали, отступили в сторону и дали дорогу гостям.
После того, как все ушли, в классе осталось пять—десять крестьян, начальник волости, несколько приезжих горожан и старый школьный учитель, приехавший вместе с ними. Полный сомнения, он смотрел на крестьян, которые с виноватым видом отворачивались от него.
— Послушайте, что вы поняли из речи этого эфенди?
Крестьяне молча переглянулись. После учителя и начальник волости отважился заговорить с крестьянами.
— А ну-ка, скажи правду, любезный,— сказал он, улыбаясь,— что вы могли понять, если даже я ничего не понял?
На нескольких крестьянских лицах промелькнули улыбки. Наконец от группы крестьян отделился человек средних лет и подошел к начальнику волости и пожилому учителю.
— Правда твоя, господин начальник, мы тоже ничего не поняли. Но что ж поделаешь? Слушали,— сказал крестьянин.
— Прекрасно. О чем же вы тогда думали? Ведь он, бедняга, столько раз спрашивал, понимаете ли вы,— отчитал его учитель, как если бы он ругал плохого ученика.
Лицо крестьянина стало таким серьезным, что казалось, он с трудом удерживает смех:
— Помилуйте, эфенди! Ну, а скажи ему, что не поняли,— ведь не с начала же ему начинать?

4. Доходный дом

На острой крыше он тесал сырые, терпко пахнущие доски и поглядывал на склонявшееся к западу солнце.
Так как приближался конец августа, хозяин хотел поскорее закончить кровлю. Он боялся, как бы не начались дожди, и поэтому вот уже два дня на крыше работали восемь рабочих.
Отдохнув в обед минут десять, рабочий съел пол-арбуза и немного хлеба и тотчас же снова принялся за работу. Дом был пятиэтажный, и от того, что приходилось работать на такой высоте, полулежа на сырых досках, на рабочих нападало какое-то оцепенение, переходившее порой в легкое головокружение.
Скорей бы наступил вечер! Пошел бы он тогда домой, лег бы на спину, вздохнул всей грудью и позвал бы жену с дочкой!
Хозяин жил в доме напротив, поэтому рабочие не только кричать, но даже громко разговаривать не смели. Иногда хозяин открывал окно и, опершись животом о подоконник, часами наблюдал за их работой, изредка покрикивая: «Вон там лучше покрой!»— или: «Прекратить болтовню!..» Даже когда хозяина не было дома, рабочие боялись разговаривать и работали молча.
Вдруг рабочий на крыше вздрогнул: смотря по сторонам, он заметил маленького носильщика, который шел по улице, согнувшись в три погибели под тяжестью заплечной корзины. У человека на крыше все внутри перевернулось от жалости. Крепко ухватившись руками за доску, он стал внимательно смотреть вниз. Маленький носильщик, который продвигался по улице с таким трудом, что казалось, под тяжестью груза его ноги приклеиваются к разбитым камням мостовой, был его сын.
В один из трудных дней, когда не было работы (из десяти дней он работал один), ему пришлось забрать сына из школы, и больше учиться он его не посылал.
Кроме жены и мальчика у него было еще две девочки.
В удачные месяцы, когда ему удавалось найти работу хотя бы на десять дней, он зарабатывал в лучшем случае шестьдесят пиастров. На эти деньги он не мог прокормить семью, и мальчонка должен был работать с малых лет.
Купив по дешевке старую корзину, он стал посылать мальчика по базарам, и тот начал приносить домой то двадцать, то двадцать пять пиастров. «Подрастет, — может, еще пиастров на 10—15 больше зарабатывать будет», — думал отец.
Но в этот раз его слишком тяжело нагрузили. Когда солнце освещало мальчика, отец отсюда видел, как на лбу его блестели капельки пота. Человек, шедший рядом с маленьким носильщиком, по виду слуга, время от времени останавливался и что-то говорил мальчику, очевидно, подгоняя его. Когда они приблизились, отец начал различать предметы, лежавшие в заплечной корзине.
Вперемежку со множеством бутылок лежали разной величины консервные банки с яркими цветными ярлыками. Бутылок было очень много—маленькие, пузатые, круглые, конусообразные, с узкими, с толстыми горлышками. В них были напитки белого, зеленого, вишневого и кроваво-красного цвета. Ноша была так тяжела, что казалось, она раздавит ребенка.
Отец узнал человека, который шел рядом с ребенком, — это был хозяйский слуга. Очевидно, сегодня там, напротив, званый обед. Об этом говорило большое количество бутылок, рыбы различных сортов и множество консервных банок.
Носильщик и слуга подошли к дверям дома. Ребенок, оперевшись ручонками о стену, поставил ногу на ступеньку. Сверху отцу было видно, как от напряжения дрожали колени мальчика. Но ребенку никак не удавалось поставить на ступеньку другую ногу: слишком уж тяжела была корзина. Слуга стоял рядом, со скучающим видом, заложив руки за спину.
Наконец, ребенок, сделав еще одно усилие, поднялся на ступеньку, а затем, с трудом преодолев остальные три, вошел в дом.
Наверху отец ждал его возвращения с затаенным дыханием.
— Эй, работай! — закричал на него мастер с другого конца крыши.
Встрепенувшись, он начал стучать топором по доске, но все его мысли были там, в доме напротив. Иногда он останавливался и прислушивался, но ничего не слышал, кроме биения своего сердца. Немного спустя среди стука топоров до него донесся звук разбитого стекла. Перегнувшись вниз, он прислушался.
В доме напротив кто-то кричал грубым голосом, но слов разобрать нельзя было. Иногда ему казалось, что он слышит плач. Потом голоса приблизились к дверям.
Человек наверху весь перегнулся вниз и стал смотреть. Сперва из дверей вышел мальчик. Плача навзрыд, он одной рукой держал веревку, на которой волочилась по земле корзина, а другой рукой держался за коленку. Вся нога у него была в крови. За ним показался рассерженный слуга.
— А ну-ка, убирайся отсюда! — крикнул он ребенку.
Мальчик громко плакал и что-то говорил, но понять его нельзя было.
— Давай проваливай! Из-за тебя и мне попало. Если не можешь тащить, не надо было браться.
Ребенок опять что-то хотел ответить.
— Не вату несли ведь, — сказал слуга.
— Мы столько ходили, отдайте хоть мои деньги! — умолял мальчик, вытирая слезы.
Слуга пожал плечами:
— Ты разбил две бутылки по сто пятьдесят пиастров — это три лиры. Да еще и денег хочешь?! — сказал он и скрылся в маленькую дверь в углу дома.

Мальчик все еще не уходил и тихо плакал. Кровь текла из пораненной ноги, и белые плиты мостовой перед домом покраснели.

Отец наверху, казалось, окаменел. Он молча смотрел вниз и думал: если он вмешается и выяснится, что это его сын, то хозяин прогонит его. Если он скажет: за что вы обижаете ребенка, заплатите мальчику его деньги,— то его немедленно выгонят. Вот почему он не мог бросить работу и спуститься вниз. Хотя, собственно говоря, в данный момент он не думал об этом. Он просто тупо смотрел вниз и старался умерить биение своего сердца, которое билось так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Вдруг окно напротив раскрылось, и сначала показался жирный живот, а потом красная голова хозяина. Стараясь высунуться из окна, он прокричал громовым голосом:

— Эй, не хнычь здесь под окном! Убирайся-ка подобру-поздорову!

— У меня стекло в ноге. Ой! — кричал мальчик.

— Пойди плачь в другое место! — крикнул хозяин.

Тотчас же из дверей выскочил слуга. Он взял подмышки мальчика, который сидел на корзине и плакал, глядя на пораненную ногу, и хотел поднять его.

— Отдайте мои деньги!

Человек в окне побагровел от гнева:

— Прогони этого ублюдка отсюда!

Слуга взял маленького носильщика за руку и потащил его прочь. Мальчик, держа корзину руками, громко плакал. На том месте, где он сидел, мостовая была совсем красная от крови и тускло блестела на солнце.

Человек на крыше неподвижно смотрел вниз. Глаза его налились кровью, голова горела. Он поднял руку к горлу, как будто воротник душил его.

Ребенок не двигался, и теперь уже не потому, что хотел получить деньги: он не мог идти от боли. Не спуская глаз с окна, слуга грубо толкнул его. Мальчик упал на землю лицом вниз, крепко держа свою корзину.

У человека на крыше потемнело в глазах и в голове шумело, как от солнечного удара. Ноги его, упиравшиеся в край крыши, дрожали. Заметив, что они постепенно слабеют и колени начинают подгибаться, он хотел удержаться за доску над своей головой, но пальцы его тоже ослабли и не сжимались.

Тело его с легким скрипом поползло по свежим доскам. У края крыши оно как бы на мгновенье задержалось и затем глухо шлепнулось на середину мостовой, как мешок с землей.

Слуга, пытавшийся поднять ребенка, убежал, а человек в окне с отвращением поморщился и, с шумом захлопнув окно, скрылся в комнате.

Перевел с турецкого Р. Фиш

ПИРОГОВ В СЕВАСТОПОЛЕ

Софья ХАРЛАМОВА

Неслышный в топоте шагов,
Шатаясь, входит Пирогов,
Под ряд не спит он третью ночь,
Три вечности: ночь, ночь и ночь...
Июльский день на Черном море.
Висят недвижно облака.
Англо-французские войска
Рванули якоря в Босфоре,
Дымя, качаясь, корабли
К суровой бухте подошли.
Стволов накалена громада:
И днем и ночью канонада.
От крови почернел паркет,
Прижались статуи к углам.
Треск, скрежет, ругань, стоны, бред.
Стоят лафеты тут и там.
Песок за воротник, за шею
Забился, не стряхнуть никак.
Нахимов сел на дно траншеи
На отдых между двух атак.
Затишья сроки коротки,
Опять огонь ведут стрелки —
За залпом залп. Дымится ров...
К столу склонился Пирогов.
На биллиарде в кучах ваты
Кипящий, рыжий самовар.
Вошли с носилками солдаты.
Ножом кухонным санитар
На части разрезает свечи.
У печки сушатся бинты.
Дома оглохли от картечи!
Горят причалы и мосты.

В тесной землянке с толстым накатом,
Бросив шинели на грязную землю,
Спят, утомленные боем, солдаты,
И часовые на брустверах дремлют.
Сколько часов им осталось до смерти?
Что им на кратком привале приснится?..
Осколок кривую над городом чертит,
И, в луже подпрыгнув, шипит, и вертится.
Море окутано влажным туманом.
Вышел солдат, спотыкаясь о ядра,
Вышел солдат с полковым барабаном...
Бомбы на город бросает эскадра.
Ветер морской налетает, как турман.
Красной каймой у обугленных зданий
Южное солнце встает перед штурмом,
И барабанщик подъем барабанит.
Слышится крепкое русское слово...
Ищут какого-то графа Толстого...

Вот, сдвинув шапку на макушку,
Пушкарь прицелом ловит мушку,
Попробуй графа в нем узнай?!
Он твердо встал на косогоре,
Из-под руки глядит на море,
Где волны плещут через край!
Помятый, узенький мундир,
Заплата новая над локтем.
Пропах он порохом и дегтем,
А перед ним — война и мир...
И слышит он протяжный вопль.
Кого зовешь ты, Севастополь?
В кольце редутов и руин,
В кольце огня, в кольце врагов
Встал Севастополь не один.
Плечом к плечу с ним Пирогов
Встает — и вот уже их двое.
Своей морской пехоты мимо
Проходит адмирал Нахимов.
Два плюс один — теперь их трое.
Фронт русский развернулся шире.
Пароль известен? Кто ты? Стой!
Лев Николаевич Толстой.
Три плюс один — и вот четыре.
С планшетом, с циркулем, с лопатой,
Тотлебен встал, — ну вот он пятый,
А там уже за ротой рота
Идут защитники без счета.
Шинели, армяки, бушлаты...
И протянулась сквозь века
Их мускулистая рука!

ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ

От Майнца до Баден-Бадена

Николай КОВАЛЕВ

Французы уделяют большое внимание Майнцу. И неспроста. Город стоит у слияния реки Майн с Рейном — на большом водном пути. Вместе с тем это крупный железнодорожный узел. И здесь же перекрещивается несколько автомобильных дорог. Майнц занимает «исключительное положение, политическое, экономическое и даже топографическое»,— сказано в информационном бюллетене для французских оккупационных войск в Германии.

Интерес французов к Майнцу совпадает с тем соображением, что «если Майнц в настоящее время и является немецким городом, он все же имеет много общего с Францией, он составляет часть ее, сохранив много французских черт». Так пишут французы.

Французские оккупационные власти объявили Майнц столицей земли Рейнланд-Пфальц. Это, пожалуй, единственный во французской зоне город, где заметна восстановительная работа.

В бюро по восстановлению и реконструкции Майнца существуют планы, чертежи и карты нового города с пометкой «Париж, 1946 год». Главное в этих планах — реконструкция железнодорожных путей вокруг Майнца, строительство большого аэропорта и сооружение крупного речного порта. Таким образом, цель реконструкции Майнца, как мы поняли,— превратить его в один из главных экономических и стратегических центров французской оккупационной зоны, в опорный пункт политического влияния Франции в Германии.

Руководитель бюро — архитектор Лотс — работает в содружестве с другими французскими архитекторами. Иных, нефранцузских имен здесь не произносится. Не называются и какие-либо немецкие организации, которые участвовали бы в возрождении Майнца. Впечатление такое, что немцы привлечены к этому не больше, как в качестве строительных рабочих.

Баден-Баден. Отель «Стефания», в котором помещается Управление французской оккупационной зоны.

После «Архитектурного бюро» мы попали во французский институт. Он занимает прекрасный особняк, сохранившийся среди городских развалин. Основная задача этого учреждения, повидимому,— пропаганда и распространение французской культуры среди немецкого населения. Здесь читаются лекции по истории французской литературы, философии, искусства. Здесь же немцы изучают французский язык.

Такие институты, как мы убедились позже, созданы и во многих других городах французской оккупационной зоны Германии. Кстати, находятся они в ведении министерства иностранных дел, а не оккупационных властей.

Из Майнца мы выехали в город Кобленц. Дорога шла вдоль левого берега Рейна. В глубоких водах его отражались холмистые берега, покрытые лесами и виноградниками, развалины старинных замков. Река красива. Недаром Генрих Гейне, слушая «батюшки Рейна шептанье», написал здесь свои лучшие произведения. Многие стихи Гейне родились из рейнских легенд.

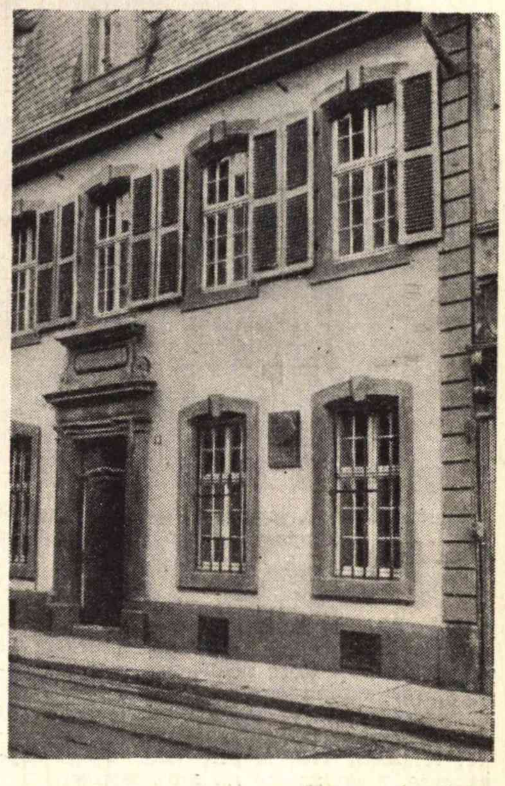
Сейчас здесь о Гейне почти не вспоминают. Похоже, что немцы попросту забыли своего поэта: над этим потрудились нацисты.

Мы обогнали караваны груженых барж. Их тянули буксиры под французскими, английскими и американскими флагами. Судоходство на Рейне отнято у немцев. На реке распоряжаются главным образом французские и швейцарские фирмы.

От Рейна мы отклонились там, где в него впадает река Мозель. Дорога привела нас в Трир, на родину Карла Маркса. Нам давно хотелось увидеть места, которые связаны с памятью о великом основоположнике научного социализма, и мы заранее заявили об этом сопровождавшим нас представителям французских властей. Однако на Брюкенштрассе мы попали только после того, как побывали на развалинах римской бани и в двух церквях, которые сейчас восстанавливаются.

Машины въехали в узенькую улочку и остановились у дома номер 91. На свежевыкрашенной стене мемориальная доска с барельефом Карла Маркса. С волнением мы вошли в дом. Но, переступив порог, нашли пустые, голые комнаты — будто новые хозяева успели лишь вымыть в доме полы и обмахнуть пыль со стен. Пустой оказалась и комната на втором этаже, в которой родился Маркс. Здесь были только его бюст, наскоро сделанный местным скульптором, да переносная кафедра, не имеющая никакого отношения к дому. Нам сказали, что время от времени тут происходят собрания местных социал-демократов.

И только одна комната более или менее имела вид музея. На стенах — гравюры, старый план города, портреты двух обербургомистров времен Карла Маркса. Вдоль стен — маленький шкаф и три витрины с книгами. В них под стеклом — портрет Адама Смита, книга Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» и некоторые произведения Маркса. На переплетах сохранились зеленые кружочки — так нацисты помечали книги, подлежащие уничтожению. Выставленные экземпляры были изъяты фашистами из городской библиотеки и случайно не попали в костры.

Фасад дома в Трире, где 5 мая 1818 года родился Карл Маркс.

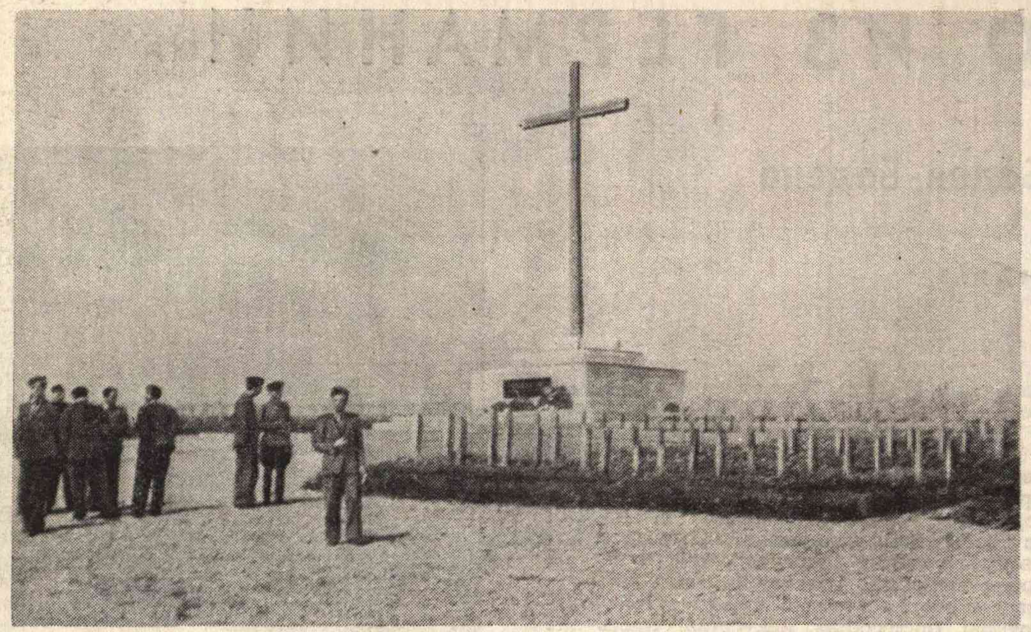
Нас покоробило, когда при выходе из дома мы наткнулись на канцелярию городской организации СДПГ и узнали, что несколько комнат дома Карла Маркса заняты под квартиру второго председателя правления социал-демократической организации Трира. После того как дом осквернялся уже однажды нацистами, которые, разгромив музей, подняли над ним флаг со свастикой, ныне к нему могли бы относиться с бо́льшим уважением.

Французская военная администрация передала дом Маркса в распоряжение социал-демократов. Трирский окружной комитет коммунистической партии Германии несколько раз предлагал создать объединенный комитет для организации музея. Но правые социал-демократы и тут отказались от сотрудничества с коммунистами.

На открытие дома-музея, 5 мая 1947 года, в день 129-летия со дня рождения Карла Маркса, по приглашению немецких социал-демократов в Трир съехались их коллеги из других стран Европы. Коммунисты приглашены не были. Тогда они провели свое заседание, посвященное этой годовщине. На нем присутствовали многочисленные представители интеллигенции и те социал-демократы, которые стремятся к единству. На собрании было высказано пожелание, чтобы городу, где родился основоположник научного социализма, было присвоено имя Маркса. Но у местных градоправителей хватило духу присвоить его имя только половине улицы, причем даже не той половине, где стоит дом. Так в Трире «увековечили» память великого Маркса.

От Трира мы свернули на юг, пересекли Саарскую область и продолжали свой путь вдоль границы с Францией. Здесь сохранилось множество памятников германского милитаризма. Все они похожи друг на друга. Идея, во всяком случае, одна: вперед, на Запад, немецкие солдаты!

Неожиданно на нашем пути вырос громадный крест, возвышавшийся над рядами могил. Машины остановились. Сопровождавший нас французский офицер вышел из автомобиля, вытянулся в струнку и приложил руку к козырьку.

Крест-памятник, установленный на месте бывшего фашистского концентрационного лагеря, в котором погибло 1158 французов, русских, поляков, чехов, бельгийцев.

В феврале этого года французская военная администрация соорудила памятник на месте гитлеровского концентрационного лагеря, где нашли смерть сотни французов, русских, поляков, чехов, бельгийцев. На постаменте надпись на французском языке: «Памяти 1158 жертв нацистского варварства, покоящихся на этом месте».

— Надо было эту надпись перевести на немецкий язык, — сказал кто-то из нас, заметив, что толпы немцев, направлявшихся в этот день на поклонение в замок Гогенцоллернов, расположенный на высокой горе, бесстрастно проходили мимо памятника.

...Мы видели Рейн, широкий, спокойный, полноводный. Теперь перед нами был небольшой ручеек, берущий начало в Швейцарских Альпах. Мы приехали на берег Боденского озера, в город Констанц. Здесь — граница со Швейцарией. Мы уперлись в нее, проезжая по одной из центральных улиц города. По ту сторону шлагбаума находилась другая страна.

Констанц — место отдыха французских, американских и английских офицеров из оккупационных частей. К их услугам лучшие отели, рестораны, кафе. Питание отличное, при всех продовольственных трудностях, которых в Констанце не меньше, чем во всей зоне.

Это — все, пожалуй, что мы успели заметить в Констанце. Нам не дали возможности поговорить даже с местным губернатором. Нас торопили.

Французская зона, если посмотреть на карту, имеет форму цифры 8. Мы сделали уже более двух тысяч километров, и наша фигурная езда подходила к финишу — к Баден-Бадену.

Знаменитый курорт стал резиденцией французской военной администрации всей зоны. На 25 тысяч немцев в Баден-Бадене приходится теперь около 40 тысяч французов. Повсюду слышится французский говор. Даже немцы обращаются к вам на французском языке.

— Париж переехал в Баден-Баден, — говорят здесь.

Город заклеен кричащими афишами, которые зовут в кино — на французский боевик или на спектакль театра, прибывшего из Франции.

По воскресеньям французы—любители верховой езды—едут на прогулку в Шварцвальд (Черный лес) и чувствуют себя там, словно в Булонском лесу.

В Баден-Бадене много книжных магазинов с французской литературой, газетами, журналами. Однако распространять среди немцев свои печатные издания французам трудно. На пути — валютное препятствие: за литературу надо платить оккупационными франками, немцы же их не имеют.

Парадоксально, что при всем своем стремлении привить немцам французский дух, оккупационные власти не весьма эффективно искореняют дух немецкого фашизма.

На пресс-конференции в Баден-Бадене нам были оглашены шестизначные цифры рассмотренных дел по денацификации и сообщено, что очень многие нацисты приговорены к тюремному заключению, денежному штрафу и понижению в должности. Если цифры эти и правильны, то крупных нацистов, по нашим наблюдениям, вся эта процедура коснулась очень мало.

Например, нынешним обербургомистром Трира является некий Кемпер, который в свое время ревностно добивался провозглашения Гитлера почетным гражданином города. В Оффенбурге на одной из центральных улиц мы увидели вывеску «Издательство Франца Бурда». Известно, что этот владелец крупнейшего немецкого издательства был другом Геббельса и Риббентропа, что его издательство в свое время наводняло Германию писаниями «фюрера» и пропагандистской стряпней о нем. Мы поинтересовались судьбой Бурда, и французский губернатор Оффенбурга ответил: «Его нет, он сидит». «Где же он сидит, ваш шеф?» — спросили мы печатников. Наборщики недоуменно посмотрели на нас: «Как где? Да у себя в бюро».

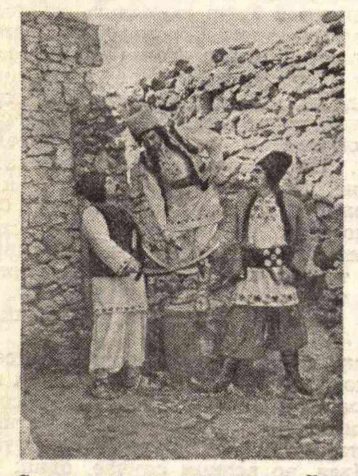
В одной французской газете мы видели карикатуру: нацисты проходят через освежающий душ и возвращаются к прежней своей деятельности. Это в самом деле очень похоже на то, что называется здесь денацификацией.

Удивляться, впрочем, не приходится. Среди работников французской военной администрации можно встретить немало деголлевцев, людей крайне реакционных политических взглядов. Вишийцы почти откровенно покровительствуют гитлеровцам. Во французской зоне нашла себе приют штабквартира кагуляров — французской фашистской организации.

В зоне, как и в самой Франции, все громче раздаются голоса, требующие подлинной денацификации и демократизации немецкой экономики. Но главное требование — это чистка аппарата самой французской военной администрации зоны. Здесь считают совершенно необходимым освободиться от людей, которые втянуты в закулисные маневры американских трестов и подготавливают трехзональное объединение, цель которого — восстановить Германию как базу будущих конфликтов.

Перед Октябрьскими днями

ПИСЬМО ИЗ КИШИНЕВА

Сцена клятвы из пьесы И. Ром-Лебедева «Гайдуки» в Молдавском музыкально-драматическом театре.* Слева направо: Урьяш — артист Н. Левяну, Тоадер — артист В. Кокоц, Янку — заслуженный артист Молдавской ССР Е. Уреке.

Многообразна творческая жизнь искусства Советской Молдавии. Заслуженной популярностью в республике пользуется располагающий превосходной труппой Молдавский музыкально-драматический театр, которым руководит заслуженный артист республики В. Герлак. С успехом проходит в этом театре пьеса И. Ром-Лебедева «Гайдуки» о героическом прошлом молдавского народа, в которой заслуженный артист МССР Е. Уреке играет главную роль. Е. Уреке — не только драматический актер, но и опытный певец—исполнитель ведущей партии в опере С. Артемовского «Запорожец за Дунаем».

В репертуаре театра опера П. Чайковского «Евгений Онегин», балет Б. Асафьева «Барышня-крестьянка», пьеса К. Симонова «Под каштанами Праги» и другие.

К 30-летию Октябрьской революции готовится постановка «Кремлевских курантов» Н. Погодина. На молдавской сцене будут впервые созданы образы великих вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Большую новую программу наметили к Октябрьским дням хоровая капелла «Дойна» (художественный руководитель — заслуженный артист республики М. Брезденьюк) и Молдавский ансамбль народного танца (художественный руководитель — Л. Ошурко).

Лучшие мастера изобразительного искусства примут участие во Всесоюзной художественной выставке 1947 года. М. Гамбурт пишет жанровое полотно «На лугу». Статую для памятника молдаванину Борису Главану—члену героической подпольной организации «Молодая гвардия» — выполнил заслуженный деятель искусств республики Л. Дубиновский.

И. ШАЛЫТО

Солистка Молдавского ансамбля народного танца, заслуженная артистка Молдавской ССР Н. Пшеничная.

Фото Л. Раскина

ИВОЛГА

Рассказ

Юрий ОЛЕША

Рис. П. Голубь

Вдруг раздался голос птицы, заставивший меня остановиться. Я сбегала по тропинке и остановилась среди кустов, которые были выше меня ростом, так что Порфирий Антоныч не мог меня увидеть.

— Где ты?

— Я тут!

— Где?

Я подняла руку с кувшином, сама удивившись тому, как он блеснул. Порфирия Антоныча я покинула у порога избушки, и, как видно, там он и услышал это пение. Теперь он бежал ко мне, придерживая очки.

— Ты слышала?

— Да!

— Что это, а? Опять... Слышишь?

Птица повторяла колено. Порфирий Антоныч, блестя очками, смотрел в чащу дерева. Певчие птицы такие маленькие, что их нельзя увидеть, хотя иногда и кажется, что видишь вертящуюся во все стороны головку.

— Это поразительно! На что похоже? А? На что? Тише...

Она опять запела, и это было похоже на то, как будто в листве покачивался маленький челнок. Тут был и звук пустоты, и звук ветра, и звук дерева.

— Что же это за птица?

— Не знаю!

— То, что ты не знаешь, это ничего, а вот что я, старик...

Пение раздалось в другом месте, теперь уже внизу, куда сбегала тропинка.

— Перелетела или это другая?

Она запела еще дальше.

— Перелетела!

Еще дальше... Там плыла румяная в лучах солнца сосна. Кажется, что она плывет, но это плывут облака.

— А в школе считалось, что я все знаю! Помнишь? Порфирий Антоныч все знает... А я даже не знал, какие у нас поют птицы! Правда, когда человек всю жизнь прожил в городе... Да, но ты бежала за водой?

Порфирий Антоныч посмотрел на меня округлившимися глазами, как он делал это в школе, когда сердился:

— Беги!

И я побежала. Еще несколько раз слышалось пение, и я оглядывалась на Порфирия Антоныча. Он мне кивал, давая понять, что тоже слушает, а когда я оглянулась в последний раз, то увидела, что Порфирий Антоныч снял очки и вытирает глаза платком.

Я не видела, как они появились. Когда я вернулась с наполненным кувшином, они уже стояли возле избушки. Восемь бойцов, как я потом подсчитала...

Первую минуту я даже подумала, что это игра света. Солнечные пятна двигались по их плечам и каскам, но я решила, что это моя страстная мечта дорисовывает эти плечи и каски и что на самом деле ничего нет передо мной, кроме кустов и солнечного света. Я знала, что Красная Армия отступает с боями, но при слове «отступление» трудно было не думать о расставании надолго. Могла ли я допустить, что вдруг увижу наших бойцов? Все ликовало во мне, и с тем большей горечью я ожидала, что видение исчезнет.

Я разняла кусты и шагнула. Порфирий Антоныч что-то сказал мне, чего я не услышала, и протянул руку. Я поняла, что нужно отдать кувшин, и отдала. Много голубых глаз посмотрело в мою сторону, и мне показалось, что они смотрят сквозь дым. Я не знала, что они выдержали несколько боев, так как вырвались из окружения, но я видела, что они смотрят сквозь дым...

Как ведет себя девочка в порыве радости? Она всплескивает руками, подпрыгивает... Вероятно, я все это и проделала бы, если бы Порфирий Антоныч сразу не взял меня за руку и не притянул к себе:

— Стой смирно!

Может быть, он и не произнес этого, но я замерла, почти приникнув к нему. Моя рука осталась в его руке, и он вместе со своей рукой поднял и мою и остановил на ремне возле сердца.

По этому движению я поняла, что я должна смотреть на что-то, на что сейчас смотрит и он.

Но я не знала, на что он смотрит. И только когда кувшин, который переходил из рук в руки, остановился в ладонях одного из бойцов и этот боец, став на колено, нагнулся над травой, я увидела то, на что смотрел Порфирий Антоныч: под деревом лежал девятый боец.

— Пулеметчик,—прошептал Порфирий Антоныч. — Рука, видишь?

Рука раненого лежала на груди, и это была рука черная, как рука рабочего, в масле, блестящая от масла. Как видно, этот пулеметчик хорошо поработал...

Так вот для кого я набирала воду! Но как трудно было этой доброй и веселой воде, вокруг которой только что летали бабочки, делать свое простое дело! Раненый ловил струю, но она проливалась... Я почувствовала, как пальцы Порфирия Антоныча сжали мою руку. Это был мой учитель, который всегда хотел, чтобы я понимала смысл того, что я вижу. И теперь он как бы спрашивал меня: понимаю ли я? В ответ я прижалась к его локтю, и Порфирий Антоныч, наверное, почувствовал, что я киваю головой. Да, я поняла... Я поняла, что перед лицом страданий солдата не велика цена жалости. Мало только жалеть его... Еще нужна клятва! Еще нужно поклясться ему, что и ты, если это понадобится, не станешь щадить своей жизни!

— Балашев, — сказал вдруг тот, который поил, — гляди... А? Гляди, что в лесах творится! И стар, и мал... Гляди, девочка в партизанах! А? И старик!

— Мы... мы только сторожим избушку! — сказал Порфирий Антоныч. — Явочное место, и мы...

Порфирий Антоныч даже развел руками:

— Скажи, что мы только сторожим избушку!

И я сказала, что мы только сторожим избушку. Но те двое не слушали. Раненый смотрел на нас, улыбаясь, а товарищ его радовался, что он улыбается. И чтобы улыбка эта не исчезала, он стал хохотать.

— Гляди, гранаты! У старика-то... А? Граната! А девочка... Гляди! А?

У меня не было гранат, и я была обыкновенная девочка в юбке и в кофте, в которых ходила в школу, но ему уже казалось, что и мой вид отличается чем-то воинственным.

— А, Балашев? Нет, ты гляди... Девочка, а? Ну, брат, мы тебя на таких людей оставляем, что... — он потряс кулаком. — Верно, товарищ старшина?

— Пошли, — сказал тот, кого назвали старшиной.

Он шагнул к раненому, как видно, для того, чтобы попрощаться.

— Балашев, — начал он и вдруг позвал вполголоса, как зовут спящего: — Балашев?

Я не видела, что происходит под деревом, потому что огромная фигура старшины стояла впереди меня. Я только видела руку раненого, которая лежала теперь в траве ладонью вверх.

— Балашев? — позвал старшина еще тише.

Рука поднялась над травой, и старшина, гремя плащом, ринулся к ней. Теперь я могла увидеть раненого, но я закрыла глаза. Я испугалась, что увижу картину смерти.

— Во как поет, — сказал раненый. — Во как...

Я открыла глаза и встретилась с его взглядом. Этот взгляд вернулся с вершин деревьев, где только что пропела птица, и теперь улыбался мне.

— Иволга, — произнес раненый с нежностью.

Он опять стал смотреть вдаль. Птица перестала петь, а он все смотрел туда же...

Сон Опанаса

Из поэмы «Трагедийная ночь»

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

Третья часть поэмы «Трагедийная ночь» входит в задуманную автором эпопею о строительстве Днепровской электростанции имени Ленина.

Героем новых глав поэмы является дед Опанас — житель села, которое должно быть затоплено водой после постройки плотины. Не веря в возможность «второго потопа», дед отказывается выехать из села и остается в своей хате вместе с внуком Петром.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.

В ту ночь
канавы и мосты,
Вода и камни снились деду.
Родной пригорок затопив,
Ручьев немыслимый разлив,
Ликуя, праздновал победу.
Слепая, наглая волна
Рывком сорвала печь с причала
И ложе глиняное мчала
По перепутаницам сна.

Был с детства деду страх неведом,
Но сердце дрогнуло,
когда
Старик увидел, что вода
За ним стеной несется следом,
Гоня неведомо куда.

Срезая поле водяное,
Земля раскинулась вдали.
Но дед, влекомый к ней волною,
Никак не мог достичь земли.
Как только близко вырастала
Крутого берега скала,
Земля куда-то уплывала
И вновь далекою была.
Но встал над темной полосою,
Едва заметной вдалеке,
Петро,
несущий пред собою
Цветную радугу в руке.
Вот размахнулся он широко,
Задев рукой десятки звезд,
И бросил к деду над потоком
Дугою выгнувшийся мост.
Утихла буря водяная.
Дорога близкая проста.
Теперь легко доплыть до края
Необычайного моста.
И дед плывет ему навстречу,
Гребя привычною рукой,
Но вдруг взлетает вместе с печью
Над многоцветною дугой,
К седым порогам птицей мчится,
Глядит назад, глядит вперед
И мест родных не узнает,
Нигде не видя Ненасытца.
От водопадов нет следа.
Нет Монастырко[1]. Нет канала.
А там, где издавна вода
За Волчьим Горлом[2] клокотала,
Совсем спокойна ширь Днепра,
И меж крутыми берегами
Лежит гигантский серый камень,
Ничуть не меньший, чем гора.

---

[1] Самая большая скала Ненасытца.
[2] Самое узкое место Днепра у села Кичкас, за которым строился Днепрогэс.

Дед притаился, замирая.
Сквозь толщу камня видит он
Куски житья такого края,
Что и во сне похож на сон.
Чудесным светом пламенея,
Легла пред ним речная даль.
Гора прозрачна, как хрусталь,
И мир, открывшийся за нею,
Для Опанаса был таким,
Как будто явью стали сразу
Все сказки, басни и рассказы,
От внука слышанные им.

Давно знакомые просторы
Земли и неба — не узнать.
Шагают хаты. Пляшут горы.
Текут ручьи и реки вспять.
Землей становятся утесы,
Ковром цветов — песок равнин.
Неслышно крутятся колеса
Неописуемых машин.
Вокруг машин прохладой дышат
Сады невиданной красы.
Растет пшеница выше крыши
И выше тополя — овсы.
Рядами легкими, прямыми
Встают нездешние дома,
И человека между ними
Проносит улица сама.

Едва дыша,
на это чудо
Глядит усталый Опанас.
Десятки солнц висят повсюду,
Не ослепляя старых глаз...

И вдруг пропало все куда-то.
Не видно камня. Света нет.
На килимце[3] в средине хаты
Сидит качающийся дед,
И вкруг него танцуют скрыни,
Труба, заслонки, рогачи,
Скворешник, сволоки, годинник[4]
И те же чортовы ручьи.

Но тут блеснул
в руке зажатый
Кусочек радуги тугой,
И вещи в хате и над хатой
Убрались тихо на покой.
Потом мелькнули чьи-то лица...
Сверкнули сабли...
И опять
Пошла такая небылица,
Какой и в сказке не бывать.

Когда, поднявшись еле-еле,
Упорный взгляд уставил дед
На те портреты, что висели
В родном жилье десятки лет,
Фигуры гетманов старинных
И запорожских козаков

---

[3] Коврик.
[4] Часы.

Зашевелились на картинах,
Как будто слыша чей-то зов!
Сухой пергамент
сжался,
треснул,
Пронесся тонкий звон стекла,
И на доливку[5] хаты тесной
Толпа огромная вошла.
Все ближе свиты и жупаны,
Рубахи, шапки, кунтуши,
Кожанки, мантии, кафтаны,
Пистоли, сабли, палаши, —
И стали крепкой, теплой плотью,
Цветным клубком переплетясь,
Шелка и жалкие лохмотья,
Литое золото
и грязь.

Несчетны лица человечьи.
Несчетны сильные тела.
Судьба невиданное вече
Для Опанаса собрала!
Тут были рыцари свободы
И просто рыцари войны,—
Щенки помещичьей породы
И добыватели казны,—
Была старшина и козацтво,
Была вершина и хребты,—
Ступени разной высоты —
От полускрытого богатства
До обнаженной нищеты.
Одни приветствовали деда
Хлопками выхоленных рук.
Другие тихую беседу
Вели, собравшись в тесный круг.
И вызвал дед, пристывший к хате
И ухватившийся за печь,
Не очень вежливую речь
И удивленные пожатья
Их колыхающихся плеч.
А третьи просто хохотали,
И сотни тощих животов
Ходили так, что рваться стали
Очкуры выцветших штанов...

Но стало вдруг тревожней вдвое,
Когда почуял Опанас,
Что в сердце хлынуло волною
Живое пламя чьих-то глаз.
Из глубины толпы шумливой,
Совсем-совсем издалека,
Печально,
зло,
нетерпеливо
Глядели очи козака.
Он Опанасу шел навстречу.
Он сквозь тела людей проплыл —
И расшумевшееся вече
Гигантской грудью заслонил.
Такую грудь впервые в жизни
Увидел старый Джалалей.
Клинки любых врагов отчизны
Рубцы оставили на ней.

---

[5] Земляной пол.

И тот, кто помнил очертанья
Ножа и пуль, клинка и стрел,
Легко бы
тысячи названий
Жестоких схваток и восстаний
На той груди прочесть сумел!
Она была едва прикрыта,
А с плеч,
как праздничный наряд,
Свисала продранная свита
В рубцах бесчисленных заплат.

И Опанас увидел руки...
На их мозолях запеклись
Все кривды, горести и муки,
Что с ним, бесправным, родились
И провожали до могилы,
Всегдашним голодом гнетя,
Трудом выматывая силы,
А душу — песенкой унылой
О беспросветности житья.
Весь мир могли бы руки эти,
Перевернув, преобразить,
А им пришлось на этом свете
Лишь плуг вести да саблей бить.
Давали миру
море жита
Большие руки плугаря,
А им,
лохмотьями обвитым,
Вручали чарку оковыты[6]
Взамен еды и букваря.
Им крест вручали
да иконы,
Чтоб те, кто жил в цепях тугих,
Благословляли все законы
Разноязыких, но исконных
Поработителей своих.
А эти руки меч хватали,
Чтоб лиходеев сбросить с плеч,
И снова в рабство попадали,
И ручки плуга
снова брали,
Чтоб вновь схватить звенящий
меч...

Увидел дед большие ногти,
Упругих мускулов узлы,
Рубаху, смазанную дегтем[7],
Из козьей шкуры постолы,
Очкур, что сделан из веревки,
Да шапки-бирки[8] смятый ком,
Да след глубокий от винтовки
В плече, рассеченном клинком.

...Козак стоял пред Опанасом,
Не отводя суровых глаз.
Страшней и радостнее часа
Не знал доселе Опанас!
Объятый трепетом волненья
В глубоком взоре видел дед
Любовь,
печаль,
недоуменье,
Укор,
насмешку, —
и завет.

Козак ногою топнул строго!
Зовет он деда за собой!
Он встал у самого порога,
Упершись в небо головой,
И, указав двумя руками
На шлях, лежащий впереди,
Шепнул иссохшими губами
Одно короткое: — Иди! —

И вновь исчезло все.
Спокойно
Луна сияет с высоты.
Сребристых тополей листы
Трепещут чуть.
Не хочет воздух
Своей дремоты превозмочь.
Прозрачно небо. Блещут звезды.
Тиха украинская ночь.

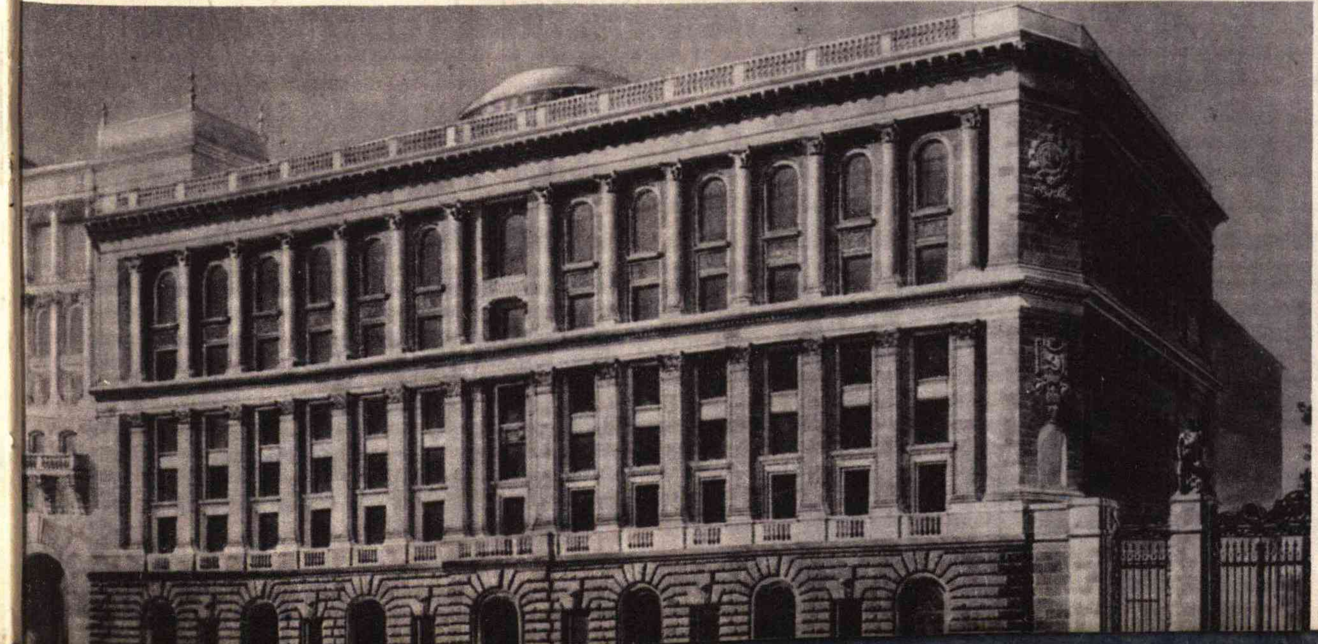
[6] «Окобыта» — из Польши забежавшее испорченное латинское название горилки, водки: аква витэ.
[7] Запорожцы смазывали рубахи дегтем, предохраняя себя от насекомых.
[8] Та самая шапка, о которой сказано: «Шапка-бирка, зверху дирка, дощем покрыта, травою пошита, ветром подбита».

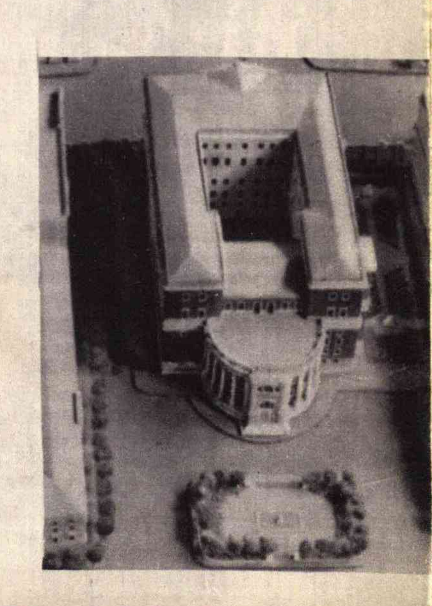
БУДУЩАЯ МОСКВА

СОВЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Все здания на Советской площади сооружены или реконструированы недавно. Но строительство здесь продолжается. Скоро к зданию Московского Совета будет пристроен зал пленарных заседаний. Существующий сквер на площади расширяется. На площади в 1948 году будет воздвигнут памятник основателю Москвы Юрию Долгорукому. К зданию института Маркса—Энгельса—Ленина будут достроены боковые крылья — колоннады, замыкающие углы площади. С левой стороны института будет проложен еще один спуск на улицу Пушкина.

Справа: макет Советской площади на выставке реконструкции Москвы. Внизу: проект дома 9—11 по улице Горького, строительство которого сейчас заканчивается, и макет пристройки здания пленарных заседаний Моссовета.

Вверху—макет площади Маяковского
Внизу — макет Пушкинской площади.

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО

Площадь Маяковского расширяется. Здание Театра сатиры будет снесено. Жилой дом, в котором помещается магазин ювелирторга, будет передвинут на место сносимого здания кукольного театра; на освободившемся пространстве разобьют малый сквер. Движение по Садовому кольцу вводится в тоннель, сооружаемый под площадью. Второй, большой сквер, который раскинется на площади, будет террасами спускаться в сторону Большой Садовой. Здесь будет установлен памятник В. В. Маяковскому. Со стороны Большой Садовой площадь замкнется зданием новой, уже строящейся гостиницы. Реконструируются фасад Театра оперетты и сад «Аквариум», перед которым уже сооружается постоянная чугунная ограда.

ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

По новому проекту, осуществление которого начнется в ближайшее время, Пушкинская площадь значительно расширится за счет сноса зданий Радиокомитета и жилого дома. Вновь создаваемый сквер свяжет Тверской и Нарышкинский бульвары. Взамен здания бара будет воздвигнуто новое здание гостиницы. Кинотеатр «Центральный» и здание «Известий» будут объединены в единый ансамбль.

ЗИМНИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН ОТКРЫТ

В многочисленных театрах Союза зимний сезон открылся под знаком подготовки к 30-й годовщине Великой Октябрьской революции. Это второй театральный зимний сезон со дня опубликования важнейших решений ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве и доклада тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Истекший год явился началом нового подъема в области искусства.

На сцене появилось много пьес, отражающих передовые идеи социалистического общества.

«Великая сила». Сцена из 3-го акта. На даче у Милягина. Профессор Лавров (артист Н. Анненков, в центре) произносит страстный монолог о ничтожных прихвостнях буржуазной культуры, о превосходстве советской науки.

Фото С. Мишина

«Великая сила»

Пьеса Б. Ромашева в Академическом Малом театре

Светлая большая квартира дружной семьи профессора Лаврова. Просторные солнечные комнаты обставлены скромно, уютно и удобно: тут вещи не властвуют над людьми, а подчинены им. Все здесь создано для того, чтобы хорошо было жить, любить, работать, творить.

В центре этой семьи, как и самой пьесы, ученый-гражданин, стойкий большевик профессор Лавров.

Страстно, увлеченно работает он в институте над важным научным открытием. Опыт его увенчался успехом. Теперь надо переходить от лаборатории к производству, нужна техническая база, помощь дирекции института, но... директор института профессор Милягин скептически относится к открытию Лаврова. Раболепствующий перед всем заграничным, Милягин не сознает мирового значения советской науки, ее превосходства над западной. Пережитки капитализма, засевшие в его обывательском сознании, некритическое отношение к достижениям зарубежной культуры приводят его к низкопоклонству перед реакционной, буржуазной наукой.

Конфликт между Лавровым и Милягиным — вот главная тема нового актуального произведения Б. Ромашева «Великая сила».

Постановщики К. Зубов и Н. Петров и превосходный актерский ансамбль Малого театра создали интересный, злободневный спектакль, многократно прерываемый восторженными аплодисментами зрителей.

И. В.

Воплощение мечты

Пьеса А. Софронова «В одном городе». Театр имени Моссовета

Поднят занавес — и перед зрителем возникает будущее одного города, будущее, о котором мечтали люди этого города еще в годы войны, сражаясь с врагом, защищая свою Родину. Мечта воплощается в действительность. Она входит в кабинет секретаря горкома партии Петрова — проекты нового рабочего поселка заполнили всю комнату. Архитектор Горбачев показывает Петрову чертежи домов, новых улиц, площадей, набережных...

Эта первая сцена определяет идею пьесы, ее тему, ее центральный конфликт. В этих проектах Петров видит не только архитектурные очертания мечты, воплощаемой в жизнь, но и человека, для которого будет построен новый поселок. Председатель горисполкома Ратников увлечен другим: его прельщают обелиски и небоскребы в ультраамериканском стиле, он хочет «блеснуть масштабами». Он тоже мечтает о будущем, но это тщеславные мечты, в которых не остается места для человека, для его житейских потребностей.

И Петров, глубоко заинтересованный в том, чтобы жителю поселка было удобно на новом месте, не колеблясь, одобряет проект скромных, уютных домов с огородами и садами, категорически отвергнутый Ратниковым.

Так завязывается главный драматургический узел пьесы Анатолия Софронова, и, по мере того как развиваются события, зритель с возрастающим интересом следит за всеми этапами борьбы Петрова против Ратникова, против всего, что мешает осуществлять подлинную, не показную заботу о человеке, о его насущных нуждах.

Есть в этой пьесе та правда жизни, какая никогда не оставляет зрителя равнодушным к событиям, происходящим на сцене, есть в ней и острая публицистичность.

Создавая драматургическое произведение, в основу которого легла важная тема внимания к людям, честности и борьбы с бездушным, показным отношением к служебному и общественному долгу, автор вывел на сцену людей, которых он знает, и столкнул их не в надуманных, а в реалистически правдивых ситуациях.

«В одном городе» на сцене Театра имени Моссовета. Начальник райжилотдела Сорокин (слева) — Н. Чиндорин, Ратников — П. Герага.

Фото Е. Тиханова

Спектакль «В одном городе» (постановщик — Ю. Шмыткин) отличается реалистической ясностью, какая, видимо, подсказана самой пьесой, всем строем ее образов и сценических положений.

И. Осипов

«Хлеб наш насущный»

В Челябинском государственном драматическом театре

В Челябинске, Троицке, Миассе, Магнитогорске можно было наблюдать любопытное зрелище. Утром или в полдень приезжали из районов десятки грузовиков с колхозниками. Грузовики мчались к центру города, к зданию театра или Дома культуры. Горожане спрашивали друг друга: «Что это — слет? Конференция?..» Вечером, обмениваясь впечатлениями, колхозники и колхозницы вновь усаживались на машины. Грузовики трогались с места и исчезали из города так же внезапно, как и появлялись.

Это были не слеты передовиков. Это была театральная премьера для колхозного зрителя. Разъезжавший по всем районам области коллектив артистов Челябинского государственного драматического театра показывал десяткам тысяч борцов за урожай премьеру пьесы «Хлеб наш насущный» Н. Вирты. И первыми зрителями спектакля были рядовые колхозники, трактористы, комбайнеры Сосновского, Красноармейского, Еткульского, Аргаяшского, Троицкого, Агаповского и других районов.

Николай Вирта смело показал борьбу, идущую в колхозной де-

Коллектив артистов Челябинского государственного драматического театра на перроне вокзала в Челябинске перед выездом в районы. В первом ряду (шестой справа) постановщик спектакля Владимир Лютце.

Фото Дм. Бальтерманца

ревне, между новым, передовым, социалистическим и отсталым, старым, мелкобуржуазным. Пьеса эта явилась прямым ответом на решения партии и правительства по вопросам сельского хозяйства. Постановщик Владимир Лютце правильно понял политическое звучание произведения. Он решил спектакль в реалистическом плане.

Характерна реакция на спектакль бригадира тракторной бригады Полетаевской МТС М. Аксенова. Наибольшее впечатление произвели на него сцены дружного труда людей передового колхоза, возглавляемого Марией Роговой (артистка О. Прусская).

— Посмотрел я, как трудятся люди в колхозе у Роговой. Красота! Взяло меня за живое, и думаю, что не меня одного. Работать мы все можем еще лучше, если будем, как говорится, дальний прицел держать... Вот и выходит, что пользу я получил от пьесы.

Вл. Бравин

«Константин Заслонов»

Премьера пьесы А. Мовзона в Московском Камерном театре

Сказания и песни, стихи и легенды слагает народ о своих героях. Зоя Космодемьянская, молодогвардейцы, Александр Матросов... Об их бесстрашии, непоколебимой воле, любви к своей великой Родине написано уже много стихов, повестей, романов... Молодой белорусский драматург Аркадий Мовзон написал пьесу о бессмертном белорусском герое, отважном подпольщике и смелом партизанском вожаке Константине Заслонове.

Осень 1941 года. Немцы концентрируют силы для наступления на столицу Страны Советов. Потоки боевых грузов и живой силы врага движутся на Москву через большой железнодорожный узел — город Оршу. Для диверсий в этот крупный коммуникационный пункт противника возвращается молодой советский инженер, работавший здесь до войны начальником депо, Константин Заслонов. Мужество, воля, высокое патриотическое сознание помогают молодому большевику в сложном, опасном поединке с врагом.

Величие духа советских людей воплощено в этом образе, сила которого в нерушимой связи с народом, в неразрывности судьбы человека и государства в советском обществе.

Премьерой этого патриотического спектакля, дающего молодежи пример беззаветного служения Родине, отметил 800-летие Москвы Московский Камерный театр. Постановщик спектакля — Л. Лукьянов. Роль Заслонова играет С. Бобров. Художник — А. Тышлер.

И. Семенова

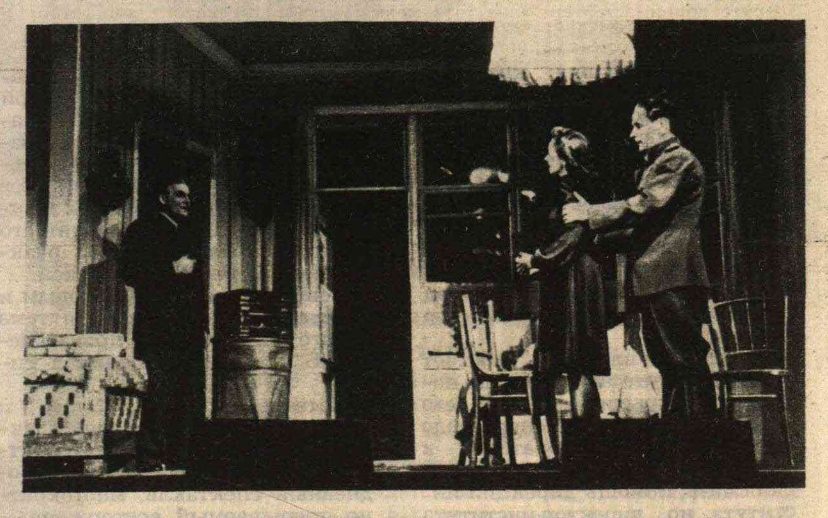
Сцена в депо. В центре Константин Заслонов — артист С. Бобров.

«Человек с того света»

Пьеса В. Дыховичного и М. Слободского в Московском театре сатиры

В доме старого заводского мастера Ивана Степановича Матвеева большой праздник. Из армии вернулся его единственный сын Александр, полковник авиации. Счастливые родители и Анна-Мария, приемная дочь Александра, живущая в доме Матвеевых около десяти лет, восторженно встречают его, «папу Сашу». Вместе с отцом Анны-Марии, храбрым революционером испанцем Педро Лангара, Александр сражался в памятные дни борьбы испанского народа за свою независимость и после смерти друга, убитого в бою, усыновил его семилетнюю дочь. Однако фашистская пуля не сразила Педро, его подобрали и выходили местные жители. И вот он приехал в Россию искать свою дочь, которую, как он узнал, переправили сюда после его «смерти». Сейчас он живет в Америке, имеет приличный заработок и хочет увезти с собой отца, но, конечно, она и представить не может себе, что должна уехать с ним в далекую Америку. Здесь, в России, прошли лучшие годы ее детства, здесь ее школа, друзья, комсомол. Здесь перед ней, как и перед каждым советским человеком, открыта широкая дорога в будущее, содержательная, творческая жизнь, борьба за высокие общечеловеческие идеалы, а там — праздное, пустое существование среди людей, глубоко чуждых ей по духу, по взглядам на жизнь. Нет, конечно, она не согласна...

Сначала Педро не может понять своей дочери. Но постепенно он убеждается, что Анна-Мария — вовсе не исключение, что таковы все окружающие ее здесь люди, мечтающие не о спокойном, беззаботном существовании, а о живой деятельности, творчестве, борьбе. И Педро понимает теперь, почему так

«Человек с того света» в Театре сатиры. Сцена из 1-го акта. Слева направо: Педро — заслуженный артист РСФСР Б. Тенин, Анна-Мария — В. Жуковская, Александр—народный артист Таджикской ССР Г. Менглет.

Фото О. Кнорринга

дочь. В возможности дальнейшей борьбы Педро разуверился, и теперь его мечта — собрать деньги и уехать куда-нибудь на Таити и жить там на лоне природы, среди простых людей, писать картины (он художник) и воспитывать свою Анну-Марию...

Так начинается пьеса В. Дыховичного и М. Слободского «Человек с того света», поставленная Московским театром сатиры (постановщик — Э. Краснянский, режиссер—А. Чернявский). Это пьеса о простых советских людях, о их любви к своему делу, о их прочной связи с родной страной и большом счастье чувствовать себя нужными и полезными ей.

Действие пьесы и развертывается вокруг борьбы Педро с Анной-Марией. Анна-Мария горячо привязывается к Педро, который назвал себя ее дядей. Он напоминает ей покойного полна жизнь этих людей, почему так счастливы они, хотя порою им приходится нелегко...

В спектакле Театра сатиры это противопоставление двух мироощущений показано в целом правдиво и убедительно. Прекрасно проводит артист Б. Тенин трудную роль Педро — человека, уставшего от жизни и борьбы и обретающего прежние силы и уверенность в себе от общения с людьми, столь не похожими на тех, с которыми пришлось жить ему в «демократической» Америке. Живые образы простых советских людей, в среде которых вновь нашел себя прежний Педро, борец и революционер, создают артисты Г. Менглет (Александр), В. Жуковская (Анна-Мария), В. Хенкин (Матвеев), Е. Милютина (мать Александра) и другие исполнители.

Н. Никитин

ЖИЗНЬ СОЗИДАТЕЛЬНАЯ

Художник Георгий Нисский

На весенней выставке московских художников всеми была отмечена картина Георгия Нисского «Белорусский пейзаж». В этом холсте нет ничего от эффектных красот природы — это не поэтический уголок, не сверкающий солнечный пейзаж.

Тусклое осеннее небо, темная, почти серая трава, полотно железной дороги, уходящий поезд, семафор на переднем плане, маленький железнодорожный мост, перекинутый через ручей. Справа лесок, рыжеватая лужа у дороги. Где-то далеко в поле трудятся люди.

Почему же, глядя на этот осенний пейзаж, вы, тем не менее, чувствуете бодрую жизнь, проникнутую дыханием нашего времени, жизнь созидательную, переданную кистью современного советского художника?

Железнодорожные темы в картинах Георгия Нисского встречаются не впервые и не случайно. Первые романтические впечатления Нисского связаны с железной дорогой. Он рос в семье железнодорожника. Друзья его отца — машинисты — брали мальчика с собой в путь-дорогу, учили управлять локомотивом. В детских рисунках Нисского без конца изображались паровозы, семафоры, пакгаузы, мчащиеся составы.

Многие знают Нисского по морским пейзажам и считают его маринистом. В течение ряда лет на выставках появляются его картины, посвященные морям, омывающим советские берега. Художник плавал на пограничных катерах на Тихом океане, участвовал на боевых учениях на Черном, Балтийском морях, ходил на миноносцах, жил жизнью моряков на Каспии.

Вот как рассказывает Нисский о своем знакомстве с морем:

— Еще совсем молодым художником я приехал отдыхать к морю в Геленджик. Меня потрясли бескрайние, безграничные водные просторы, жизнь рыбаков, полная усилий, труда и борьбы со стихией. Я влюбился в море раз и навсегда. Хотелось писать море, небо, в котором оно отражено, людей, таких красивых и сильных в суровой морской обстановке.

Георгий Нисский — спортсмен. Живой, порывистый, весь в движении, он со страстью говорит о любом виде спорта. Легкоатлет, волейболист, лыжник, а главным образом — любитель парусного спорта. Еще в 1938 году он приобрел яхту, на которой выигрывал ряд классных гонок.

Поездки на яхте, непосредственное, длительное общение с подмосковной природой обогащают художника. Его пейзажи «Канал Волга—Москва», «Подмосковное водохранилище» романтичны, молоды и свежи.

В мастерской Нисского вас поразит обстановка, такая характерная для этого человека. Рядом с мольбертом и начатыми работами вы видите сигнальные пестрые флаги, компасы, модель яхты, флаг-гюйс.

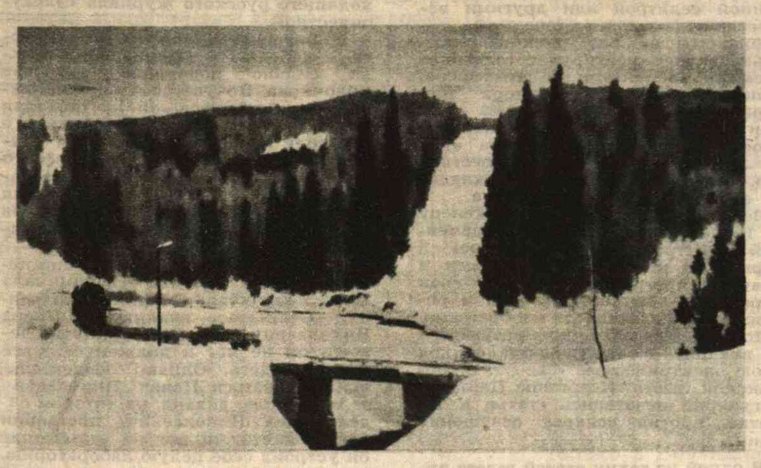
На стенах вперемежку с этюдами и законченными картинами висят аккуратно связанные лыжи. На ваш недоуменный вопрос, зачем одному спортсмену столько лыж, Нисский с юношеским увлечением объяснит неповторимые достоинства каждой пары.

По первому снегу Нисский забирается в такие места, куда не всякий может пройти. Его зимний пейзаж «Подмосковные просторы» видели многие. По этой композиции вы узнаете Нисского.

Круто поднимается снежная гора между стройными бархатными елями, вдали — сизый березняк. Через мостик проходит полотно дороги, вьется незамерзающий ручеек, видны провода электропередачи, поезд. А на снегу уходящая вдаль лыжня и человек на лыжах.

Художник Георгий Нисский не только любит природу и родные места, он ее видит глазами современного человека. Поэтому пейзажи его действенны, пробуждают в советском зрителе чувство родного, знакомого и близкого.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

Подмосковные просторы.

Дмитровский шлюз. Этюд.

Художник И. С. Горюшкин-Сорокопудов смотрит работу выпускницы Пензенского художественного училища Х. И. Ханонкиной.

Группа посетителей в картинной галлерее Пензенского училища.

Фото Н. Николаева

Пензенскому художественному училищу пятьдесят лет

В этом году исполняется 50 лет со дня создания Пензенского художественного училища и картинной галлереи.

В 1897 году в Пензе была открыта рисовальная школа, первым директором которой был назначен академик живописи К. А. Савицкий.

Среди художественных учебных заведений Пензенское училище занимало и занимает видное место. Готовя художников для поступления в академию и для преподавания в средних школах, оно сыграло значительную роль в развитии русского национального изобразительного искусства.

Этому способствовало сохранение традиций русской реалистической школы, заложенных такими представителями лучшей части «передвижников», как К. А. Савицкий, А. Ф. Афанасьев, А. И. Вохрамеев.

За полувековое существование училище дало первоначальное образование многим художникам, произведения которых вошли в сокровищницу русского изобразительного искусства. Достаточно указать такие имена, как лауреат Сталинской премии Г. К. Савицкий, профессор А. Е. Карев и др.

Всего за пятьдесят лет училище окончило 800 человек, 560 из них выпущены в советское время.

Сейчас в Пензе изобразительному мастерству учится талантливая молодежь из Астрахани и Архангельска, с Северного Кавказа и из Сибири, с Урала и Украины, с Дальнего Востока и из Средней Азии. Среди учащихся и преподавателей много бывших фронтовиков, отмеченных высокими правительственными наградами.

С 1908 года по настоящее время преподавателем училища работает художник И. С. Горюшкин-Сорокопудов, удостоенный за педагогическую и творческую деятельность звания заслуженного деятеля искусств РСФСР и награжденный орденом Трудового красного знамени.

Одновременно с училищем была создана картинная галлерея. Она насчитывает около 1200 экспонатов. Здесь мы встречаем работы виднейших русских художников: Репина — «Портрет священника Григорья Петрова», этюд к картине «Странник»; С. В. Иванова — «Переселенцы», «Семья»; К. А. Савицкого — «Инок», два этюда; Шишкина — «Лес-осинник». В галлерее экспонированы также и картины западноевропейских художников.

В день юбилея будет открыта выставка работ бывших воспитанников училища.

Среди учащихся объявлен конкурс на лучшие работы, отображающие эпизоды Великой Отечественной войны и послевоенный период восстановления и развития народного хозяйства.

Пенза.

Н. ГРАЧЕВ

«РУССКОЕ СОЛНЦЕ»

(К 100-летию со дня рождения великого русского инженера П. Н. Яблочкова)

Федор ВЕЙТКОВ

Павел Николаевич Яблочков (1847—1894).

Много лет со страниц журналов и книг не сходит имя этого русского человека, в прямом смысле слова озарившего мир ярким светом, светом электричества.

Великий инженер и изобретатель-электротехник Павел Николаевич Яблочков — гордость нашей Родины. Его светлый облик по праву запечатлен барельефом в мраморном вестибюле московского метро на станции «Электрозаводская». И, глядя на бесчисленные огни наших городов и сел, на нарядные уличные светильники, на скромные домашние люстры, восхищаясь сияющими рубиновыми звездами кремлевских башен, мы вспоминаем гениального русского инженера Яблочкова, и сердце каждого советского патриота наполняется законной гордостью.

Ведь электрический свет — детище русского изобретательского гения! Еще на заре современной науки и техники создал он на благо человечества это великое творение.

П. Н. Яблочков изобрел «электрическую свечу». Она светила миру хоть и недолго, но вызвала к жизни всю современную электротехнику переменного тока.

Короткая, но полная непрерывного, напряженного труда, жизнь Павла Николаевича Яблочкова была без остатка отдана науке для блага Родины. Образ этого пламенного патриота-ученого будет вечно сиять сынам его обновленной Родины.

* * *

Павел Николаевич Яблочков родился 26 сентября 1847 года в с. Батьи, Саратовской губернии. Отец его был неудачливым помещиком, доведшим до упадка свое имение.

Яблочков кончил Военно-инженерное училище и был направлен в Киевский саперный батальон. Свое инженерное и особенно электротехническое образование он продолжил затем в Офицерских гальванических классах — одном из старейших в России электротехнических училищ.

В 1871 году Яблочков вышел в отставку и занял в Москве должность начальника телеграфа Московско-Курской железной дороги. С этого времени Яблочков совместно со своим другом Н. Г. Глуховым ведет разработку ряда теоретических и практических вопросов электротехники в своей маленькой любительской лаборатории-мастерской.

Яблочкова тогда особенно интересовала проблема создания простого и удобного источника электрического освещения. Было известно о многих попытках использовать для освещения вольтову дугу (ее открыл русский академик Василий Петров еще в 1802 году, на 10 лет раньше, чем англичанин Дэви). В России такие попытки были сделаны академиком Якоби в 1849 году, профессором Савельевым — в 1853 году, электротехником Шмаковским — в 1856 году и многими другими. Однако на протяжении почти трех четвертей столетия — до 1876 года — опыты не приводили к каким-либо практически применимым результатам. Дело в том, что никому из работавших в этой области не удавалось создать простое и надежное, автоматически действующее устройство для непрерывного регулирования дуги — сближения углей по мере их сгорания.

Яблочков тоже проделал немало опытов с вольтовой дугой. Он израсходовал на это все свои сбережения и кредиты друзей. Чтобы добыть средства на новые опыты, Яблочков и Глухов решили заняться производством поваренной соли электрическим способом.

Однажды осенью 1875 года, при опробовании аппаратуры, в одном из сосудов коснулись друг друга два параллельно расположенных угля. Тотчас же вспыхнула яркая электрическая дуга и началось бурное кипение раствора, грозившее порчей дорогому аппарату. Нужно было немедленно выключить ток. Но очарованные неожиданным зрелищем, Яблочков и Глухов стояли, словно оцепеневшие.

— Смотри, смотри: и регулятора никакого не нужно! — воскликнул Яблочков.

У него мелькнула мысль о том, что именно таким образом нужно расположить угли дуговой лампы, чтобы освободить ее от сложных регуляторных устройств. Так Яблочкову пришла счастливая техническая идея устройства своей знаменитой «электрической свечи».

Вскоре Яблочков выехал за границу. В Париже он продолжал разрабатывать идею своей «свечи». Здесь 23 марта 1876 года он получил патент на «электрическую свечу».

«Свеча Яблочкова» состояла из двух параллельных, стоящих вертикально, углей. Между ними находился слой каолина. Наверху прикреплялась тонкая запальная пластинка. При включении тока она раскалялась, и между углями возникала дуга. Равномерность сгорания обоих углей была обеспечена применением переменного тока. При горении дуги промежуточная изолирующая прослойка легко испарялась. «Свеча Яблочкова» не требовала специального автоматического регулятора и почти не нуждалась в уходе. Горение каждой свечи продолжалось около двух часов. Изобретатель поместил под одним колпаком несколько таких свечей, одна за другой включавшихся в работу, что обеспечивало длительное свечение.

Публичная демонстрация «свечи Яблочкова» в Лондоне, Париже и многих других городах неизменно вызывала всеобщий восторг.

Электрическую «свечу Яблочкова» называли «русским светом», «русским солнцем», «русской свечой». Парижские и лондонские журналы и газеты того времени писали: «Свет приходит к нам с Севера, из России».

«Русским светом ярко освещены теперь (1876 г.) театр Шатлэ, магазины Лувра, площадь Оперы в Париже, порт в Гавре, набережная Темзы в Лондоне».

«В одном только Париже одна тысяча русских свечей вытеснила с улиц 70 тысяч газовых рожков...»

В Париже создается акционерное общество по эксплоатации изобретения Яблочкова и начинается массовое производство «русских свечей» — до 8 тысяч штук в день.

Яблочков больше всего хотел, однако, чтобы «русская свеча» получила, наконец, распространение на ее родине — в России. С этой целью он в 1879 году приехал в Петербург, предварительно собрав все свои деньги и выкупив во Франции свой патент за 1 миллион франков.

Яблочков был восторженно встречен на родине. В газетах и журналах посвящались ему статьи, печатались его портреты. Было организовано «Товарищество по производству «свечей Яблочкова». Однако экономические и политические условия царского режима препятствовали эффективному использованию передовых технических идей и изобретений. Сам Яблочков больше интересовался научно-технической стороной дела и другими своими изобретениями, чем организационными мероприятиями и финансовыми вопросами. Владельцы газовых компаний, среди которых преобладали иностранцы, принимали все меры к тому, чтобы ликвидировать опасного конкурента — электрическое освещение. Интригами и различными махинациями «Товариществу электрического освещения» был нанесен сокрушительный удар.

* * *

Значение Яблочкова для мировой электротехники не только в изобретении им первого практически применимого электроосветительного прибора: Яблочков дал человечеству и целый ряд других важных изобретений и направил усилия электротехников по новым путям.

Конечно, выдающуюся роль сыграла и самая «свеча Яблочкова». Разделительный изоляционный слой в этой свече не только автоматически сохранял между углями, по мере их сгорания, неизменное расстояние, но выполнял и другую важную функцию: пары испарявшегося в пламени дуги каолина уменьшали сопротивление участка электрической цепи между углями, кроме того усиливали свечение пламени. «Свеча Яблочкова» — прообраз ярких калильных ламп — «горелок Ауэрбаха», «лампы Нернста» и других светильников, появившихся позднее.

Необходимость усовершенствовать распределение тока и подключения «свечей» дала толчок к решению сложного вопроса о емкостном и индуктивном сопротивлениях при переменном токе — этой основы современного расчета электрических цепей.

Использование Яблочковым в его «свече» одинаковых, параллельно расположенных углей привело к необходимости в широких размерах применять переменный ток.

Яблочков изобрел трансформатор и разработал конструкции машин переменного тока, решивших задачу современной передачи электрической энергии по проводам на сотни километров.

Именно П. Н. Яблочков дал толчок развитию в Германии на заводах Сименса производства электрических машин переменного тока. По этому поводу известный русский ученый-электротехник профессор Угримов в свое время писал: «Эта машина (генератор фирмы Сименс) целиком была построена по проекту Яблочкова».

И во Франции развитию электромашиностроительной промышленности был дан толчок работами Яблочкова. Так, история расцвета известной французской электромашиностроительной фирмы Грамма тесно связана с повышением спроса на машины переменного тока для питания «свечей Яблочкова».

Помимо работ в области сильных токов, Яблочков известен также созданием оригинальных гальванических элементов громадной для таких источников тока мощностью — до 30 киловатт. Принцип действия одного из подобных элементов, сконструированных Яблочковым, заключался в возникновении электродвижущей силы при соприкосновении раскаленных углей с расплавленной селитрой или другими веществами («элементы горения»).

Яблочков не раз рисковал жизнью, экспериментируя с гальваническими элементами в атмосфере, наполненной парами хлора или взрывчатыми газами. В 1882 году при одном из взрывов и пожаров в своей лаборатории Яблочков едва не лишился жизни. Происшествие это, впрочем, нисколько не охладило его творческого энтузиазма.

Великому русскому инженеру П. Н. Яблочкову — творцу современной электротехники — пришлось в борьбе со многими мракобесами и врагами прогресса защищать свои передовые технические идеи и реализовать выдающиеся изобретения.

До того как Яблочков разработал и внедрил в европейский обиход свою электрическую «свечу», в германской газете «Кельнише Цайтунг» регулярно печатались статьи и заметки против всякого освещения улиц.

В одной из таких статей газета писала: «Уличное освещение — есть вмешательство в божий распорядок. Человеку не дано ночь превращать в день. С медицинской точки зрения, ночное пребывание на улицах будет увеличивать число заболеваний. Уличное освещение делает лошадей пугливыми и помогает преступникам. Публичные празднества имеют назначением создать подъем национального чувства; важное значение имеет при этом иллюминация. Существование же постоянно яркого уличного освещения значительно ослабит эффект, производимый иллюминацией...» В те времена такие «научные» доказательства читались и выслушивались многими без улыбки.

Известный французский электротехник, директор электромашиностроительной фирмы Грамма Ипполит Фонтен в своих трактатах неоднократно высказывался в том смысле, что «электрическое освещение никогда не сможет конкурировать с газовым». Он же категорически выступал против применения переменного тока и, в частности, для электрического освещения. Яблочкову пришлось на публичной лекции разоблачать корыстный подход Фонтена, который превратился, однако, в горячего поборника переменного тока, как только фирма Граммов, почуяв наживу, перешла на изготовление новых машин. Это было целиком обусловлено триумфом «свечи Яблочкова».

Никогда не будет забыто, что работы Яблочкова на первых порах встретили яростное сопротивление со стороны известного американского изобретателя Т. Эдисона, развернувшего в Америке кампанию против переменного тока.

Теперь уже общепризнано, что великий русский инженер Павел Николаевич Яблочков был поистине гениальным провидцем, борцом и пропагандистом передовой научной мысли. Именно переменный ток сейчас является основой электротехники.

* * *

П. Н. Яблочков был одним из инициаторов создания Электротехнического отдела известного «Русского технического общества» и был избран заместителем председателя его. Он принял деятельное участие в издании одного из лучших в мире технических журналов и поныне выходящего русского журнала «Электричество».

Непрерывная напряженная работа, а нередко и материальная нужда сильно подорвали здоровье Яблочкова. Почувствовав приближение рокового часа, он не пожелал оставаться за пределами родины и в 1893 году выехал из Парижа в родной Саратов. На месте отцовского дома Яблочков застал лишь развалины: дом сгорел. У изобретателя не оказалось даже крова. Яблочков остановился в дешевом номере саратовской гостиницы.

«— Это был самый трагический период нашей жизни, — вспоминала жена Яблочкова — Мария Николаевна. — Открылась водянка, и Павел Николаевич стал весь пухнуть. Лежать он не мог и должен был все время сидеть. Однако бездеятельным оставаться Павел Николаевич не мог. Около дивана, на котором сидел Павел Николаевич, поставили большой стол, и вот на этом столе он устроил себе целую лабораторию, все время говоря, что он скоро окончит свои опыты. Я и сын чередовались у его дивана и днем и ночью... Болезнь развивалась быстро...»

31 марта 1894 года, в предутреннем мраке, едва рассеиваемом мигающей коптилкой, неумолимая смерть настигла человека, озарившего мир сиянием своего гения...

* * *

Смелые технические идеи великого русского инженера получили наиболее полное воплощение и дальнейшее развитие только при советской власти.

Свершилось то, что предсказывал Яблочков: «Электрический ток будет передаваться его потребителям, как газ или вода».

Великая Октябрьская социалистическая революция неузнаваемо изменила лицо нашей Родины. Советская власть, Ленин и Сталин вывели нашу страну на путь расцвета электрификации, о котором мог только мечтать П. Н. Яблочков.

В грандиозных работах, которые неустанно ведет советский народ, огромную роль играют советские электротехники — потомки и наследники великой школы русских электротехников. Выдающимся представителем этой школы был великий русский инженер и изобретатель Павел Николаевич Яблочков.

Искатели футбольного жемчуга

Н. СЕВИДЖ

Рисунки Бор. Ефимова

Футбольный матч превратился в коллективную схватку по вольноамериканской борьбе.

Начнем наше футбольное повествование с описания двух матчей на первенство Южной Америки. Соревнование шло между Бразилией и Аргентиной, которые считаются великими футбольными державами латино-американского континента.

«Дело происходило на стадионе Ривер-Плата, вмещающем 75 тысяч зрителей, а на этот раз их пришло гораздо больше,— пишет в своем отчете о матче французский спортивный еженедельник «Рекорд». — Матч, как это принято в здешних широтах, сопровождался несмолкаемым и оглушительным аккомпанементом свиста, улюлюкания и аплодисментов». Сила этой шумовой волны все возрастала. К перерыву счет был 1 : 0 в пользу хозяев поля, то есть аргентинцев. До этого момента события развивались хотя и бурно, но более или менее нормально. К сожалению, во время одной из бразильских контратак серьезно пострадал капитан аргентинской команды Саломон. От этой искры взлетел в воздух пороховой погреб долго сдерживаемых человеческих страстей. Поле стало ареной ожесточенного побоища, в котором приняли участие футболисты, зрители и блюстители порядка, так как и им не чужды переживания футбольных болельщиков. Толпы молодых людей хлынули на поле, карабкаясь через рвы, пролезая сквозь проволочные заграждения. Футбольный матч превратился в коллективную схватку по вольноамериканской борьбе.... Лишь энергичное вмешательство крупных отрядов конной полиции положило конец побоищу... Обиженные (!) бразильцы не захотели возобновлять игры и удалились в раздевалку. Только после долгих полуторачасовых уговоров они вернулись на поле, и матч закончился в пользу аргентинцев.

Матч-реванш состоялся в Бразилии. На этот раз участники поменялись ролями: вчерашние гости стали «гостеприимными» хозяевами, а бывшие хозяева «обиженными» гостями. Отчет об этой встрече воспроизводим со страниц другой французской газеты, «Спор-Вю»:

«На матче присутствовало рекордное число зрителей. 25 тысяч человек остались за бортом стадиона, и полиции пришлось принять крутые меры, чтобы сдержать этот человеческий поток. На 28-й минуте один из аргентинцев ударил своего противника ногой и получил в ответ удар... кулаком. Поведение публики было настолько угрожающим, что «гости» поспешили ретироваться в раздевалку. На их счастье, в этот критический момент разразилась гроза с тропическим ливнем, который охладил пыл засучивших уже было рукава зрителей. Когда страсти окончательно улеглись, команды вновь вышли на поле, причем бразильцы закрепили за собой победу, что немало способствовало примирительному отношению публики к гостям...»

Как видно из этих отчетов, игра в футбол в странах Латинской Америки сопряжена с серьезным риском для игроков и судей. Им не могут помочь никакие рвы, проволочные заграждения, бетонированные раздевалки, ни даже внушительные полицейские силы. О сколько-нибудь объективном судействе в обстановке неудержимого азарта и разнузданного шовинизма говорить не приходится. Опытные судьи, опасаясь расправы со стороны зрителей, воздерживаются от выступления в международных матчах. Отсюда и кризис судейства и нехватка квалифицированных судей в странах Латинской Америки. В поисках выхода из столь трудного положения спортивные организации выдвигают различные проекты — вроде привлечения судей из Европы, введения института профессиональных судей и т. п. И не случайно Чилийская футбольная федерация обратилась к деятелям британского футбола с просьбой завербовать для нее в Англии опытных судей. Из этой затеи ничего не вышло, причем злые языки утверждают, что англичане не захотели ехать в Южную Америку, так как тамошние страховые компании не принимают, мол, на себя риска по страхованию жизни футбольных судей. Уж больно опасная это профессия!

Все это не анекдоты, а факты, причем факты тем более грустные, что с ними придется вскоре познакомиться на практике футболистам европейских стран — будущим участникам IV мирового первенства по футболу, для которого место почему-то нашлось только в Бразилии.

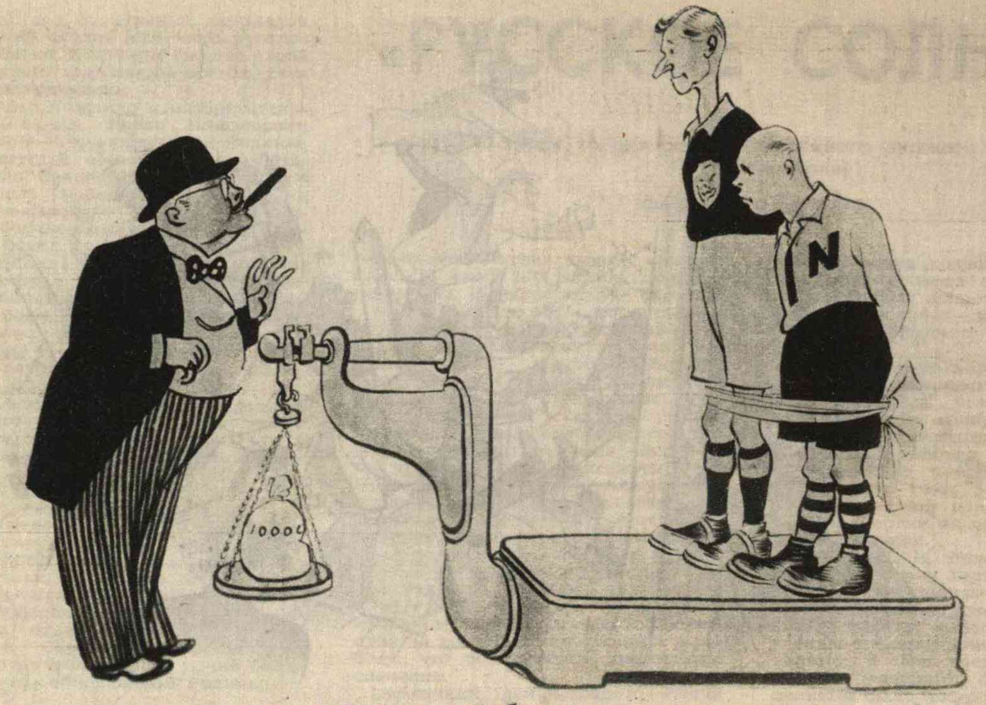
Впрочем, если даже допустить, что все эти факты не повторятся в 1949 году, во время розыгрыша первенства, то и в этом случае выбор любой заокеанской страны для проведения первенства нельзя было бы признать удачным. И вот почему. Заседавшая недавно в Лондоне специальная комиссия по организации первенства установила, что пребывание европейских участников первенства в Бразилии продлится от 6 до 8 недель, если они отправятся туда морем, и от 4 до 6 недель,—если воздушным путем.

Таким образом, европейским командам придется отлучиться в разгар сезона примерно на два месяца и играть в непривычных условиях страны с субтропическим климатом. Опыт первенства 1930 года, проведенного в Уругвае, показал, что в этих условиях у европейских команд, независимо от их класса, нет почти никаких шансов на выигрыш.

Решение провести первенство в Бразилии значительно подняло в Европе акции латино-американского футбола. Пошла мода на экзотических футболистов, повлекшая за собой усиление их импорта в ряд европейских стран, особенно в Италию, Францию, Португалию и Испанию. К слову сказать, в Италии импортированные южноамериканские футболисты вместе с поляками (бывшими андерсовцами) составляют основное ядро иностранной рабочей силы в итальянском профессиональном футболе. Если судить по объявлению, помещенному недавно во французской спортивной газете «Экип», «опытные итальянские футболисты ищут работы и готовы предложить свои услуги какому-либо французскому провинциальному клубу». Наплыв иноземных футбольных гастролеров вынуждает самих итальянцев искать заработки за границей.

Впрочем, после войны, в условиях бурного расцвета футбольной зрелищной промышленности, импорт и экспорт футболистов приняли невиданный размах. Даже Англия — эта цитадель футбольного изоляционизма, не признававшая в течение полустолетия никаких футболистов, кроме уроженцев британских островов, — ныне использует иностранных игроков в своих ведущих профессиональных командах. Пока дело ограничивается десятком иностранцев, но начало положено... Чемпион Швеции центр нападения команды «Норчеппинг» Нордаль во время своего пребывания в Англии получил много выгодных предложений от менеджеров и владельцев различных футбольных клубов, но пока устоял перед соблазном. Англичане покушались и на знаменитого датского форварда Грена, но того перехватили у них французские футбольные предприниматели, крупные специалисты по «умыканию» иностранных футболистов. Недаром некоторые иностранные команды воздерживаются от поездок во Францию, так как опасаются лишиться своих игроков.

В Англии, Франции и некоторых других странах зародилась новая профессия футбольных вербовщиков. Они носят романтическое название «искателей жемчуга», на самом же деле это самые настоящие торговцы «живым футбольным товаром». В конце сезона газеты печатают подробные данные о спросе и предложении рабочей силы на футбольном рынке, публикуют курсы на игроков отдельных специальностей (например, во Франции в этом году высоко котируются вратари и крайние нападения, а в Англии — центры защиты) и фиксируют наиболее крупные сенсационные сделки по купле-продаже игроков. Так, например, в этом году в Англии побит оригинальный рекорд: некто Вилли Стилл — игрок сборной Шотландии и команды «Гринок Мортон»—«переуступлен» своим клубом команде «Дерби Каунти» за 15 500 фунтов стерлингов (прежний рекорд принадлежал «Арсеналу», который уплатил за Брин Джонса 14 000).

Торговец «живым футбольным товаром».

А вот пример из французской практики. Ворота чемпиона Франции команды «Рубэ» защищает первый вратарь страны и Европы Дарюи. Без него «Рубэ» едва ли выиграл бы звание чемпиона. Это, однако, не помешало предприимчивым владельцам клуба вступить в переговоры с парижским «Рэсингом» о продаже Дарюи парижанам за 4 миллиона франков. Сделка не состоялась только потому, что цена была явно с запросом, так как сам «Рубэ» купил несколько лет тому назад Дарюи за 400 000 франков. В порядке борьбы с торговлей «белыми рабами» Французская футбольная федерация не нашла ничего лучшего, как запретить употребление термина «трансфер» (перевод) для обозначения сделок по переуступке футболистов, и ввела вместо него более дипломатичный термин «мютасион-пейант» (платный переход). От игры словами положение вещей, конечно, не изменилось.

Астрономические цифры «трансферов» — результат тех блестящих оборотов, которые сделали профессиональные клубы в истекшем сезоне. В Англии доход 88 клубов трех групп «Английской Лиги» превысил 10 миллионов фунтов стерлингов, а во Франции 20 клубов так называемой национальной группы заработали 250 миллионов франков. Эти цифры бьют все довоенные рекорды и свидетельствуют о том, что в послевоенной Европе футбол является, несомненно, ведущей отраслью спортивной промышленности и серьезным фактором в экономической жизни страны.

Несмотря на огромные дивиденды, союз британских футбольных предпринимателей (такая организация существует в Англии) категорически отказался повысить заработную плату профессиональным футболистам. Возникла угроза забастовки. В дело вмешалось министерство труда. Конфликт разбирался в арбитраже, который вынес решение в пользу футболистов. Кстати сказать, речь шла о повышении заработной платы всего на 2 фунта стерлингов в неделю.

Рост послевоенного футбола находит свое выражение не только в размахе импорта и экспорта игроков, в повышении цен на отдельных футболистов и в баснословных барышах футбольных предпринимателей, но и в значительном увеличении числа международных встреч. Если в сезоне 1946 года состоялось около 80 встреч, то в этом году — за весну и часть лета — проведено уже около полусотни. Только в Европе, не считая Англии, состоялось за три месяца около 30 международных матчей.

Англия, выиграв со счетом 3 : 0 у Франции, взяла реванш за свое прошлогоднее поражение в Париже (1 : 2). Зато англичане потерпели фиаско в Цюрихе, проиграв там швейцарской сборной 0 : 1. Это поражение повлекло за собой любопытные последствия. Английские футбольные обозреватели сообщают о решении, принятом Британской футбольной федерацией: «Открыть в Мерлоу, недалеко от Лондона, курсы по повышению квалификации для европейских футбольных судей» (так как большинство английских поражений за границей проистекает, мол, от низкого качества судейства.—Н. С.). Кроме того решено «командировать в Европу нескольких опытных британских судей для того, чтобы приучить европейскую публику к английской системе судейства и дать ей понятие о том, что представляет собой футбольный матч при правильном судействе...»

Победа над Англией вскружила голову швейцарцам. Тем более горьким было их разочарование, когда они вслед за этим потерпели у себя в Лозанне поражение от сборной Франции (1 : 2). Ведь по зарубежным представлениям поражение на своем поле означает поражение в квадрате.

Швейцарская пресса в своих откликах всячески старается дискредитировать французскую победу и смягчить поражение своих футболистов, теряя при этом не только хладнокровие, но и элементарное чувство объективности. Лозаннская «Ла Сюис» пишет: «...Так как швейцарцы победили англичан, а британская команда отыгралась 10 : 0 за счет португальцев, наши французские друзья, которые продолжают оставаться такими же националистами, какими они были до войны, считали вопросом чести побить нас. В этом смысле они добились успеха. Что касается закономерности результата, то позвольте усомниться в этом, и если французы забили два мяча, то произошло это не столько благодаря достоинствам их нападающих, сколько из-за ошибок нашего вратаря». «Трибюн де Женев» указывает, что «матч не оставит доброй памяти о себе», а «Экспресс» из Невшателя добавляет, что «мы пришли посмотреть красивую игру, но, к сожалению, так и не увидели ее...» Наконец, «Цюрихский спорт» добивает французов, утверждая, что «в лучшем случае они могут считать, что победили тень той команды, которая одержала победу над англичанами», причем далее, по словам французской «Экип», следуют неуместные и бестактные намеки на наличие профессионализма во Франции, что, мол, объясняет отчасти поражение швейцарских «любителей».

Подобная перебранка характерна для прессы тех стран, где спортивные победы или поражения используются реакционными силами для пропаганды шовинистических и националистских идей.

Хотя в Европе не устраивают на футбольных полях побоищ, подобных тем, которые происходят в Южной Америке, тем не менее отдельные эксцессы имеют место и здесь. Напомним об инциденте, который недавно произошел в Париже во время матча Франция — Бельгия (выиграли французы 4 : 2). Об этом случае «Экип» сообщает в сухом хронометражном отчете о матче, не делая из него никаких выводов. Позиция, более чем странная для ведущей спортивной газеты, которая, кстати, недавно возглавляла проводившуюся во Франции кампанию «Руки прочь от судьи!» (результат эксцессов со стороны игроков и публики). Приводим соответствующую выдержку из этого отчета: «85-я минута. Линейный судья бельгиец Ван ден Боше вызывает недовольство публики, просигнализировав, что Барат и Вааст якобы «вне игры». В бельгийца летят пустые бутылки. Полиция наводит порядок...»

Мимоходом мы упомянули о победе англичан в Лиссабоне с фантастическим для современного международного матча по футболу счетом 10 : 0. Самый факт, быть может, и не заслуживал бы внимания, так как житье-бытье португальских футболистов, так же как и их испанских собратьев и соседей, нас мало интересует, если бы не некоторые пикантные подробности этого поражения, которые проливают яркий свет на быт и нравы салазаровских футболистов. После этого невиданного в истории португальского спорта разгрома было снаряжено следствие, которое установило, что в данном случае имела место... итальянская забастовка португальских футболистов, недовольных тем, что им не заплатили обещанной премии за победу над Эйре!

Бег в древности

Бег — один из самых древних и широко распространенных у всех народов видов спорта. В древней Греции, в «пеналоне», т. е. в пятиборье, состоявшем из бега, прыжков с места, метания диска и копья и борьбы, победа в беге ценилась выше всего. Первая награда доставалась лучшему бегуну. Знаменитые бегуны, победители Олимпийских игр, воспевались в песнях, воздвигались их статуи, легенды о быстроногом Ахилле дошли до наших дней.

У древних греков распространены были четыре вида бега: «стадион» — обыкновенный однократный бег на длину Олимпийского стадиона, «диаулос» — двукратный бег, «домах» — бег на выдержку, на дистанцию, равную 4400 метрам, и бег вооруженных. Последнему виду придавалось исключительно большое значение. Юноши должны были бежать в полном вооружении: в латах, шлемах, со щитами и мечами в руках. Только сильные, хорошо подготовленные воины могли рассчитывать на победу.

В средние века бег был вытеснен рыцарскими турнирами, и тот, кто вздумал бы на глазах у зрителей совершить спортивную пробежку, рисковал быть осыпанным градом насмешек. Бег стал профессией гонцов-скороходов.

В те времена, когда не было телеграфа и других современных видов связи, каждый богатый человек держал у себя скороходов. Их нанимали обычно в горных провинциях из числа самых выносливых и быстроногих юношей.

В XVI веке в Англии спортивный бег снова возродился, но просуществовал недолго. Под влиянием пуритан бег, как и многие другие виды спорта, был запрещен.

В 1896 г. в Афинах впервые были устроены соревнования по марафонскому бегу. Участники соревнования бежали на дистанцию — 40,2 километра, которую в древности пробежал юноша-воин, доставивший весть о победе.

Марафонский бег выиграл грек Луес. Он пробежал это расстояние в 2 ч. 58 мин. 20 сек.

Ал. СВЕТОВ

Между прочим

«ПРИКАЖЕТЕ СЛОМАТЬ?..»

Архивные материалы известного скульптора, автора памятника А. С. Пушкину в Москве Александра Михайловича Опекушина, еще недостаточно изученные, содержат в себе немало интересного.

Среди этих материалов имеются копия отпускной, согласно которой «лета 1859 года марта 20 был отпущен помещицей Е. В. Ольхиной вечно на волю, без земли крестьянин Ярославской губернии, Даниловского уезда, деревни Свечанной Александр Михайлович Опекушин», и записанная с его слов биография скульптора, в которой приводится яркий документ—повествование Опекушина об участии его в конкурсе на памятник А. С. Пушкину:

«Мой проект получил первую премию. Радость, конечно, для меня была необычайная. Но она как-то внезапно была оборвана резким изменением отношений ко мне Академии художеств. Я думаю, что тут большую роль сыграла газета «Голос», напечатавшая статью, содержание которой было примерно следующее: чему, мол, учит Академия художеств, когда на пушкинских конкурсах всех академиков заткнул за пояс какой-то совсем не учившийся крестьянин Опекушин.

Дня через три после напечатания статьи в «Голосе» ректор Академии вызывает меня и говорит:

— Потрудитесь очистить в трехдневный срок академическую мастерскую!

— Почему?

— Вы получили заказ на Пушкина, а поэтому в состоянии теперь устроить свою мастерскую.

Я работал тогда над статуей летописца Нестора. Она в глине была почти закончена.

— Дайте,— говорю,— мне месяц сроку окончить статую.

— Срок продлить нельзя, — сказал профессор.

— Что мне делать? Прикажете сломать? — спросил я.

— Это — ваше дело; что хотите делайте, но мастерскую нам очистите.

И ректор кончил со мной разговор.

Пришлось сломать почти совершенно законченную статую, над которой я работал около двух лет».

Так по прихоти чиновника навеки погибло одно из творений талантливого скульптора.

Помещаемые нами автопортреты написаны выдающимися мастерами русской живописи.

ВСПОМНИТЕ, КТО ИЗОБРАЖЕН НА ЭТИХ АВТОПОРТРЕТАХ

Уголок натуралиста

Кукушкины тайны

Кукушка — странная птица, похожая своим видом на ястреба. С этим зловещим сходством мало вяжется ее спокойный, нежный голос. Быт и нравы кукушки отличаются рядом особенностей.

Кукушки прилетают и отлетают не стаями, а поодиночке. Самцов у них больше, чем самок, поэтому среди них распространено многомужество. Известную всем песню поет самец, самка издает похожий на смех крик «Ку-ик, ку-ик, ку-ик». Еще не установлено точно, сколько яиц несет кукушка, но период их кладки продолжается длительное время, и это, повидимому, заставляет кукушку класть свои яйца в чужие гнезда, так как при самостоятельном высиживании из положенных первыми яиц уже вывелись бы птенцы, когда последние яйца были бы только что положены в гнездо.

Окраска и величина кукушечьих яиц подходят к окраске и величине яиц тех птиц, которым они подкладываются. Из этого, однако, не следует, что одна и та же кукушка несет яйца разнообразных расцветок. Каждая кукушка несет одинаково окрашенные яйца и подкладывает их в гнезда только одного вида птиц, которые в свое время являлись ее воспитателями.

Вылупившийся из яйца в чужом гнезде еще слепой кукушонок выкидывает детей своих приемных родителей, даже если эти дети старше его — уже смотрят и стали оперяться. Для этого кукушонок, действуя как лунатик, с закрытыми глазами, подлезает под законного птенца, взваливает его себе на спину и, выпрямив ноги, поднимает на себе к краю гнезда, затем, «работая» голыми крыльями как обрубками рук, спихивает его вниз, поступая так до тех пор, пока не останется один в гнезде. Только одного такого большущего птенца в силах прокормить приемные родители, которыми обычно являются маленькие певчие птички, раза в два—три меньше подложившей яйцо мамаши.

Старые кукушки осенью улетают значительно раньше молодых. Молодые летят позднее, также поодиночке. Никто им не показывает дороги, но, проделав путь в тысячи километров, они, как это ни удивительно, безошибочно попадают в места кукушечьих зимовок.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Гайку или шуруп, заржавевший в дереве, которые долго не отвертывались, можно отвернуть так: надо взять кусок железа, раскалить его и прижать к гайке или головке шурупа. Через 2—3 минуты гайка или шуруп нагреются и легко отвернутся.

При отвинчивании заржавленных гаек хорошо помогает смазка керосином или скипидаром, которые быстро проникают в резьбу между гайкой и болтом и облегчают отвинчивание.

Посуду из-под керосина вымыть очень легко негашеной известью. В сосуд всыпают немного извести (в зависимости от величины посуды) и наливают до верху водой. Время от времени жидкость взбалтывают. Через несколько часов керосин осядет на дно. Посуду нужно вымыть теплой водой, и запах керосина исчезнет.

В бутылку с застарелыми осадками керосина, кроме извести, надо еще всыпать крупного песка и сильно трясти бутылку несколько минут.

Почему мы так говорим

БЕЗ ОБИНЯКОВ

Мы, не задумываясь, пользуемся громадным числом оборотов и словосочетаний: так себе, день деньской, была не была... Среди них есть такие, в которых из-за застывшего словосочетания сохранились слова, уже не употребляемые отдельно и непонятные сами по себе, например без обиняков.

Без обиняков — прямо, без намеков. Слова «обиняк» в языке уже нет. Между тем некогда был глагол обиноваться — колебаться, сомневаться (от «об» и «иной»). Следовательно, прямое значение «без обиняков» — не «без намеков», а «без колебаний».

ТЕНОР

Основная музыкальная терминология международна и одинакова во всех европейских языках. Она была заимствована из итальянского языка.

Названия голосов говорят о степени их высоты. Альт — от латинского альтус — высокий. Сопрано — от итальянского сопра — тоже высокий. Бас в переводе на русский язык — низкий. Баритон происходит от греческого барис — тяжелый.

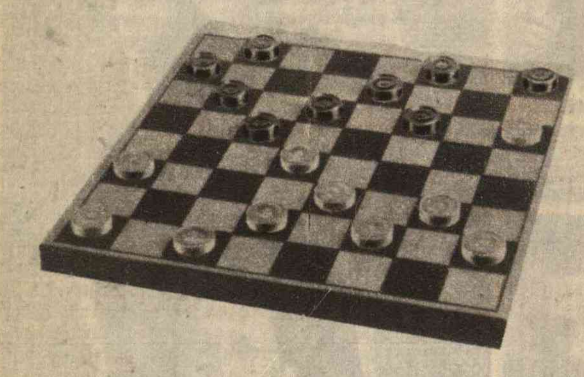
Особняком стоит слово «тенор». Оно родилось от латинского тенере — держать. Дело в том, что в средневековой многоголосой музыке этот голос вел, то есть держал, основную мелодию. Отсюда и это название.

И. УРАЗОВ

ШАШКИ

под редакцией мастера
Г. Я. Торчинского

На доске после 9-го хода.

В 12-м туре первенства СССР по шашкам 1946 года мастер Капнудель (Свердловск) применил интересную, но, как это убедительно доказал чемпион СССР И. Куперман, некорректную новинку в старинном варианте «городской партии». Ниже приводится партия, в которой И. Куперман опроверг этот вариант Капнуделя.

И. Куперман (белые)	А. Капнудель (черные)
1. c3—d4	f6—g5
2. b2—c3	g5—h4
3. c3—b4	d6—c5
4. b4 : d6	e7 : c5

Игра свелась к одному из вариантов «городской партии».

5. g3—f4	d8—e7
6. f2—g3	h4 : f2
7. e1 : g3	g7—f6?

Этот ход проигрывает партию. Следовало играть 7. ... e7—f6 с равной игрой.

8. g1—f2!	h6—g5(!?)

Оригинальная, но некорректная жертва шашки, обостряющая игру и создающая иллюзию преимущества у черных. На этот ход черные, повидимому, возлагали большие надежды, но просчитались.

9. f4 : h6	c7—d6
10. a1—b2	. . .

Несмотря на лишнюю шашку, белые должны играть крайне осмотрительно, находя единственные ходы. Правда, эти единственные ходы ведут белых к победе, но заслуга И. Купермана в том и состоит, что он за доской опроверг «новинку» Капнуделя. Если 10. g3—f4?, то 10. ... b6—a5; 11. d4:b6 a7 : c5 и черные должны выиграть. 10. c1—b2 или 10. d2—c3 последовало бы 10. ... d6—e5 и 11. ... b8—c7 с выигрышем, так как белые не могут развязать своей позиции.

10. . . .	d6—e5
11. b2—c3	e7—d6
12. a3—b4!	c5 : a3
13. g3—h4	. . .

Нельзя было 13. e3—4 из-за 13. ... d6—c5! и черные выигрывают.

13. . . .	d6—c5
14. h4—g5!	f6 : h4
15. d4 : f6	b6—a5
16. h2—g3	. . .

На 16. e3—f4 последовала бы хотя и не новая, но красивая комбинация: 16. ... c5—d4; 17. c3 : e5 f8—e7!; 18. f6 : d8 h8—g7; 19. h6 : f8 b8—c7!; 20. d8 : b6 a7 : c5; 21. f8 : b4 a5 : g3 и черные выигрывают. Если 16. c3—d4, то 16. ... f8 — g7!; 17. d4 : b6 (если 17. h6 : b4, то a5 : g7, выигрывая шашку) g7 : e5 и с лишней шашкой черные легко достигают выигрыша. Ничего не давало 16. h6—g7 f8 : h6; 17. f6—e7 из-за a5—b4; 18. c3 : : a5 a7—b6; 19. a5 : c7 b8 : f8 и т. д.

16. . . .	a7—b6
17. g3—f4	b8—a7
18. h6—g7!	. . .

Этот ход кладет конец иллюзиям черных.

18. . . .	f8 : h6
19. f4—g5!	. . .

Если 19. f6—e7, то 19. ... c5—d4!; 20. c3—e5 a3—b2; 21. c1 : a3 a5—b4; 22. a3 : c5 b6 : d8 и выигрывают.

19. . . .	h6 : f4
20. e3 : g5	c5—b4

Проигрыш черных теперь очевиден.

21. g5—h6	b6—c5
22. h6—g7	c5—d4
23. c3 : e5	b4—c3
24. d2 : b4	a5 : c3
25. g7—f8	c3—d2
26. c1 : e3	h4—g3

Если 26. ... a3—b2, то 27. f2—g3.

27. f2 : h4	a3—b2

28. f8—a3 и черные сдались.

Примечания **Н. Пустынникова.**

КОМБИНАЦИОННАЯ ПАРТИЯ

Н. Рукавишников (белые) — **С. Богданов** (черные)

Играна в Ялте в 1947 году.

1. c3—d4 d6—e5; 2. b2—c3 e7—d6; 3. g3—h4 b6—a5 (слабый ход, передающий инициативу белым. Следовало играть 3. ... f8—e7); 4. c1—b2 (вычурный ход. Обычно здесь играют 4. f2—g3 с последующей связкой левого фланга черных) 4. ... h6—g5; 5. f2—g3 e5—f4? (Этот ход мог повлечь за собой проигрыш партии. Необходимо было продолжать 5. ... g7—h6); 6. g3 : e5 d6 : f4; 7. a3—b4?

Белые не остаются в долгу у противника и в свою очередь допускают ошибку, позволяющую черным закончить партию красивой комбинацией. Следовало играть 7. e1—f2! с выигрышем, так как после 7. ... g7—h6; 8. f2—g3 белые выигрывают шашку, а на 7. ... f8—e7 последовала бы выигрывающая комбинация: 8. d4—e5 f4 : d6; 9. c3—b4, и т. д.); 7. ... f6—e5!!; 8. d4 : f6 (если 8. h4 : f6, то 8. ... d8—e7; 9. f6 : b6 a7 : c1 и т. д. с легким выигрышем); 8. ... g7 : e5!; 9. h4 : d4 c7—d6! 10. e3 : g5 d6—e5; 11. d4:f6 d8—e7; 12. f6: :d8 b8—c7; 13. d8 : b6 a7 : h6 и выигрывают.

Партия Рукавишников — Богданов. На доске после 7-го хода.

КРОССВОРД

составил читатель «Огонька» О. Румянцев (Харьков)

По горизонтали:

2. Лесной массив. 4. Город в Горьковской области. 8. Зимняя одежда. 10. Цирковой артист. 12. Толстая веревка. 15. Цветок. 16. Порт на юге Аравии. 18. Растение. 21. Назначенное время. 23. Минерал. 25. Разность давлений. 26. Хищная птица. 29. Город во Франции. 30. Мебель. 31. Принадлежность огнестрельного оружия. 32. Металл. 33. Продукт питания. 34. Хворостина. 36. Добыча. 38. Часть тела. 39. Русский композитор. 41. Совершенство. 42. Плакета. 44. Песчаный мыс. 46. Древнеримская одежда. 49. Край подошвы. 50. Спортивная площадка. 52. Растение. 54. Пушной зверь. 56. Русский художник. 57. Тактическая операция.

По вертикали:

1. Озеро в СССР. 2. Город в Эстонской ССР. 3. Курорт на Черном море. 5. Пролив в Балтийском море. 6. Страдание. 7. Распорное приспособление. 9. Дитя. 10. Красота. 11. Мужское имя. 13. Растение. 14. Размер типографского шрифта. 17. Температурное разложение. 19. Сельскохозяйственная работа. 20. Спирт. 21. Часть поршня. 22. Птица. 23. Вид диффузии. 24. Единица количества электричества. 27. Мебель. 28. Коралловый остров. 35. Часть орудия. 37. Тропическое растение. 39. Родственник. 40. Драма Ибсена. 43. Минерал. 45. Приток Дуная. 47. Упрек. 48. Верхние места в театре. 51. Бремя. 53. Драма Островского. 55. Мачта.

Ответы на кроссворд, помещенный в № 38

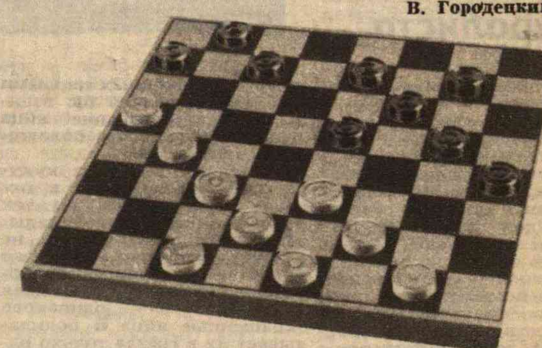
По горизонтали:

4. Саратов. 11. Макаров. 12. Каверин. 13. Телефон. 14. Каталог. 15. Дельфин. 16. Кабачок. 20. Черемуха. 21. Оратория. 22. Минимум. 25. Мука. 27. Орел. 32. Агути. 33. Атака. 36. Искра. 37. Налог. 38. Вобан. 39. Осака. 40. Алиби. 41. Осина. 42. Рукав. 43. Зенит. 44. Колье. 45. Араго. 48. Изида. 49. Тали. 52. Окоп. 56. Рутинер. 59. Паганини. 60. Абориген. 61. Сарацин. 65. Бильбао. 66. Сеченов. 67. Муравей. 68. Катализ. 69. Сибарит. 70. Капсюль.

По вертикали:

1. Батарея. 2. Панацея. 3. Гонолулу. 5. Арена. 6. Афера. 7. Олово. 8. Па-де-Кале. 9. Вельбот. 10. Сицилия. 16. Кама. 17. Банат. 18. Чумак. 19. Комо. 23. Марокко. 24. Журавль. 25. Минарет. 26. Колокол. 28. Ребенок. 29. Линотип. 30. Акрихин. 31. Каракас. 33. Агава. 34. Афина. 35. Авизо. 46. Ритор. 47. Гонец. 50. Ализарин. 51. Ирис. 52. Оран. 53. Озокерит. 54. Ватикан. 55. Бальзак. 57. Минерал. 58. Керосин. 62. Акула. 63. Аракс. 64. Идеал.

КОНЦОВКА.
В. Городецкий (Москва)

Белые начинают и выигрывают.

Главный редактор — А. СУРКОВ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. УРАЗОВА

А 08258. Подписано к печати 23/IX—47 г. 5½ печ. л. Изд. № 658. Тираж 154 000. Заказ № 2534. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР, ГЛАВПИЩЕКОНЦЕНТРАТ

Цена
3 руб.

ЛЕНИНГРАД. В часы досуга.

Фото О. Кнорринга.